

18+

ВИКТОР УЛИН
ХРУСТАЛЬНАЯ
Где,
в каких краях
встретимся
с тобою?..
СОСНА



Виктор Улин

**Хрустальная сосна. «Где, в каких
краях встретимся с тобою?..»**

«Издательские решения»

Улин В.

Хрустальная сосна. «Где, в каких краях встретимся с тобою?..» /
В. Улин — «Издательские решения»,

ISBN 978-5-00-606231-3

«Мы попали в артиллерийскую вилку: самый страшный удар времени пришелся именно по нам.» Эти слова главного героя, встретившего свое 25-летие в преддверии перестроечного развала СССР, могли бы служить эпиграфом к роману. Где показана история человека, испытавшего все тяготы судьбы, но приходящего в финале к эфемерному счастью.

ISBN 978-5-00-606231-3

© Улин В.
© Издательские решения

Содержание

Книга первая	6
Часть первая	6
1	6
2	11
3	16
4	24
5	26
6	33
7	37
8	44
9	51
10	55
11	62
12	66
13	72
Конец ознакомительного фрагмента.	75

Хрустальная сосна

"Где, в каких краях встретимся с тобою?.."

Виктор Улин

*Моему поколению,
разбитому на миллион осколков*

Дизайнер обложки Виктор Улин
Фотограф Виктор Улин

© Виктор Улин, 2023
© Виктор Улин, дизайн обложки, 2023
© Виктор Улин, фотографии, 2023

ISBN 978-5-0060-6231-3
Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero

*«Мы неизвестны, но нас узнают; нас почитают умершими,
но вот, мы живы; мы ничего не имеем, но всем обладаем».*

(2 Кор. 6:9)

Книга первая

Часть первая

1

«...Когда в пустом лесу – негромко и случайно – из дальнего окна доносится рояль...»

Я поймал себя на том, что бездумно гоняю свежоотточенный карандаш по листу с почти готовыми записями. Рояль в пустом лесу. Помимо воли, моя мысль унеслась куда-то далеко. Я никогда не видел и не слышал ничего подобного, но представил себе какой-то дачный поселок с подступившим к окраине лесом. Старую, даже старинную дачу где-нибудь в уютном Подмоскowie, с мелко застекленной пыльной верандой, с разошедшимися балясинами балконных перил над кривоватым, подгнившим крыльцом. И звуки рояля, всплывающие из распахнутого окна, летящие по лесу, отражающиеся от деревьев, смешивающиеся с негромким щебетом птиц... Когда была написана песня – в семидесятые годы, или даже в конце шестидесятых? Сегодня на дворе стоял восемьдесят четвертый. Тому устоявшемуся, сонному и романтическому существованию уже два года как настал конец. И медленно приближался из будущего неясный призрачный перемены. Однако прежняя жизнь продолжала катиться по инерции, и практически ничего не изменилось внешне с тех пор, когда Юрий Иосифович Визбор сложил те удачные слова. И пусть в песне говорилось о весне, а сейчас был разгар лета и лес давно не пуст, мысли мои были уже далеко отсюда. В завтрашнем дне, который подарит почти то же самое. Мне так захотелось скорее туда, что уже не осталось сил больше сидеть за своим столом и делать вид, будто работаю.

– Илья Петрович!..

Я вздрогнул от звука собственного голоса: так хрипло и неуверенно прозвучал он среди шелеста бумаг. Прокашлявшись, я высунулся из-за своего кульмана и позвал еще раз:

– Илья Петрович!

Начальник, стучавший клавишами микрокалькулятора, поднял голову. Я напряженно ждал его реакции. Если он ответит *«слушаю вас»* – значит, находится в хорошем настроении, и мне можно продолжать дальше. А если просто спросит – *«что такое?»* – то лучше промолчать.

– Да-да, слушаю вас, – начальник посмотрел на меня, поправляя тщательно повязанный галстук. – Слушаю вас, Евгений Александрович!

У него была такая манера: звать всех по имени-отчеству. Даже меня, хотя я в свои двадцать четыре года запросто мог быть его сыном. С одной стороны, это иногда льстило. Но чаще настораживало, поскольку от начальника вообще редко приходилось ожидать чего-то хорошего.

– Илья Петрович... – я кашлянул еще раз, потом выпалил одним духом: – Илья Петрович, можно я сегодня уйду пораньше, потому что мне завтра ехать в колхоз, и надо еще купить кое-что, вещи собрать и рюкзак сложить?

– После обеда? – зачем-то переспросил начальник, пристально глядя на меня.

– Да-да, после обеда, – я почувствовал, что вот-вот покраснею.

Словно был в чем-то виноват, и отпрашивался не для сборов на сельхозработы, а на встречу с другом в кафе.

– В колхоз, говорите?

– В колхоз. Завтра. Согласно приказу, с первого июля.

– В колхоз? – над своим кульманом показался долговязый Мироненко, старший инженер, спортсмен-разрядник, заядлый вело— и просто так турист, штангист, альпинист, и прочая. – В колхоз – это хорошо. Мускулы во какие накачаешь!

– Да... Я бы в колхоз – с удовольствием, – из неприступного угла, образованного развернутым шкафом, мечтательно протянула сорокалетняя красавица Виолетта Алексеевна, инженер-филолог, работающая переводчиком на весь институт, но числящаяся в нашей группе. – Там такой воздух, солнце, река... Молоком можно умыться.

– Зачем – умыться? – не понял простодушный Мироненко.

– Что вы, Юрий Степанович, как это «зачем»? В косметических целях. Кожа после него становится мягкая и эластичная.

Виолетта любила делиться своими знаниями – и на подобную тему, и всякими другими – и сейчас с удовольствием завела бы беседу минут на двадцать. Тем более, что Мироненко, умный в общем-то мужик, всегда слушал ее, разинув рот от неожиданности. Но начальник ее прервал:

– А почему едете именно вы, Евгений Александрович? Вы ведь в нашей группе не самый молодой.

– От нас еще Лавров. Прямо из отпуска, не заходя на службу.

– А Виктор Николаевич почему не едет?

Молчавший до сего времени Витек Рогожников высунулся из-за кульмана:

– С двумя малолетними детьми, Илья Петрович, сейчас даже в армию не посылают. Не то, что в колхоз!

Что верно, то верно – весной у Витьки родился второй сын. Хотя он был моложе меня. Впрочем, дурное дело не хитрое, как любил приговаривать мой сосед дядя Костя.

– А, понятно, – кивнул начальник. – Понятно.

– А вообще-то, – продолжал Рогожников, откинув со лба черные волосы, что всегда у него выходило как-то вызывающе, напоминая революционера или анархиста из старого фильма. – Я бы не против съездить. Денег поднакопить никогда не вредно.

– Каких денег? – не поняла Виолетта. – Разве там много платят за работу? Раньше, как мне кажется, там вообще ничего не платили.

– Так и сейчас не платят, – он пожал плечами. – Но там кормят бесплатно и магазинов нет. А здесь тем временем зарплата бежит. Вот и получается экономия за целый месяц.

– Опять вы о деньгах, да о деньгах, Виктор Николаевич, – поморщился начальник. – Вам что – есть нечего?

Сытый голодного никогда не поймет, – подумал я, но вслух ничего не сказал.

Рогожников тоже не ответил, лишь потупился и спрятался за кульман.

– Так что, Илья Петрович – вы меня отпустите? – напомнил я о себе.

– Отпустить?.. Отпустить, конечно, можно. Только зачем вам так рано? Вас что, жена в дорогу собрать не может?

– Жены у него нет! – быстро ответила из-за шкафа Виолетта.

– То есть как нет?! – смутился начальник. – Евгений Александрович...

– Да нет, Илья Петрович, – серебристым девичьим голоском засмеялась она. – Не судите своим опытом... Жена у него в экспедиции на все лето.

Вот это женщина! В душе я восхитился. Она знала все и про всех – абсолютно. Я вроде на работе никому не говорил, что Инна в экспедиции, что она уже давно бродит по невероятно далеким сопкам Приамурья. И про то, что от начальника ушла жена – она в свое время тоже узнала вперед всех.

– Ну, если нет жены, – покачал головой начальник. – Тогда, конечно, можно. Только как вы, Евгений Александрович, через турникет пройдете в такое время?

Ну вот, опять начинаются кошки-мышки, – подумал я. – *«Я-то пожалуйста, но вахта вас просто так не выпустит, прогул запишет, и так далее...»* Знает ведь, что вкладыш свободного прохода один на всю группу.

– Как-нибудь уж пройду, – я пожал плечами. – По-пластунски, в крайнем случае.

– Пусть вкладыш возьмет, – пробасил со своего места Мироненко. – Завтра утром перед отъездом отдаст кому-нибудь из нас.

– Вкладыш... – протянул начальник. – Можно, конечно.

– Нельзя, – отрезал я его благую попытку. – Отъезжаем не от нашего корпуса, а от административного.

– Н-да... – начальник покачал головой. – Проблема.

Виолетта молча стучала за шкафом своим карандашиком. Ей-то был известен тысяча и один способ проникновения через проходную в любую сторону в рабочее время без вкладыша и даже без пропуска. Она пользовалась своими тайными методами каждый день, под прикрытием дел в других секторах бегая на волю то за сметаной, то за сапогами, то еще за какой-нибудь хреновиной. Но умениями своими она никогда не делилась. Иначе ими стали бы пользоваться все, и это перестало бы сходить ей с рук.

– Проблема, – повторил начальник, любивший потянуть бодягу, придавая значительность любому пустяку. – Проблема... А сами вы что можете предложить, Евгений Александрович?

– Я?.. А знаете что – выпишите мне местную командировку, – наглея, предложил я. – На полдня. В тот же административный корпус. Или на завод. И все будет шито-крыто.

– На завод? Хм, – начальник покачал головой. – Ну, вы и жохи, молодые. Мы в ваши годы так ловчить не умели.

Я молчал. В общем-то, я ничего не терял. И, честно говоря, не очень-то мне и нужно было уходить пораньше; чтоб собрать на завтра рюкзак хватило бы получаса вечером. Просто сегодня, накануне отъезда, мне вдруг невыносимо осточертела наша комната, мой стол и кульман, и захотелось просто скорее отсюда убежать, чтоб не отсиживать последние несколько часов.

– Ладно, – неожиданно согласился начальник. – Выпишу. Можете с обеда не возвращаться.

– Спасибо, Илья Петрович, – искренне сказал я.

– Будет вам, – начальник улыбнулся. – Я тоже иногда бываю человеком. Надолго едете? Спросил он так, будто ни сном ни духом не ведал о делах своего подразделения.

– На месяц, – не подав виду, ответил я. – До первого августа.

– На месяц... Н-да. Когда вернетесь, я буду в отпуске. Не забудьте про чертеж изделия, который мы должны подготовить к сентябрю.

– Не забуду, – я кивнул. – Как вернусь, сразу за него и возьмусь. По-стахановски.

– Начальником вместо меня на это время останется Юрий Степанович, – он кивнул в сторону кульмана, из-под которого торчали стоптанные Мироненковские кроссовки. – Он вам поставит точное задание.

– Хорошо, Илья Петрович.

– И сегодня, прошу вас – мы уже много проболтали. Закончите, пожалуйста, до обеда ту спецификацию, что я дал вам в понедельник. Сможете?

– Она почти готова. Чуть-чуть осталось. Я же знал, что в колхоз еду.

– Приятно иметь дело со знающим человеком. Значит, договорились. Вы мне спецификацию – я вам командировку.

И он снова застучал на своем калькуляторе.

— —

Колхоз всегда представлялся мне благом.

Хотя даже многие ровесники туда ездить не любили и с зимы готовили справки о различных болезнях. А если справки не спасали: бывало, что разнарядка выпадала большой и посылали всех – то ехали туда, как на каторгу.

Я же выезды в колхоз любил и не боялся в том признаться. В институте ездил без отвращения, а уж оба лета, что работал в НИИ, рвался туда сам. Ведь отпуска молодым – то есть не достигшим сорока лет – сотрудникам в нашей организации давали в такое время, когда никто другой не соглашался: грязной тоскливой осенью или ранней, еще более грязной и холодной весной.

Так что эти поездки были для меня чем-то вроде выданного у начальства летнего отпуска, возможностью провести лучший месяц года на природе.

Я, конечно, в общем-то, был достаточно ленивым – как любой нормальный человек – но с детства любил физическую работу, особенно не слишком тяжелую и перемежающуюся с приятным времяпровождением. Может быть, потому, что судьба сделала меня работником умственным. Но ничто, как мне казалось, так не помогало здоровью, как две – а еще лучше четыре! – недели на свежем воздухе, с подъемом в строгие утренние часы, грубой простой пищей, ежедневной регулярной работой и ежевечерними песнями под гитару у неизменного костра... С этим не мог сравниться никакой турпоход, не говоря уж про пансионат или дом отдыха... На самом деле в последних я вообще никогда не бывал, только слышал, что таковые существуют.

Правда, не все так считали. Мой лучший друг Славка из отдела стандартизации как-то раз в сердцах заявил, что на тягловых дураках вроде меня и держится вся порочная практика. То есть когда колхозники пьют, а инженеры вместо них работают. И, разумеется, цитировал при этом песню Высоцкого про доцентов на картошке.

В принципе навалился он на меня зря: практика действительно была порочной, и я сам с этим не спорил. Но от того, что отказался бы ехать в колхоз конкретно я – или даже забастовали бы мы вместе с ним – ничего бы не изменилось. Потому все определялось именно нашей системой. А с системой бороться бесполезно.

К тому же я был молод и здоров. И не мог тайно не признаться, что перспектива помахать руками на свежем воздухе прельщала меня больше, чем сидение за кульманом в июльскую жару.

Хотя... если честно, я и кульман свой тоже любил. Мне нравилось чертить. Смотреть, как под точными движениями руки возникают на ватмане опорные точки, прямые линии, как ровно ложатся изгибы по лекалам, образуя постепенно уже что-то узнаваемое. И даже порой трехмерное, хотя и вычерченное на плоском листе. Я получал от этого процесса непередаваемое удовольствие. И не важно было, что с такой работой справится квалифицированная чертежница не только без высшего, но даже без среднего специального образования.

Дело в том, что я воспринимал адекватно сам себя. И давным-давно, в детстве, когда большинство еще мечтало стать космонавтами, артистами или академиками, я совершенно четко осознавал свою обыкновенность. Я знал, что таких, как я, встречается в среднем десять десятков на сотню. Что нет и не было никогда во мне ни талантов, ни даже каких-то отдельных способностей. И закономерным было то, что в свое время я закончил самый заурядный политехнический институт, стал обычнейшим из обычных дипломированным инженером и попал по распределению в этот абсолютно невыдающийся НИИ.

И отсюда уже вся моя жизнь оказалась размеренной на этапы, каждый из которых был четко оформлен во внешние и временные границы.

Сейчас я сидел над чертежами и спецификациями; что меня не напрягало, поскольку я этому научился и мог делать достаточно быстро и хорошо.

Я знал, что по прошествии некоторого периода сам собой сделаюсь старшим инженером вроде Мироненко и буду заниматься уже не отдельными изделиями, а проектами в целом.

Если все пойдет нормально – а иначе и не может быть – то еще через какой-то промежуток времени я должен был стать начальником группы. То есть вообще ничего не делать сам, только получать задания и распределять их между рядовыми сотрудниками – вроде меня нынешнего.

Ну, а потом следовало ожидать, что я мог пойти выше. В заместители начальника отдела. И дальше, и дальше... Спокойно и без интриг, если все само собой повернется и ляжет под ноги. Я в этом не сомневался, поскольку был не хуже всех прочих. Не лучше, конечно, тоже – но это меня мало волновало.

Честно говоря, дальнейшие перспективы меня не особо волновали. Ведь впереди у меня оставалась еще почти целая, только чуть-чуть прожитая жизнь.

А сейчас мне было всего двадцать четыре года, я лишь пару лет назад получил диплом, и меня не тяготили мои чертежи.

Но вот моя жена Инна этого не понимала. И не пыталась, и даже не желала понять. Она-то как раз обладала не только способностями, но и вполне определенным талантом. Она была биологом; причем, пожалуй, стоило сказать именно Биологом с большой буквы. Будучи моей ровесницей, Инна окончила университет на год раньше меня, потому что с шести лет пошла в школу. Сразу же осталась в аспирантуре и, не дожидаясь положенных трех лет, успела защитить кандидатскую диссертацию. Но на этом не остановилась, сразу нацелившись на докторскую; ей была невероятно интересна собственная работа, она без напряжения уезжала на все лето в экспедиции, в любой момент срывалась в командировки. И бесконечно общалась на разных конференциях с такими же упертыми талантами, как и она.

И она-то как раз постоянно мне твердила, что я за своими чертежами прожигаю жизнь, пустив ее на самотек. Вместо того, чтоб попытаться себя в чем-то другом. Интересном, могущем захватить по-настоящему.

Я отшучивался. Она просто не хотела сознавать, что мы с нею сделаны из разного теста, хоть и жили четыре года под одной крышей. Что я, в отличие от нее, был совершенно обычным и мог довольствоваться самой простой жизнью.

И у меня не имелось никакого желания менять эту жизнь в угоду каким бы то ни было неясным перспективам. Которых, в общем-то, и не было.

— —

Уйдя после обеда с работы, я сразу отправился по магазинам. Мне срочно требовались запасные струны для гитары: вчера, осмотрев инструмент, я обнаружил, что на третьей порвалась оплетка. В принципе струна совсем еще не умерла. Но в колхозе, где играть придется по несколько часов каждый вечер в течение целого месяца, оплетка рассыплется на мелкие кусочки и начнет дребезжать. От такой игры не будет удовольствия никому. Ни мне, ни слушателям.

Да, я не мог признаться, что игра на гитаре была одним из моих самых любимых занятий. И важной побудительной причиной, толкающей меня в колхоз. Хотя возле костра отсутствовала нормальная акустика, голос сразу уносился в пустоту и быстро гас, не достигая настоящих высот звучания, но все-таки не было большего удовольствия, чем ночная игра. Именно там, среди друзей – как прежних, так и вновь обретенных – я чувствовал, что оправдываю свое земное существование. Ведь именно гитара для меня была единственным средством выражения той малой малости, которая, вероятно, во мне все-таки присутствовала, выделяя из общей массы.

Пристрастие к определенному виду струн, как я давно уже заметил, было индивидуальным для каждого гитариста. Я терпеть не мог ни стальных, ни нейлоновых, ни простых

латунных, ни даже мягких, тянущихся за рукой серебряных струн. С юности я привык к простым, медным. Более того, никогда не впадал в полный, исчерпывающий меня исполнительский транс и не чувствовал настоящего момента истины, который приходил, когда я пел, играя именно на медных струнах. А они в последнее время куда-то исчезли. Мне пришлось впустую обойти несколько кварталов, а потом даже проехать автобусом до нового универмага, прежде чем удалось их отыскать. Но зато повезло по-настоящему: я купил полный аккорд в пластмассовой коробочке, причем – что особо ценно! – с двумя запасными третьим струнами как наиболее быстро выходящими из строя. Теперь я был спокоен: в колхозе можно не бояться за свои струны.

Сами сборы действительно не заняли много времени. Я скинул с верхней полки стенового шкафа свой потрепанный рюкзак, вытряхнул из него какую-то прошлогоднюю труху, а потом развернул его огромную пасть и быстро покидал туда все необходимое.

Окажись сейчас дома Инна, она бы, конечно, собрала меня сама: разложила бы одежду аккуратными кучками на диване, потом так же аккуратно переместила все в рюкзак. Сегодня же я был один и, опьяненный свободой действий, просто похватал вещи с полок и покидал их, скомкав, не складывая и не сворачивая. Два старых свитера, старые джинсы с полустертой, но еще не сдающейся кожаной нашлепкой «Levi's», несколько пар носков, две клетчатые китайские рубашки – старые, еще отцовские, но хорошие, треснутую пластмассовую мыльницу, слегка порванное полотенце, еще какую-то мелкую ерунду. Все было именно такое, как берется в колхоз – наполовину сломанное, рваное, заштопанное и потерявшее товарный вид. Я собрал все необходимое и с удивлением обнаружил, что мой огромный походный рюкзак переполнен настолько, что не затягивается и даже не завязывается. Да, права была Инна, аккуратно складывая каждую вещь.

Вывалив все на пол, я переложил свои пожитки заново. Я ведь тоже с детства умел делать все очень точно и аккуратно, только иногда вот так распоясывался, пытаясь устроить хаос на пустом месте.

Теперь рюкзак оказался наполовину пустым. Это было гораздо лучше.

Я достал гитару, переложил ее из роскошного белого чехла с блестящими «*молниями*» в простой походный, на пуговицах. Вытащил из шкафа штормовку, но обнаружил на ней огромную дыру. Вспомнил, как напоролся на сук еще прошлой осенью, когда всем отделом ездили на огурцы, а Инне с тех пор не было времени привести мои вещи в порядок...

Витиевато выругавшись, я взял вместо штормовки старый армейский китель с грязно-красными сержантскими лычками, который в свое время привез с институтских сборов.

Потом, опасаясь утренней спешки, нашел в стенном шкафу и выставил у входной двери резиновые сапоги – вещь, абсолютно необходимую в колхозе.

Вот теперь все было готово к отъезду.

Я подумал, что, возможно, стоит позвонить родителям и напомнить, что меня не будет в городе целый месяц. Но тут же сообразил, что мама обязательно испортит мне настроение какими-нибудь замечаниями, которые у нее никогда не задерживались – и звонить не стал. Я находился уже в приподнятом, радужном состоянии, и не хотел выходить из него даже на полчаса.

2

К административному корпусу я приехал раньше необходимого: в этом году в первую, двухнедельную смену из нашей группы никто не поехал, и мне предстояло получить на складе спальный мешок. Но оказалось, что оба мешка – и себе, и мне – уже взял Саня Лавров. Я вышел к центральному подъезду, куда всегда подавали автобус – действительно, Лавров уже меланхолично покурился там, развалившись на мешках.

– На себя оба записал? – спросил я.

– Ага, – он кивнул, выпуская из носа струйку дыма. – Какая разница? На вот, садись...

К девяти часам начал подтягиваться народ. Я страшно обрадовался, увидев издали кудрявую голову своего друга Славки. Это было истинным подарком судьбы. Он тоже замахал руками, разглядев меня. Мы обнялись при встрече, хотя не виделись максимум дней десять.

Компания понемногу собиралась. Я поморщился, узнав легендарную Тамару – слегка располневшую красотку с тонким носом и родинкой над верхней губой, рассказы о достоинствах которой будоражили всю мужскую часть НИИ. Если в них содержалась хоть доля правды, то ее появление в колхозе было не самым приятным фактом. Потому что разврат на природе подобен эпидемии. Пока все ведут себя пристойно, можно жить. Но стоит кому-то одному начать загул, как поднимается общая волна, и команда распадается на пары, ищущие уединения, и не остается никакой общей компании. И такому как я, едущему не за приключениями, а просто отдохнуть и развеяться, становится очень скучно.

Я засмотрелся на Тамару – и не сразу заметил, как мне улыбается Катя из бухгалтерии.

Увидев ее, я почувствовал, что сердце забилось неверно и радостно. Катю я знал давно, с первых дней работы в НИИ. И она безумно, ненормально, просто фантастически мне нравилась. Я понимал, что это не красит женатого человека, но ничего не мог с собой поделать. Тем более, что в чувстве моем к ней не имелось мыслей об обладании ею как женщиной; я знал, она замужем, а это понятие было для меня свято – нет, она привлекала меня чисто платонически. Как красивая картина или нежный, только что распустившийся цветок... Или странная, не до конца ясная, но чем-то завораживающая песня. Меня влекло к этой Кате до такой степени, что приезжая в главный корпус, я всегда старался найти причину посетить расчетную группу бухгалтерии: даже не обязательно чтобы поговорить с нею, а тихо постоять у дверей, глядя, как она сосредоточенно перекладывает бумаги на своем столе... Иногда мы встречались на редких общеинститутских мероприятиях и даже общались при этом уже совершенно по-приятельски. Но Катя, конечно, ни сном ни духом не ведала, что за буря поднималась у меня в душе при звуках ее голоса или случайном прикосновении ее руки. И даже при виде ее фигурки где-нибудь в актовом зале... В колхоз мы поехали впервые. И вообще я вдруг понял, что не видел ее давно – и даже узнал не сразу. То есть узнал, конечно – но внутренне, своим непреходящим влечением к ней, а отнюдь не визуально. Катя состригла свои длинные черные волосы, сделав коротенькую мальчишескую прическу, которая, как ни странно, шла к ее небольшой плотной фигурке – хотя, впрочем, на мой взгляд ей пошло бы даже ходить обритой наголо... И если бы не очки, то она оказалась бы копией одной французской киноактрисы. Чьего имени я не помнил, но которая мне очень нравилась.

– Здравствуй, Катерина! – я тоже улыбнулся. – А ты-то что тут делаешь? Вроде замужем, а все равно в колхоз шлют?

– И не вроде уже... Но, видно, кадров не хватает. Я не одна – смотри, вон еще такая же.

Я оглянулся – действительно, неподалеку прохаживалась высокая и стройная, какая-то напряженно подтянутая черноволосая молодая женщина, на правой руке которой сверкало под утренним солнцем обручальное кольцо.

Неподалеку стояла еще одна, красно-каштановая, почти рыжая, с идеально сложенной фигурой и пронзительными светло-зелеными глазами. А ноги у нее были такими, что оторвать от них взгляд мне удалось не с первой попытки. Пока я, стыдясь и укоряя себя, на них смотрел, то вспомнил, что хозяйку их откуда-то знаю. По крайней мере, я ее где-то уже видел – может, на демонстрации... Хотя в нашем НИИ работали три тысячи сотрудников, но за два года многие примелькались, а уж таких девушек у нас было не много. Причем она не отличалась ни чрезмерным размером бюста, ни длиной своих потрясающих ног, ни талией в тридцать сантиметров... Просто присутствовала в ее фигуре такая потрясающая соразмерность всех частей, величин и параметров, что она казалась символом полного совершенства.

Ну конечно, – вспомнил я наконец. – Не на демонстрации. В прошлом году, на выборах, где мы оба оказались агитаторами. Она, кажется, тоже была инженером, только работала в другом корпусе. И звали ее то ли Викой, то ли Ликой.

Еще среди отъезжающих была одна незнакомая, невысокая и довольно тощая девица, примечательная лишь тем, что ногти ее сверкали пронзительным перламутровым лаком с блестками, а на голове красовался немислимой величины – и надо думать, невероятной твердости – залакированный начес, точно собралась она не в колхоз, а на дискотеку. К тому же ей наверняка не исполнилось и двадцати лет.

Остальными были ребята.

В начале десятого, похоже, собрались уже все. Вскоре подошел автобус, и это означало хорошее предзнаменование: в прошлом году мы до половины второго ждали тут автобуса, который застрял где-то по пути из гаража. Мы быстро погрузили свои вещи, забаррикадировав ими наглухо всю заднюю площадку. Маленький толстый шофер принялся яростно материться, что мы перекрыли ему задний обзор, и велел перегружать.

– Найди место, и сам перегружай хоть до развязывания пупка, – спокойно ответил ему бывалого вида парень лет тридцати в выгоревшей до белизны штормовке и маленькой кепочке, сдвинутой на нос – судя по всему, старший нашей смены.

Шофер поругался еще немного, но понял, что спорить бесполезно. Инцидент был исчерпан; мы сели по местам и тронулись в путь.

Среди ребят, кроме нашего Саша Лаврова да моего друга Славки, никого знакомых не оказалось. Правда, двое сразу бросились в глаза.

Один крепкий, с торчащими, как у кота, рыжими усами и сверкающей из-под них золотой фиксой, понравился мне открытым лицом и каким-то приятным, дружеским взглядом.

Второй наоборот – не понравился сразу. Не знаю уж, и чем – просто не понравился, и все. То ли темными очками, как у итальянского молодого фашистика, то ли вызывающей прической под мушкетера и жиденькой бородкой, то ли какой-то неуловимой порочностью, проступавшей сразу во всех его чертах.

Его провожала девушка, вернее – молодая женщина с ребенком в сидячей коляске. Судя по тому, как он прощался с нею, жена. Однако этот факт не помешал ему сразу же, как автобус отъехал от корпуса, крепко облапить свою соседку, самую молоденькую из девчонок.

— —

Мы уселись вместе со Славкой. Я хорошо представлял район, куда нас везут. Езды туда было часов пять, если не больше. Славка быстро заснул, и я тоже начал придремывать, уткнувшись лбом в стекло.

Автобус не спеша выехал из города, миновал мост и покатился по гладкому шоссе, качиваясь, как корабль. Кто-то из парней включил магнитофон, но на него зашипели со всех сторон: в утренний час еще хотелось спать, а разнородность компании пока не располагала к общению.

Я все-таки старался бодрствовать: сон в трясущемся автобусе всегда плохо действовал на меня потом. Но спать хотелось ужасно. После аэропортовского поворота автобус свернул с асфальта и, трясясь каждым своим сочленением, запыллил по грунтовке.

Такая дорога предстояла уже до самого конца.

Кругом тянулись спокойные, тихие поля, разделенные кое-где слабенькими перелесками. А слева, в синеющей дали, виднелись далекие горы...

Я не выдержал и закрыл глаза.

— —

А когда проснулся, автобус уже не трясся. И даже вообще не двигался. Он стоял на месте – и даже вроде бы на прежней дороге, среди тех же глубоко наезженных, глинистых колеи.

Неужели мы так быстро добрались? И я не почувствовал ни разбитого переезда через железную дорогу, ни даже переправы на пароме?

– Что – приехали уже? – зевнув, спросил я у Славки.

После такого сна, как и следовало ожидать, я чувствовал себя рассыпанным на отдельные винтики.

– Да нет, похоже, приплыли, – Славка покачал головой. – Мотор заглох.

Протерев глаза, я выглянул наружу. Парень в кепочке и выгоревшей штормовке, которого я мысленно уже назначил командиром, ходил вокруг автобуса и о чем-то спорил с водителем. Я прислушался.

– Говорю же тебе – движок!! – очевидно, в десятый раз надрывно кричал коротышка-шофер. – Карбюратор перегрелся – и кранты!

– Так заводи его, – спокойно отвечал «командир».

– Аккумулятор только посажу, а толку...

– А ты ручкой, ручкой его.

– Говорю же тебе, – шофер хватался за грудь, точно хотел вывернуть себя наизнанку. – Не заведется он. Ни ручкой, ни ножкой, ни хреном собачьим! Я же этот движок лучше, чем ты свою жену, знаю!

– Заведется, – настаивал «командир». – Крутани пару раз – куда он денется.

– Не заведется!

– А мы попробуем... Ну-ка, ты вот, – парень в кепочке обратился к Лаврову. – Сядь за руль и газуй, когда я буду крутить.

– Ну, сейчас он даст жару, – усмехнулся Славка. – Интересно, заведется, или нет?

– Нет, конечно, – ответил я с неизвестно откуда взявшейся уверенностью. – Кто бы ни был этот герой в кепке, шофер свою машину в самом деле лучше знает.

Хозяина отгеснили в сторону. За руль сел наш Саша, а «командир» принялся яростно крутить рукоятку.

Автобус сотрясался так, будто ехал по шпалам. Двигатель грохотал, звенел, журчал, иногда даже жалобно всхлипывал – но ни разу не подхватил.

Наконец молодец в штормовке махнул рукой, потом выругался и обтер кепкой потное лицо.

– Ну что??!! – набросился на него шофер. – Говорил же тебе, едрит-разъедрит: не трогай, не заведешь! Постоял немного и сам бы завелся. А вы, умники ученые, свечи залили! И теперь вообще ждать, пока обсохнут!

– Зачем ждать? Выверни да продууй, вот и вся недолга.

– Да ну его, неохота возиться... Воздухан снимать, руки пачкать, опять же ключ у меня не помню где, – как-то странно возразил водитель. – Сами обсохнут, пусть постоят немножко.

– Неохота? Мало ли что кому неохота. Бабушке тоже было неохота выходить за дедушку, потому как ей нравился молодой парень... Тебе неохота – сам выверну. Давай ищи ключ, быстро! – «командир» взялся за капот, намереваясь его открыть. – Ну-ка, отпусти защелку.

Шофер вздохнул.

– Это... Не надо открывать. Он того... не открывается у меня.

– Не понял?!

– Не открывается, – шофер смотрел себе под ноги.

– Гребнись, попа, об асфальт... То есть как – не открывается?!

– Обыкновенно. Заклинило его, и все... Я уже сам пробовал, пока ты спал...

– Так какого же хрена ты, сука, с таким капотом выехал?! – неожиданно заорал «командир». – Ты что – на базар за картошкой собрался? Забыл, что нам двести километров пилить?!

– А мне... Да я... Когда утром в гараже смотрел, вроде бы не заклинетый еще был. А сейчас... От жары, наверное, повело...

– А с хрена у тебя еще не потекло? Ну-ка, отойди! – «командир» попытался засунуть под край капота заводную рукоятку. – Сейчас я его тебе мигом расклиню.

– Не трогай! – тонким голосом завопил шофер, раскинув руки. – Не дам ломать! Тебе-то как два пальца обласкать! Сейчас все изуродуешь, а с меня вычтут.

– Я тебя сейчас самого изуродую. Как бог черепаху... Пусты по-хорошему!

– Не пуцу-уу!!! – шофер вопил так, будто его собрались резать. – Товарищи, остановите его – он же народное добро портит!

Вся компания уже лежала на сиденьях от хохота. На трезвый взгляд, ситуация не казалась комичной: автобус, заглохший среди полей вдали от цивилизации; капот, который предстояло взламывать прямо на дороге... Случись это ночью, зимой или хотя бы в плохую погоду – тогда уж точно было бы не до веселья. Но сейчас день только начинался, и летнее солнце еще не палило, и возбужденное предчувствие поездки вырвалось всеобщим смехом.

Видя это, «командир» смаху швырнул заводную ручку в пыль.

– Ну и что теперь прикажешь делать, народный радетель? Ждать, пока твой капот сам раскроется? Может, помолиться над ним? Из матери в мать и через перемать?

– Зачем ждать, – серьезно возразил шофер. – Постоит движок, свечи обсохнут – горячие же цилиндры, испарится все со временем. Машина отдохнет немножко и заведется. Говорю же тебе – так уже не раз бывало. Если бы вы, хреноплеты, не начали крутить да газовать, давно бы уехали.

– И сколько же эти твои свечи будут обсыхать? – спросил «командир». – Может, нам пешком идти, а ты нас потом с багажом догонишь, а?!

– А когда как. Когда минут пятнадцать, а когда и полчаса постоят, – водитель равнодушно пожал круглыми плечами. – Кто ж их знает, если залезть туда нельзя?

– Н-да... – «командир» смачно плюнул в пыль. – Дело было не в бобине – долбогрёб сидел в кабине...

Он вздохнул и полез обратно в автобус.

За эти несколько минут я успел по достоинству оценить его мастерский лексикон, в котором, похоже, к любой ситуации, имелось соответствующее красочное выражение.

— —

Двигатель отдышал три часа.

Сначала мы сидели на своих местах и пытались спать. Но незаметно поднявшееся солнце жарило уже так, что неподвижный салон превратился в духовку, и перед глазами начало дрожать знойное марево.

Мы потихоньку потянулись на волю. Под солнцем оказалось еще жарче, но вдоль дороги все-таки задувал ветерок.

Народ разбрелся кто куда. Мы со Славкой углубились в подрастающее кукурузное поле с намерением дойти до кромки леса и укрыться там – через минуту, догоняя, к нам присоединилась Катя. Однако на полпути нам послышались гудки, и мы повернули обратно.

Никаких гудков, конечно, не было; они нам просто померещились в знойном воздухе, плотном от жужжания слепней – автобус по-прежнему стоял посреди дороги грудой мертвого железа.

Но опять идти к лесу уже не было сил, и он казался слишком далеким. Мы просто спрятались в короткую автобусную тень и, как чукчи, опустили на корточки. Понемногу около нас сгруппировались и все остальные.

«Командир» опять не выдержал и в самых крепких выражениях потребовал, немедленно взломать замок и приняться за двигатель. Шофер упирался – кричал, что из-за помятого капота он потеряет тринадцатую зарплату. Наш сослуживец угрожал, что по возвращении из колхоза напишет докладную об этих художествах, и он потеряет не только тринадцатую зарплату, но и все последующие. Тот божился, что буквально через десять минут автобус непременно заведется.

Минуты утекали прочь, шофер время от времени безрезультатно пробовал заводить автобус. Теперь аккумулятор действительно сел и, наверное, даже в нормальных условиях пуск двигателя стал бы проблемой. Уже давно никто не смеялся. Горячее солнце перевалило через зенит и потихоньку начало катиться к западу. Тень медленно обходила автобус, и следом за ней на корточках переползала по кругу наша разморенная компания.

Кто-то начал ругаться. А кто-то мрачно посетовал, что с утра ничего не ел, а припасов до завтра не хватит.

И тогда «командир» решительно погромел под сиденьями, нашел монтировку и молча подошел к капоту. Шофер больше не кричал – только смотрел, как кролик на удава. Неторопливым, точным движением командир засунул конец железки в щель. Его спокойствие действительно завораживало. Он обвел нас взглядом и крикнул, собираясь налечь на рычаг.

– Обожди, Сань, – медленно поднявшись, остановил его один из парней – широкоплечий здоровяк в чересчур тесной для его торса тельняшке.

Командир вопросительно наклонил голову. «Моряк» неторопливо подошел и положил руку ему на плечо:

– Дай-ка я еще раз крутану напоследок, разломать ты всегда успеешь...

– Ну, попробуй, – устало согласился тот. – Хотя дохлое дело – хер на хер менять только время терять. Все равно придется ломать на хрен и свечи выкручивать.

Моряк неторопливо поднял из пыли рукоятку, обтер ее о свои джинсы.

– А ты, – сказал он шоферу. – Садись в кабину. Если схватит хоть раз, подгазуй немного. Но не раньше.

Шофер молча полез за руль. «Моряк» сунул конец рукоятки в отверстие и начал рывками проворачивать коленвал. Крутые бицепсы его желваками перекатывались под тельняшкой. Автобус трясся, пытаясь взлететь на воздух. Казалось, еще немного – и моряк рухнет без сил, оставив машину непобежденной. Но случилось чудо: двигатель чихнул раз, два, потом взревел, пустив из-под автобуса струю сизого дыма – и спокойно, как ни в чем не бывало, застучал на холостых оборотах.

– По машинам! – рявкнул несостоявшийся командир, хотя это было понятно без слов.

Не веря удаче, мы быстро попрыгали внутрь. Шофер гнал, как бешеный, и мы мячиками подлетали на сиденьях. Но все равно сон уже давно пропал.

3

Я был именно здесь в прошлом году, и поэтому сразу понял, когда за окном понеслись знакомые поля.

Дорога, петляя, выводила нас к цели. Мелькнул у обочины завалившийся набок, наверняка лет десять не крашенный указатель «Колхоз имени Калинина» с алюминиевым профилем какого-то неузнаваемого монстра. Вот побежал реденький перелесок, вдалеке показался полевой стан. Коротко прогремели под полом дрожащие доски железнодорожного переезда. На перилах платформы, утонувшей посреди заросшего ромашкой луга, сидело в ожидании

электрички – которая ходила тут, насколько я помнил, два раза в сутки – несколько человек с корзинами.

Потом, быстро слетев с разбитого вдрызг пригорка, дорога закружила меж высоких берез, затем размашистым полукругом перерезала деревню и снова вынырнула на волю, понеслась вдоль неширокой реки. Противоположный ее берег вздымался и нависал крутыми, поросшими кустарником обрывами. А вдалеке туманной грядой синели уже самые настоящие горы. Мелькнуло среди березового островка маленькое сельское кладбище с разваленным забором и дорога резко отвернула вправо к паромной переправе.

Автобус же, клюнув носом, съехал с насыпи и покатил по лугу, кренясь и раскачиваясь на невидимых ухабах.

Луг был огромным. Трава, под корень выстриженная коровами, зеленела ворсисто, как ковер. Дальний конец его упирался в невысокий лесок. И там, около этого низкого, ненастоящего леса, что-то белело, а в вечеряющее небо вертикально поднималась струйка синего уютного дыма.

– Лагерь!!! – завопил сзади кто-то, будто год не видел человеческого жилья.

И вся компания, уставшая и притомившаяся, сразу оживилась, зашумела и загалдела. Действительно, мы, наконец, приехали. Автобус пересек луг, развернулся у края перелеска и затормозил около палаток.

— —

Я осмотрелся. В самом деле, это был настоящий лагерь.

Прошлым летом мы жили прямо в деревне, в классах брошенной на каникулы школы. Было тепло и сухо, только здорово досаждали клопы. Да еще местные парни, которые не пропускали ночи, чтоб не попытаться залезть в спальню к городским девушкам. В конце концов нам пришлось ввести нечто вроде ночных караульных дежурств – и те, кто шел на следующий день в вечернюю смену, держали оборону до утра.

В палатках – я не сомневался – нас ждала холодная духота. А утром наверняка еще и сырость от близкой реки. Зато из насекомых тут угрожали только комары, которых нетрудно выкурить перед сном дымящимися зелеными ветками. А самое главное, удаленность от деревни позволяла надеяться на отсутствие ночных визитеров. Сам лагерь был оборудован основательно. Четыре палатки стояли полукругом вокруг большого, хорошо обжитого кострища. Неподалеку висел умывальник на столбе. Имелась даже специальная столовая – длинный, аккуратно огороженный по периметру штакетником навес с дощатым столом и скамьями, а в пристроенной рядом кухне курилась отлично сложенная печь с высокой кирпичной трубой. Сквозь проем, лишенный двери, виднелся стол, грубо сложенная из кирпичей плита, несколько ведер, большие алюминиевые фляги с водой, еще что-то... На огромной черемухе, нависающей над всем строением, висел ржавый лемех. Видимо, его использовали тут в качестве гонга, сзывающего на кормление.

Ребята из предыдущего заезда, которых нам предстояло сменить, устало сидели на рюкзаках – из-за злосчастного шофера они ждали нас лишних полдня.

Увидев наш автобус, едущий по лугу, все вскочили и загалдели разом, подпрыгивая и размахивая руками.

*– Кричали женщины «Ура!»
И в воздух лифчики бросали,*

– комментировал парень в белой кепке.

И, обернувшись к нам, добавил истинно командирским тоном:

– Давайте в темпе вальса: выгружайтесь, расселяйтесь, определяйтесь!

Передача лагеря произошла молниеносно. Водитель не вылезал из кабины и не глушил мотор, опасаясь, видимо, повторения пройденного. Мы быстро помогли отъезжающим закинуть вещи в салон. «Командир» – он и в самом деле оказался старшим смены, которого заранее назначил партком – осмотрел хозяйство с прежним бригадиром, узнал про работу, кормежку и распорядок дня, забрал какие-то бумаги. И вот хлопнула дверь автобуса, и под восторженный рев отъезжающих он помчался по лугу, быстро исчезнув из виду в незаметной отсюда лощине. Потом появился снова: белой черточкой и облаком пыли на насыпи. Но это было уже так далеко, что нас не касалось.

И мы остались одни. Наедине с лугом, рекой, далекими горами и высоким небом.

На целый месяц – без писем и телефонных звонков.

Командир приказал, чтобы все снесли свои припасы на кухню, поскольку получать продукты сегодня было уже поздно. И девчонкам предстояло сообразить ужин из того, что нашлось при нас.

Покидав мешки и рюкзаки по палаткам, все рассыпались кто куда. Мы со Славкой пошли изучать окрестности.

— —

Проселочная дорога, что тянулась вдоль поросшего ивами берега, была в сотне метров от лагеря. За ней сразу же шумела река. Бросала в глаза последние зайчики вечернего солнца и растревожено урчала, набегая на лесистый остров, острым клином вдававшийся в ее быстрый поток, оставляя полосу мчащейся воды с нашей стороны и образуя непонятного характера широкую, тихую заводь с противоположной. На той стороне совершенно белой меловой горой вздымался противоположный берег. По нему, петляя от расселины к расселине, поднималась дорога с переправы.

Напротив острова к реке шел песчаный спуск со следами автомобильных шин.

– Похоже, и сюда частники на «Жигулях» добрались, – вздохнул Славка.

– Да нет, тут на «Жигулях» не проедешь, – ответил я. – Снесет к такой-то матери, это же, по сути, горная река. Разве что на «ГАЗ-66». Здесь вроде как брод бывает в засуху, в тот раз кто-то из местных мне говорил...

Мы вышли на дорогу и зашагали в сторону, противоположную той, откуда приехали. Проселок с полкилометра вился зигзагами, точно повторяя прихотливую береговую линию – остров тянулся бесконечной полосой, отделенный от нас лишь узкой, стремительной протокой – а потом резко отвернула влево и пошла в гущу деревьев. Мы прошли еще немного и увидели вдалеке крыши другой деревни.

– Так, эта сторона нам понятна, – констатировал Славка.

И мы повернули обратно, дошли до узкой тропинки, протоптанной нашими предшественниками, и снова оказались в лагере.

Около столовой стоял дым коромыслом. Все уже собрались за длинным столом в ожидании ужина. Про который мы, увлекшись разведкой местности, как-то забыли.

Известная мне Тамара и девица с обручальным кольцом чем-то гремели на кухне. Судя по всему, даже чай у них еще не поспел.

Зная, что на кухне в любое время всегда найдутся дела для двух неожиданно появившихся мужиков, мы со Славкой ретировались, пока нас не заметили, и пошли дальше.

Луговое, на котором мы разместились, было таким огромным, что его хотелось назвать степью. Не хватало только ковылей; да еще мешали темневшие там и сям перелески. Наш маленький лагерь притулился к одному из них – реденькому и низкому, состоявшему сплошь из низеньких искореженных осин, вязов и еще каких-то деревьев, названия которых я не знал. В глу-

бине его там и тут белели пушистые султаны лабазника. От Инны я знал, что этот лабазник растет исключительно в сырых, низменных и заболоченных местах. И точно, пройдя еще чуть-чуть, мы уткнулись в болото. Оно не выглядело страшным: те же кривые деревца, одиноко торчащие среди ядовито зеленой осоки, неестественно свежая трава да редкие черные прогалы воды, которая казалась бездонной, хотя, конечно, таковой не была. А за болотом лежал луг, еще больший чем наш: окаймлявший его лесок в вечерней дымке казался совершенно синим и невозможно далеким.

Мы Славкой попытались пройти туда и сразу же провалились в болото. Славка по щиколотку, я – по колено, поскольку был выше ростом и шагнул дальше. Зато я бултыхнулся в чистую холодную воду, а он увяз в черной грязи.

– Ах ты, черт-то тебя побери, это же трясина, – ругался Славка, с трудом вытащив ногу из маслянистой и густой жижи.

– Да, Василий Иванович, – усмехнулся я, отряхивая с джинсов зеленую ряску – Хорошо, что не вляпались. Гиблое место. Не знаю, почему лагерь именно с этого края разбили. Комарья вечером будет до гребаной матери...

– Это точно, – вздохнул Славка. – Придется заранее зеленых веток для костра напасти.

Все-таки, отряхиваясь и продолжая ругаться, мы пошли вдоль болота, надеясь найти узкое место и перескочить на ту сторону. Болоту, казалось, не будет конца, оно тянулось уныло, топко и непроходимо – но кончилось как-то неожиданно, опять сменившись привычным в этих местах низким перелеском. Мы полезли напролом, с треском круша сухие ветки, но не прошли и двадцати шагов, как снова уперлись в болото. Скорее всего, в то же самое. Судя по всему, оно тянулось бесконечно, отделяя наш луг от следующего.

– Ну и местечко... – протянул Славка. – Везде одно болото. И мы тут как болотные солдаты... Еще не хватало...

– Тсс! – прервал его я, внезапно услышав странный звук. – Что это?..

Мы замерли. Звук повторился – резкий, шелестящий, похожий одновременно на свист и на крик. Ему ответил такой же, только совсем близко.

– Сплюшка!!! – в восторгом прошептал Славка.

– Кто? – не понял я.

– Сплюшка. Сова такая маленькая. Слышишь – кричит: «сплю, сплю, сплю!»

Сова, или кто это был, крикнула еще раз – теперь мне показалось, прямо над нашими головами.

– Да вон она! – тихо проговорил Славка.

– Где?! – я вытянул шею, всматриваясь.

– Ниже смотри... Прямо перед носом...

Я повернул голову – и увидел сову на ветке в полутора метрах от нас. Сидела она вроде бы спиной к нам, но круглые глаза-плошки с немым вопросом смотрели прямо на меня.

Прежде я никогда не видел живую сову, хотя и бывал в разных местах. Мы обошли ветку кругом – сова следила за нами, поворачивая голову, как на шарнире. Сова была небольшая, даже совсем маленькая – размером с кошку – она столбиком сидела на корявой ветке, и ее длинные, гладкие, прямо-таки стальные когти, торчавшие из обманчиво пушистых лап, крепко впились в шершавую кору.

– Смотри-ка, не боится нас совсем, – удивился я.

– Еще светло, и она нас плохо видит. К тому же у нее в природе нет врагов, и она вообще не привыкла бояться.

– Кажется, даже потрогать ее можно...

– Не советую, – возразил Славка. – Вцепится – палец запросто перекусит.

Я сорвал длинный стебель тимopheевки и пощекотал шершавым венчиком пеструю совиновую грудку. Она вскинулась, шелкнула клювом, зашипела по-кошачьи, а потом хлопнула мяг-

кими крыльями и бесшумно перелетела повыше. Ноги ее смешно свешивались вниз, словно не убранное в полете шасси.

– Слушай, здорово... – вздохнул я. – В первый же вечер увидели настоящую сову. А еще вчера пеклись в городе...

Издали раздался протяжный металлический звон.

– Похоже, на ужин сзывают, – сказал Славка. – Вот теперь можно возвращаться.

– Не боясь, что там сунут в руки топор или пилу, – добавил я.

– Ну, разве миску с какой-нибудь малосъедобной дрянью. Но здесь такое можно пережить.

И мы пошли выбирать из чащобы.

— —

За ужином все перезнакомились.

Всего нас приехало тринадцать человек – восемь ребят и пять девушек.

Рыжую красотку на самом деле звали Викой. Ольга с обручальным кольцом действительно была замужем, о чем сразу сама объявила. Люде оказалось всего восемнадцать лет, она год назад окончила школу и устроилась секретаршей к начальнику Славкиного отдела. Приобретать профессиональные навыки ее послали в колхоз.

Командир в выгоревшей штормовке оказался Сашей. Тут же, за ужином, он распределил нас по сменам. Работать предстояло на агрегате витаминной муки – постоянно действующем сельскохозяйственном аппарате с непрерывным дневным циклом. Каждый день, без выходных, двумя бригадами по четыре человека в смену. В одной бригадиром был сам Саша, в другую он назначил Володю – худощавого, молчаливого и слегка седоватого парня лет тридцати. Обсудив все за и против, постановили менять смены через три дня.

Сашина бригада могла идти завтра только во вторую, поскольку с утра ему предстояло решить какие-то вопросы в правлении. Мы со Славкой записались к Володе: он понравился мне своей незаметностью, спокойствием и наверняка отсутствием склонности к не всегда разумным решительным действиям, которую я уже имел удовольствие наблюдать у командира. Осталось найти для нас четвертого.

– Давай с нами, – предложил я Лаврову.

– Не... – он махнул рукой. – С утра сразу вставать... Неохота, лучше во вторую пойду.

– Я пойду с вами в первую, – вдруг вызвался тот парень, что с утра показался мне противным.

Мягко говоря, я этому не обрадовался; уж больно неприятной оставалась его морда. А небольшой жизненный опыт подсказывал мне, что в действительно поганом человеке именно лицо обычно бывает наименее поганой его чертой. К тому же имя у него было скользкое, одно из не любимых мною – Аркадий.

Под стать физиономии, – думал я, глядя на него.

Да нет, конечно, не в имени тут было дело – просто он мне не нравился, и я ничего не мог с собой поделать. Мне просто ужасно не хотелось работать с ним в одной бригаде, но вариантов не оставалось, поскольку все прочие оказались любителями поспать и не хотели в первый же день вставать спозаранку. Скрепя сердце я сказал себе, что ситуация от меня не зависит, что общаться с ним не буду вообще – ведь в бригаде у меня есть верный напарник Славка – и вообще мне с ним не детей крестить, а всего лишь проработать четыре недели на открытом воздухе, да еще в таком грохоте, где и слова лишнего будет не услышать...

В одном все-таки повезло: мы оказались в разных палатках. Кроме очевидного Славки, со мной устроились Лавров и Гена-Геныч, тот самый симпатичный усач с золотым зубом.

Во вторую смену, кроме двух Саш – которых сразу разделили на Сашу-К, то есть командира и просто Сашу – и Геныча, туда попал еще и Костя. Тот самый здоровяк в тельняшке, что победил автобус. Воодушевленный распределением прозвищ, да еще при наличии имени, соответствующего тельняшке, народ сразу окрестил его Мореходом.

Девушек отправили на прополку в одну смену, с утра. И еще кто-то должен был готовить еду: колхоз обязался кормить нас днем на полевом стане, а для завтрака и ужина выделял продукты. Подкинутая кем-то из парней невероятно умная идея сделать одну из них поварихой на весь месяц вызвала бурный протест.

– Если хотите, сами кого-нибудь из мужиков выделяйте в повара на весь месяц, – за всех высказалась Тамара, грозно встряхивая мощными телесами. – А мы с удовольствием его соба-чью смену на любом агрегате по очереди отработаем.

Она сразу, несмотря на приближающийся вечер, разделась и осталась в каких-то трех лоскутках, еле держащихся на тоненьких бечевках. А тело ее, заметно потасканное и обвисшее, напоминало белую, свежеошипанную тушку громадной курицы. Точнее, птицы, являющейся гибридом курицы и индюшки. Что, впрочем, отнюдь не отталкивало фиксатого Геныча, который совершенно явно косился на Тамару с первых минут ее полуголового состояния.

Поднялся такой гвалт, что никто никого уже не слышал и не слушал.

– Ну, пошла езда по кочкам!!! – заорал Саша-К, громко стукнув железной плоской по столу. – Все. Решаем так...

И кухонная работа была разбита на парные дежурства по три дня, как наши смены. Тут же возник очередной неразрешимый вопрос: как справедливо разбить на пары пять девушек – но тут встала секретарша Люда и, потупив вздернутый носик, заявила, что готовить вообще не умеет, даже к газовой плите близко не подходила, а уж к этой и подавно. Все посмотрели на нее с презрительной жалостью, кто-то из девиц радостно съязвил насчет счастья ее будущего мужа, но зато сразу определились поварские смены. Первыми взялись дежурить Тамара и Ольга.

После решения всех организационных моментов Аркадий сорвался с места и убежал к себе в палатку. Вернувшись, со стуком выставил большую химическую бутылку с прозрачной жидкостью. Я даже удивился, как она поместилась в его рюкзаке.

– Так, мужики, все ясно с вами, – поморщился Саша-К. – Значит, без этого никак нельзя обойтись? Хроники убогие...

– Ну, так начало нашей совместной трудовой деятельности, – ответил Аркадий, пощипывая свою гадкую бородку.

– Значит так. Если уже на самом деле душа в заднице горит – выпивайте все в первый день, – сказал командир. – Хоть до усыпачки допивайтесь. Но – чтоб потом ни-ни. Никаких эксцессов. Ясно?! Меня в парткоме предупредили. Поэтому давайте так: вы тихо, и я тихо. Идет?

– Какие могут быть эксцессы?! – усмехнулся Аркадий, отворачивая тугую крышку. – Что мы, алкаши, что ли... По сто грамм всего и будет. Давайте – быстро сдвигаем кружки!

Но никто не торопился.

– Ну чего вы телитесь? Давайте – испаряется же добро!

– А может, не надо? – нерешительно пискнул кто-то из девчонок.

– Надо, Федя, надо... – Аркадий категорически рубанул ладонью. – Вот ты чего отказываешься? – обратился он почему-то ко мне. – Все пьют, а ты не хочешь? Откальываешься от коллектива? Парткома испугался?

Я пожал плечами.

– А-а... – усмехнулся он. – Ты, наверное, вообще не пьешь.

– Почему не пью? – возразил я, ощутив обиду, словно этот сморчок уличил меня в чем-то очень позорном. – Пью. Но не всегда. И... Не со всеми.

Сказав последние слова, я тут же спохватился: ведь их можно было понимать и так, что я отказываюсь пить с нашей только что сложившейся колхозной компанией, хотя имел в виду одного лишь Аркадия.

Нависла неловкая тишина.

– Вот что, мужики, – вдруг сказал Славка. – Коли так пошло сразу, то давайте с самого начала и уговоримся: пьянство считать мероприятием добровольным и никого к нему не принуждать.

Все засмеялись, однако Саша-К согласился всерьез:

– Верно сказано. Пусть кто без этого не может – пьет. Но чтоб других не принуждать.

– Иди в свою палатку и соси спирт хоть до потери пульса, – добавила Вика. – А нам тут воздух не порть.

– Почему это я должен уйти? – возмутился Аркадий. – А не вы, к примеру?

– Потому что у вороны две ноги, и особенно левая, – ответил Саша-К.

– Хочешь – возьми плошку, налей туда своей вонючей гидрашки и лакай на четвереньках, – добавил я, уничтожая его до конца. – Потом мы тебя в реку бросим, когда будет достаточно.

– А тебе и не предлагаю, – окрылся Аркадий. – Ну ладно, парни. Идем в нашу палатку, раз дамы против. Кто со мной?

Он встал, держа бутылку подмышкой.

За ним поднялся фиксатый Геныч. Немного поколебавшись, присоединился Лавров – что меня, надо сказать, сильно удивило. Посмотрев на Гену, встала Тамара. Поддержала свои отвисшие груди, едва прикрытые зелеными лоскутками купальника, и пошла, играя огромной задницей.

Больше желающих выпить не нашлось.

Посидев еще немного за дощатым столом, мы допили холодный чай, погрызли тающие остатки домашнего печенья. Потом Саша-К ушел на ферму разведывать насчет молока, а мы перешли на кострище.

— —

Судя по всему, предыдущая смена любила отдохнуть вечером: место было оборудовано с любовью и знанием дела. Для самого костра выложили специальную площадку из кирпичей. Вокруг расположились доски-скамейки и несколько толстых бревен. Даже дров нам на первый вечер оставили в изрядном количестве.

Вкрадчиво и незаметно спустились сумерки. Загустели, словно вишневый кисель, но совсем еще не стемнело, и луна, робко всходящая над паромной переправой, была желтой и даже слегка красноватой. Мы не спеша разожгли костер. С болота веяло влажноватой прохладой – и, конечно же, налетела туча комаров. Сидя у костра, мы яростно обмахивались ветками. Сухие дрова, как назло, горели ровным пламенем, пуская волнистую струю чистого жара, и ни единой струйки дыма не выбивалось из-под тяжело рассыпающихся поленьев.

Я сходил в палатку, надел резиновые сапоги, натянул оба свитера на рубашку, а поверх добавил еще и свой армейский китель. Одежда стала непроницаемой, однако руки остались беззащитными. Наконец кто-то догадался сунуть в костер сырую ветку. Сразу повалил густой дым, сизыми волнами завиваясь у земли. Мы закашляли, протирая глаза, однако комары отступили.

А потом вдруг стемнело, и воздух стал совершенно недвижим, и дым, раскрутившись, пошел вверх прямой ровной колонной. Но и комары тоже исчезли. То ли насытились, то ли просто улетели спать. И сделалось невыразимо хорошо. Так, как только может быть у тихого ночного костра в молодости, когда предстоящая жизнь кажется столь же бесконечной, загадоч-

ной и счастливой, как само раскинувшееся над головой настоящее, не городское, совершенно черное небо.

Незаметно вернувшийся командир принес десятилитровую флягу с парным молоком. Мы пустили по кругу несколько кружек. Я быстро надулся так, что живот забулькал, словно грелка.

За лесом прогудел невидимый поезд. Далекий и печальный, протяжный его голос длинным эхом пронесся над степью и рекой, медленно угасая во влажном ночном воздухе где-то у переправы.

Все молчали.

– Ну что, Женя? – вопросительно взглянул на меня Славка, – Наверное, пора...

Я и сам чувствовал, что пора. Достал из чехла гитару, слегка подстроил сбившиеся струны. Понуднее устроился на толстом, высоком бревне. Передо мной сидели ребята. Парни и девушки, с которыми предстояло провести целый месяц. Я еще не узнал их толком, и даже не все имена впечатались в память. Но на их лицах плясали теплые отсветы костра, отчего они казались милыми, уже почти родными.

Я взял несколько аккордов, разминая пальцы. Новые струны звучали чистыми, колокольными тонами. И голос мой, кажется, был готов к работе. Закрыв на секунду глаза, запел:

*– Всем нашим встречам разлуки, увь, суждены,
Тих и печален ручей у хрустальной сосны...*

Я очень любил эту песню. Хотя она была очень грустной, почти надрывной, как все песни про разлуку. Но петь ее сейчас было приятно и совсем не грустно. Ведь ни о какой разлуке не шло речи. Впереди лежал целый месяц – бесконечный, как будущее счастье...

Народ слушал, даже не переговариваясь между собой. Песня, кажется, оторвала всех от себя и заставила, наконец, поверить, что мы действительно вырвались из города и оказались на воле. Вместе с чем-то еще, обещающим и куда-то зовущим.

Катя сидела напротив меня, рядом со Славкой – и не отрываясь, смотрела на меня. Мне бы, конечно, было приятнее, если бы она сидела рядом со мной, но зато так я мог видеть ее через огонь.

– Женя, а откуда ты взял хрустальную сосну? – спросила она, когда, допев, я опустил гитару, и последний звук второй струны медленно растаял в ночном воздухе. – Мне кажется, у Визбора вообще-то была янтарная.

– Да, обычно янтарная, какой же ей быть еще, – согласился я. – Но однажды я на одной записи слышал, как Юрий Иосифович сказал именно «хрустальная». Может, просто оговорился, думал в тот момент о чем-то другом.

– О рюмке водки, например, – вставила Тамара.

Все засмеялись, но я продолжал:

– Хрустальная... Абсурд, конечно. Но мне так этот образ понравился, что с тех пою всегда именно так.

– Надо же... хрустальная сосна... Что же это такое может быть? – задумчиво проговорила Катя.

– Может, инеем покрытая, – предложил я.

– Или оттепель была, дождь прошел, а ночью ударил мороз, и наутро она оказалась словно стеклянная, – добавил Славка.

– Нет, – неожиданно серьезно сказала Вика. – Это что-то такое... Прозрачное, красивое и звонкое, но что в любой момент может разбиться вдребезги и пропасть навсегда...

– Как это сосна может разбиться вдребезги?! – не понял Костя.

– Не знаю. Но это именно что-то такое...

Все замолчали. Словно каждый пытался представить себе эту непонятную и очевидно не существующую в природе хрустальную сосну.

А я запел дальше.

Я любил и, вероятно, умел исполнять песни на гитаре. И знал их невероятное множество. Десятки, сотни, может быть, даже тысячу текстов и мелодий. В моем репертуаре имелось практически все: барды, романсы, эстрада разных лет – на любой вкус. Но я знал, что в первый вечер, когда меня еще никто не знает, надо показать что-то особенное. Заинтересовать собой сразу – и тогда на весь месяц мне будет обеспечено стопроцентное обоюдное удовольствие петь весь вечер перед друзьями у костра...

И сегодня я решил показать им не Окуджаву и не романсы, и даже не шлягеры, которым легко было бы подпевать – а одного лишь Визбора. Тем более, что я знал уйму его песен. И начав с известной, сразу перешел на другие, – которые были практически незнакомы большинству людей, не собиравших записей специально для разучивания и исполнения.

Пел я про парусник и про ледокол, и про другой ледокол, и про усталый пароходик, про остров Путятин, про космос и про встающий после пьянки город Иркутск, про рояль в весеннем лесу и про пули, которые пролетят мимо, и про женщину, которая больше нигде не живет. И даже, уже совсем не в тему – про подводную лодку, уходящую под лед, «Столичную» водку и стальные глаза...

Я чувствовал себя в ударе. И понял, что поймал нужную струю: народ слушал заворуженно. Катя вообще не спускала с меня глаз, крепко схватившись, очевидно, от избытка чувств, за Славкину руку. Даже маленькая Люда, которой по возрасту совершенно не должны были нравиться эти песни, грустно смотрела в костер, ковыряя прутиком красные угли.

В этот вечер можно было петь бесконечно. Но я почувствовал, что с непривычки уже начинают болеть подушечки пальцев левой руки. И, кроме того, чутьем исполнителя – так, словно я и в самом деле был не случайным инженером, а настоящим профессионалом – я знал, что народ еще не устал и хочет песен еще, еще и еще. Значит надо завершать выступление именно сейчас. Чтоб замолчать, не востребованным до дна, удовлетворив не до конца. И не успеть сразу надоесть слушателям.

И я решительно отложил гитару.

Несколько минут мы тихо сидели у костра, слушая его треск и шипение. Потом кто-то из ребят принес магнитофон и начались танцы.

Народ уже, конечно, устал от всего суетного дня, но несколько человек все-таки вышли в круг. На кассете шло подряд много очень быстрых мелодий, и с каждой новой записью силы танцующих иссякали. Наконец на площадке у костра остались всего двое – Лавров и девица с кольцом. Ольга – так, кажется, ее звали.

Быстрый танец они танцевали непривычно: не просто выламывались друг перед другом, а держались за руки, и почти синхронные движения их были пластичны и не лишены грации. Но скоро устали и они. Магнитофон замолчал: в первую ночь стоило экономить батарейки.

Мы еще некоторое время посидели у остывающего костра, молча поглядывая на рубиновые угли, а потом тихо разбрелись по палаткам.

4

Утром я проснулся от странных звуков.

Открыв глаза, я лежал несколько минут, не вылезая из спального мешка. Судя по всему, снаружи уже рассвело и даже взошло солнце: косой потолок палатки источал теплое янтарное сияние. И откуда-то неслись звуки, напоминавшие протяжный скрип, или свист. Я оделся и выбрался наружу.

Было еще по-утреннему знобко; весь громадный луг казался серым от недавно выпавшей росы.

А звуки раздавались из-за перелеска – то чаще, то реже, одинаково протяжные и тревожно тянущие душу... Господи, да ведь это журавли! – вдруг догадался я, вспомнив прошлый год. Как я сразу не узнал их щемящие крики? Они, конечно же, на большом лугу. Я быстро побежал туда.

Болото преградило мне путь. Из-под ног выскочила лягушка и с размаху плюхнулась в черную воду, мгновенно и бесшумно исчезнув на дне.

Журавли кричали все громче и призывнее, но я их так и не увидел – может, они были и вовсе не на том лугу, а где-нибудь еще дальше, за следующим перелеском: в сыром утреннем воздухе невозможно определить расстояние по звуку.

Постояв немного, я пошел обратно к лагерю. Мой след отчетливо темнел на серой мокрой траве.

На кухне уже хозяйничали Тамара и Ольга с кольцом. Обе были заспанные, с усталыми, синеватыми лицами, и в то же время какие-то разморенные – словно всю ночь гуляли. Да, похоже, в этой компании до гулянок доходит быстро, – подумал я.

Я помог им растопить печь, потом отправился к реке.

Вода оказалась совершенно черной и такой холодной, что от одного ее вида сводило зубы. Но я все-таки стащил свитер, зашел в струю, насколько позволяли сапоги и, замирая, умылся и даже немного поплескал на себя.

А солнце уже всю сияло над противоположным берегом; и роса сверкала, словно тысячи быстрых бриллиантов, и пора было будить остальных.

На гулкий звон ржавого лемеха народ начал нехотя выползать из палаток.

А журавли все еще кричали. Громко и надрывно, словно хотели разбудить нас как следует.

– Слышишь? – спросил я сонного Славку.

– А что это?.. – зевнул он.

– Журавли.

– Журавли?! – мгновенно проснувшись загорелся он. – Пошли, посмотрим!

– Да я ходил уже... За болотом они, не видать ничего.

– Вечером туда слазаем! После работы.

– Вечером их уже не будет, я их повадки по прошлому году помню. Лучше подождем, пока выйдем во вторую смену, тогда с утра за ними и отправимся.

– Заметано, – ответил Славка.

— —

Мы не успели съесть безвкусное подобие каши, сотворенное нашими полуживыми поварами, как к лагерю, оглушительно сигналив, подъехал разбитый грузовик.

– Эй, работники городские, мать вашу растудыт так и эдак!!! – заорал шофер, молодой кудрявый парень в цветастой рубаше. – Живо кончай жратву, на работу пора ехать!

– Остынь, а то радиатор на хрен выкипит, – ответил Саша-К. – Сейчас, еще пять минут. Чай допьют и поедем. Мы же первый день, не думали, что ты так рано появишься!

– А я не могу ждать! – заерепенился тот. – Сказал садись – значит садись. А то сейчас развернусь и уеду, и будете шесть километров до полевого стана пешком баздохать!

Он опять загудел и нажал на газ. Двигатель дико взревел на холостом ходу. Славка закашлялся, поперхнувшись чаем.

– Давай-давай, – кричал шофер. – Это вам не в городе перед телевизором! Через коленку вашу мать!! Еще полминуты, и адью!

– Какой ты скорый, а, – вдруг пропела рыжая Вика, вставая из-за стола. – Ты все остальное тоже так же быстро... Или хоть что-то не торопясь умеешь?

Она подошла к машине и, встряхнув дьявольскими своими волосищами, нежным движением погладила капот.

– Немного еще подожди.

Шофер замолчал, будто его выключили, и выпучился на нее с разинутым ртом.

– А ты зайди пока к нам, молока вчерашнего выпей, – продолжала Вика, склонив голову и поводя плечами.

Груди ее шевельнулись, как живые, под чистой белой футболкой, надетой на голое тело.

– Не... Спасибо... – хрипло выдавил шофер, не спуская с нее горящих глаз. – Молока не надо. Я так подожду...

Мы быстро управились с невкусным завтраком и полезли в грузовик.

Вика молча забралась к шоферу в кабину. Мы со Славкой посадили в кузов девчонок – Катю и секретаршу Людю, – запрыгнули сами, и машина понеслась.

Саша-К, которому надо было с утра поймать председателя, Аркашка и наш бригадир Володя сидели на корточках в углу кузова, девчонки пристроились на каком-то тряпье. А мы со Славкой стояли в полный рост, держась за помятую кабину.

Когда машина пролетала ухаб, кузов подпрыгивал, словно желая оторваться от шасси и лететь своей дорогой – и сердце замирало, мгновенно облившись сладким ужасом. Встречный ветер бил нам в лица, трепал волосы, забирался мне под китель, обжигая утренним приятным холодком.

Колхоз, лето, дорога, ветер навстречу... Молодость.

В душе было радостно и свободно.

Шофер завез Сашу в правление, потом сгрузил девчонок на краю морковного поля и, наконец, доставил нас на полевой стан.

Так началась наша работа.

5

За годы колхозного стажа – и в студенческие времена, и уже здесь, в НИИ, я сделался профессиональным сельхозработником. Потому что не осталось, пожалуй, такого вида техники, которая была бы мне незнакома. Я работал на веялке, на стогомете и на молотилке, на измельчителе и даже на достаточно редком у нас картофелекопалеле, и таскал мешки около гранулятора... Но почему-то больше всего мне нравился именно агрегат витаминной муки – то есть сокращенно «АВМ» – на котором предстояло работать нынче.

Не знаю, почему, ведь работа на этом агрегате не могла назваться легкой. Там всегда было жарко и пыльно, и стоял такой грохот, что к концу смены уши казались заложенными ватой. Но зато результат труда подлежал немедленной оценке.

К агрегату привозили полные машины или тракторные тележки свежескошенной травы – ее предстояло разгрузить вилами, потом тем же способом перекидать в бункер, похожий на ребристый кузов самосвала. Трава проходила длинный путь по транспортерам и внутренностям агрегата, кружилась невидимая в горячих струях циклонов и, пройдя несколько кругов в огромном вращающемся сушильном барабане, высыпалась из горловин раздатчика готовой травяной мукой. То есть просто-напросто мелко изрубленным, искусственно высушенным сеном. Оставалось только вовремя подставлять бумажные мешки.

Около барабана бывало жарко даже в прохладный день. Грохотал привод, предсмертно скрипели опорные ролики, завывал вентилятор, нагнетавший горячий воздух – и, перекрывая все остальное, ревело за толстым стеклом соляровое пламя в камере сгорания. Возле горловин можно было просто сойти с ума от стука. Дико выла мельница – несколько железных дисков,

между которыми измельчались в труху стебли сухой травы. Скрежетали и грохотали разболтанные приводы раздатчика-дозатора. Все крутилось, сновало вверх и вниз, нехотя ползли облепленные смазкой и травой цепи по маслянисто блестящим звездочкам. С непривычки казалось, что вся эта техника вот-вот взорвется или просто разлетится вдребезги, не оставив вокруг себя ничего живого. Потом постепенно наступало привыкание, и грохот казался не таким уж адским, и становилось ясным, что по крайней мере в нашу смену никакого взрыва не будет.

Однако все время приходилось оставаться начеку. Поскольку можно было в любой момент остаться без пальцев или без всей руки, а то и без головы – стоило лишь зазеваться или ненароком на что-нибудь облокотиться. Конструкторами, конечно, предусматривались различные защитные элементы, кожухи и ограничители, не позволявшие ничему лишнему попасть в опасную зону движущихся частей. Но все эти полезные, не влияющие на рабочие качества машины детали давно были потеряны, сломаны или просто утащены. Впрочем, я почти нигде не встречал на подобных аппаратах каких-либо сохранившихся защитных приспособлений.

Хотя, если рассуждать здраво, то по-дурному убить могло и дома ударом тока из неисправной розетки...

Тем более, я эту технику знал, и работать на ней не боялся.

Наибольшей неприятностью на АВМ была сама мука, которая валилась непрерывным потоком из жерл дозатора: стоило замешкаться, убирая полный полуторапудовый мешок, как эта чертова горячая труха начинала сыпаться, как вихрь – застилая глаза, забивая нос и уши, кусачими колючками заползая под одежду...

Помимо нас, простых рабочих, АВМ обслуживали два техника, считавшихся квалифицированными – хотя при своем опыте я мог бы с ними поспорить. Один пожилой и толстый, в зеленой кепке, представился как дядя Федя. Второго, который был помоложе – точнее, не поддавался возрастному определению – мы звали просто Николаем. И находился при АВМ еще один мужик по имени Степан – средних лет, чуть косоватый, с огромными баками и вечной хитрой усмешкой на широком лице.

Техники работали попеременно, Степан числился возчиком: лениво погоняя желтую кобылу, он каждый день с утра до вечера грохотал на раздолбанной телеге, отвозя готовые мешки от агрегата к навесу, где они согласно технологии оставались сутки на свежем воздухе, чтоб полностью остыть и лишиться опасности самовозгорания, а потом уже из-под навеса на склад. По прямой навес отстоял от АВМ на десяток метров, и теоретически мы могли обойтись без Степановой кобылы, перетаскивая их не спеша в течение смены на руках – но дорогу перегораживал гранулятор.

Огромное, мрачное сооружение размером с двухэтажный дом. Его полагалось монтировать рядом с АВМ, чтобы готовую муку тут же перерабатывать в гранулы, которые лучше хранятся, не слеживаются и не гниют.

Но здешний гранулятор, по сути, названия своего не оправдывал. А являлся, можно сказать, лишь полномасштабным макетом.

Надо думать, что колхоз отвалил за него немалые деньги. Но агрегату не повезло, причем по-крупному. То ли денег все-таки не хватило, то ли мастера из «Сельхозтехники» с самого начала работ оказались пьяными в стельку, но гранулятор, смонтировали в неправильно: развернули по чертежу ровно на сто восемьдесят градусов. Так, что приемный бункер, который по всем правилам должен смотреть на АВМ, всегда готовый принять свежую муку, очутился на противоположной стороне. И проклятую траву пришлось бы сначала возить телегой на гранулятор, а потом точно так же – и опять с неправильной стороны – отвозить гранулы под навес. Но кроме того, мастера перепутали еще и расположение кабелей в намертво забетонированных трубах под фундаментом. Так что правильно подключить все приводы к распределительному щиту через пульты не брался никто.

Да, похоже, особо и не пытался. Потому что за год, прошедший с моего пребывания тут, несчастный гранулятор не приобрел признаков жизни, зато существенно облегчился от ненужных деталей. С него исчезли все электродвигатели, которые под силу отвинтить и снять без подъемных приспособлений. И даже громадный полутонный мотор дробилки был поднят с толстых – в руку толщиной! – анкерных болтов и сдвинут на метр в сторону. Вероятно, его не утащили лишь потому, что не нашли применения в личном хозяйстве. Сорванные приводные цепи ржавели по всей округе, сквозь них дружно прорастали лопухи. Фундамент искрошился, кое-где просел, а кое-где вспучился, и из него невинно, словно так положено, торчали веселые ромашки. А на верху самого большого циклона, поднявшегося в небо метров на десять, свила себе гнездо какая-то птица.

Огромный агрегат медленно разваливался на части, напоминая скелет какого-нибудь мамонта. Но когда я спросил дядю Федю, почему его не демонтируют, на хрен, чтоб на загоряживал дорогу – тот хитро усмехнулся и ответил, что машина свое дело служит. В том смысле, что при приезде всяческих комиссий председатель колхоза издали показывал, что у него, как и положено, работают в паре два сложных агрегата. Тем более, даже один АВМ производил столько грохоту и дыма, что с некоторого расстояния было уже не понять, сколько аппаратов функционирует в самом деле. И проверяющие верили и ставили плюсы в нужных графах.

Нам же из-за этого умирающего монстра приходилось по много раз за смену нагружать и разгружать Степанову телегу.

В первый день работы дядя Федя суетился вокруг нас, наблюдая и поминутно дергая ненужными указаниями. Потом понял, что, как это ни странно, но мы – ничемные с точки зрения деревенского жителя городские инженеры – оказались знатоками агрегата, и успокоился.

Тем более, что обслуживание АВМ не отличалось особой хитростью. Требовалось лишь загрузить бункер свежей травой, потом поднять его с помощью гидропривода – что я умел делать не хуже дяди Федя – и можно было в полном смысле слова загорать, пока вся порция не пройдет через сушилку и дробилку. Правда, требовали постоянного внимания горловины раздатчика, откуда сыпалась трава, но с этим вполне справлялся один человек.

Поэтому мы сразу начали работать по вахтам: в течение часа один стоял у горловин, а остальные загружали бункер. Не расслабляясь, конечно, без предела: стоило лишь зазеваться, как очередной приехавший шофер, которому все было до лампочки, мог за одну секунду свалить новую траву метра в десяти от бункера. И эту кучу потом приходилось перекидывать вилами часа два. Однако уговорами и руганью можно было заставить любого водителя въехать на бетонное возвышение перед агрегатом и выгрузить свой груз прямо в бункер. После чего оставалось лишь подчистить просыпавшееся, поднять бункер и в самом деле отдыхать.

Загорать или лечь спать в старом автобусе без колес, что стоял за агрегатом и служил бытовкой и складом запчастей.

А можно было даже сходить к недалекой столовой и выпить холодной ключевой воды из огромной бочки, что наполнялась насосом из пробуренной тут же скважины, а потом набрать трехлитровую банку, чтоб могли попить другие.

В первый же вечер Саша-К объявил, что работать нам предстоит по открытому наряду. То есть денег мы не получим, а нас лишь будут кормить обедом на полевом стане да выдавать продукты для ужина и завтрака, ну и еще молоко на ферме. Кто-то зароптал, но меня такой расклад не удивил и не огорчил, а даже обрадовал.

В колхозе мне заплатили всего однажды. Семь рублей пятьдесят копеек за две недели труда. И за эти деньги – если их можно назвать таковыми – нам не давали жизни. Продуктов выделяли только чтоб мы не умерли с голоду – напоминая об оплате. Гоняли, как негров на плантации – напоминая об оплате. И так далее.

Здесь же, судя по всему, нас не собирались попрекать копейками. Да еще по возвращении, если повезет, имелась надежда выпросить у начальства отгулов восемь. В нашей жесткой системе с турникетом и двумя злыми вахтершами, прозванными «сестрами Геббельс», это кое-что значило.

А если бы за работу заплатили хоть полтинник, об отгулах не стоило бы мечтать: об этом рассказывал Мироненко, который, как и я, в молодости имел богатый опыт сельхозработ.

Однако норму выработки за смену с нас требовали. Она была, конечно, не такой уж большой но работать приходилось не для вида. Агрегат наш именовался «АВМ-0.65», что означало, что за смену при средних условиях из средней свежескошенной травы он мог давать в среднем шесть с половиной центнеров травяной муки. В пересчете на мешки это выходило сто семьдесят пять штук. И только тот, кто хоть однажды вкалывал на таком агрегате, способен оценить, много это или мало.

В первый день с непривычки работать было тяжело. К тому же нас тормозил Аркадий. Стоя на вахте у горловины, он двигался с такой ленивой медлительностью, что едва не половина муки рассеивалась в воздухе, пока он, недовольно кряхтя, отваливал полный мешок к куче готовых, а потом так же неторопливо подставлял следующий. За час его работы из дозатора на землю просыпалась огромная зеленая гора муки, которую раздул ветер. И все-таки за первую смену мы насыпали сто тридцать девять мешков – до нормы не хватило немного.

Вечерняя смена, как мы узнали ночью, тоже не дотянула – они дали сто пятьдесят с чем-то.

На второй день после Аркашкиной вахты у раздатчика опять зеленела гора муки. Подошедший на смену бригадир Володя бросил к его ногам несколько пустых мешков и молча указал на прислоненную к стойке лопату. Аркадий пытался витиевато возразить – Володя оборвал его короткой и емкой фразой.

– Ладно, – вздохнул Аркашка. – Ссыплю... вот только схожу к бочке, немного умоюсь.

– Сейчас ссыплешь, – тихо бросил Володя.

Аркадий опять хотел возразить, но бригадир смотрел на него молча и непреклонно. И, вздохнув, он принялся убирать.

Стояние у горловин было вообще каторжной работой. А пересыпать готовую муку лопатой с земли в мешок – на характеристику этого процесса у меня не доставало словарного запаса. Колючая травяная пыль стояла столбом, а Аркашка, голый до пояса, обливался потом. Через пару минут он стал зеленым, как весенняя ящерица, от облепившей муки, но покорно продолжал сгребать траву под мрачным взглядом Володи. Мы со Славкой сидели в тени автобуса на отломанном сиденье, и, как в бане, хлестали себя ветками полыни, отгоняя яростных слепней. Я видел, как мучается Аркадий со своей кучей травы, и мне вдруг стало его жаль.

– Может, поможем? – я вопросительно взглянул на Славку. – Хоть мешок ему подержим, что ли?

– Пошел он... – неожиданно огрызнулся мой добродушный друг. – Сам навалил, сам пусть и разгребает.

И мы, как ни в чем ни бывало, продолжали париться полынью.

Наконец Аркадий догреб свою траву и, с трудом разогнув спину, направился к нам. Но в этот момент Николай опустил бункер и непристойными жестами – поскольку никакой крик не долетел бы до нас сквозь грохот агрегата – велел идти загружать новую порцию свежей травы. Сломленный Аркашка покорно взял вилы и пошел с нами...

Зато у раздатчика он больше не сачковал. Держал пустые мешки наготове возле себя. И уже до обеда мы выдали девяносто восемь штук. Всего же на второй день мы насыпали сто восемьдесят семь, перекрыв норму. Вторая смена тоже не прохлаждалась, однако нас они не догнали, дав сто семьдесят девять. За ужином Саша-К объявил, что уж завтра они нас точно обгонят.

– Посмотрим, – кратко ответил за всех нас Володя.

На третий день нам привезли несколько тележек особо тонкой травы, которая сохла гораздо быстрее обычной. Агрегат молотил, как зверь, перекрывая запланированную производительность, мы тоже от него не отставали – даже Аркадий, казалось, втянулся в общий азарт – и сделали двести три мешка! Удивился даже выдавший виды дядя Федя. И опять, как ни старалась вторая смена, но победить нас они не смогла, насушив всего сто девяносто семь...

— —

Работа, конечно, была тяжелой. Не говоря об изнурительных вахтах у раздатчика, даже просто бросать траву вилами в бункер тоже не казалось самым легким из развлечений. Особенно досаждали слепни, гудевшие вокруг нас густым роем. В первый день они замучили меня так, что я, невзирая на жару, натянул на себя рубашку. Но, как ни странно, от этого стало лишь хуже. Слепни набрасывались на меня, как озверелые, и я не успевал бить рукавицей по обжигающим вспышкам укусов. За обедом словоохотливый Степан объяснил, что слепней привлекает темный фон: ведь лошади и коровы темнее окружающей обстановки, поэтому работать голому должно быть спокойнее. После обеда я присмотрелся и понял, что вредные насекомые в самом деле не безразличны к цвету: на Славкины черные вельветовые брюки они слетались стаями. Прокусить толстую материю они не могли, поэтому просто сидели, облепив его ноги сплошным поблескивающим панцирем, так что было тошно смотреть.

У горловин всегда дул ветер от вентилятора, поэтому слепней там не было. Зато сыпалась травяная мука, которая колола и жалила не хуже. И еще имелся один особо несуразный фланец на изогнутом трубопроводе, о который я постоянно бился головой, нагибаясь за следующим мешком. В первый же день я набил здоровенную шишку и проклинал все на свете, но за обедом Володя признался, что с ним случилось то же самое. Славка и Аркадий были пониже нас ростом, поэтому они не страдали.

Кормили нас в прохладной столовой, где поварихой и раздатчицей работала свирепая суровоголосая баба неопределенного возраста, которую все звали тетей Клавой. Руки у этой тети были до локтей покрыты наколками, а материлась она так, что могла заткнуть за пояс любого из механизаторов, не говоря уж о нас. Но готовила, как ни странно, не очень плохо; ее обед, состоявший из одной огромной миски мутно дымящегося варева с плавающими на поверхности оранжевыми глазками маргарина, мы съедали моментально.

Да и вообще сама нехитрая церемония обеда доставляла потрясающее, не достижимое в обычной жизни удовольствие.

Не спеша уйти с агрегата, с каждым шагом ощущая, как за спиной остается его надсадный гул, а уши освобождаются от засевшей пробки. Отвернуть кран у бочки с водой и плескать студеную, только что закачанную из-под земли воду себе на спину, замирая от мучительного блаженства. Потом стоять в очереди к раздаче в толпе механизаторов, беззлобно толкаться за своей миской, и с непонятной гордостью чувствовать себя точно таким же – усталым, сильным, загорелым, натруженным... Потом взять еще три порции для девочек, которые жались в стороне, стараясь не слышать звучащие кругом слова. Сесть за грубый стол под цветастой клеенкой у чисто выбеленной стены, с наслаждением жевать толстый ломоть хлеба...

Описать все это было трудно. Так стоило просто пожить.

— —

В первый день Катя села в столовой напротив меня, и я увидел ее руки – черные, изрезанные и перемазанные травой.

– Ты что же, без перчаток полешь? – спросил я.

– Да... Собиралась в суматохе, взять забыла. Да ладно – мне же не на арфе играть, в конце концов.

– У меня в рюкзаке есть перчатки, – сказал сидевший рядом с нею Славка. – Захватил на всякий случай. Если забуду, вечером напомни – я тебе отдам.

– Спасибо, мальчики! – улыбнулась Катя.

Вика, которая почему-то всегда садилась рядом со мной, неожиданно вздохнула.

Люда не прореагировала никак.

— —

Эта секретарша вообще оказалась странной девицей.

С первых минут общения стало ясным, что она одновременно невероятно глупа и непомерно высока во мнении о себе. Было видно, что ее не волнует в жизни ничто, кроме своего залакированного начеса да тщательно покрашенных ногтей. Как ни странно, и прическа и ногти сохранялись у нее в неизменном состоянии. Вероятно, дело было не в перчатках и не в аккуратном купании; я не сомневался, что Люда проводит немало времени, каждый день по несколько раз обновляя свой внешний вид. Хотя я не понимал, зачем ей это надо.

При всей своей терпимости, я просто на дух не выносил таких пустышек. И здесь в колхозе лишний раз не взглянул бы на эту Люду, если бы не одно обстоятельство, которое воздействовало на меня помимо воли.

В первый же вечер, когда после еды все разделись и пошли обновлять речку, оказалось, что у Люды белый купальник.

Вообще говоря, девицы, словно сговорившись, запаслись купальниками разных цветов: Ирина носила зеленый, Вика красный, Ольга желтый, Катя – голубой... А вот Люда избрала белый.

Я даже решил, что она забыла в городе пляжный костюм и теперь бесстыдно ходит прямо в нижнем белье. Но присмотревшись – смущаясь двусмысленной ситуации, пытаясь отвернуться и все-таки, будучи не в силах справиться с собой – я понял, что это именно купальник: цветные ляпочки, тесемочки, и даже сверкающий, как натуральное золото, замочек в виде ромашки между ее худых лопаток говорили, что изделие предназначено для всеобщего обозрения. Но ткань его была не просто белой, а какой-то невероятно тонкой, просвечивающей, как папиросная бумага; я раньше такой никогда не видел. Спереди на Люду невозможно было смотреть, не краснея: обтягивающий ее материал ничего не прятал. А лишь подчеркивал круглые контуры ее сосков, и темное туманное пятно плотно сученной, наверняка очень пышной растительности в нижней части ее живота...

Это заметили сразу все. Саша-К хмыкнул, ничего не сказав. Володя пробормотал что-то осуждающее, а потом, отойдя подальше сплюнул и выматерился в полный голос. А Костя с Аркашкой буквально пожирала ее глазами.

Особенно привлекало Людино купание. Купалась она тоже не как все: не плескалась и не ныряла, а медленно и величественно, словно королева на отдыхе, переплывала по кругу на спокойном месте, старательно держа над водой свой драгоценный начес. А неподалеку, делая вид, будто не смотрят на нее, тщательно бултыхались мужики, которые старались под любым предлогом оказаться поближе.

Потому что в момент выхода из воды Люда оказывалась хуже, чем голой. Мокрая ткань никуда не девалась, но, намокнув, делалась абсолютно прозрачной, открывая теперь уже абсолютно все подробности ее интимных мест. Любая другая девчонка, наверное, сразу бы переоделась во что-то более приличное.

Люда же не спеша вытиралась полотенцем и спокойно шагала с лагерь в своем непристойном купальнике. Парни, пристроившись с разговорами, шли рядом, жадно хватая глазами

то, что постепенно пряталось под медленно просыхающей материей. Но так и не скрывалось совсем. Честно говоря, в такие моменты я тоже не мог оторвать от нее глаз. Хотя я не был бабником, вообще не изменял жене и тем более не собирался делать этого в колхозе, но вид практически голых женских сосков наполнял меня каким-то вибрирующим удовольствием, от которого не было сил отказаться... Сначала я думал, что эта маленькая дура ничего не сообщает. Но потом стало ясным, что все прекрасно понимает и умеет этим пользоваться.

Природа обделила Люду сложением в сравнении с другими девицами; даже мясистая Тамара выглядела привлекательнее. Груды ее, хоть и совсем молодые, уже слегка обвисли; чересчур худые ноги с острыми коленками не имели манящей женской округлости; бедра, вероятно, могли появиться лет через десять – равно как и задница – но пока тело ее, лишенное выпуклостей, было ровным, как у куклы. В обычной ситуации на нее никто бы не обратил внимания. Но прозрачный купальник делал свое дело, и Люда не оставалась обделенной. И пусть вокруг нее увивались отпетые хлюсты вроде Аркашки – она довольствовалась такими.

Даже к костру, куда все приходили тепло одетыми на ночь, Люда являлась в купальнике. И садилась так, чтобы было видно ее убогое богатство.

Девчонка вызывала во мне отвращение, но не смотреть на нее я почему-то не мог; поэтому пересаживался так, чтобы ее вовсе не видеть. Или отворачивался в другую сторону и терпел, пока она, замерзшая и искусанная комарами, убежала одеваться.

И самое главное – я не понимал, чего она хочет добиться. Просто привлечь внимание парней? Это казалось очевидным объяснением на первый взгляд.

Но в один из первых же вечеров произошел инцидент, который разрушил ясность. Был невероятно тепло, а у меня с отвычки быстро устали пальцы, и танцы начались рано. Люда не успела натянуть трико – и пошла танцевать в купальнике. За ней наперебой ухлестывали Костя-Мореход и Аркадий. Но если Костя, при всей его внешней грубости, все-таки не переходил грань деликатности, то для Аркашки предела не было ни в чем.

Пригласив Люду на медленный танец, он сначала просто обнял ее спину. Руки его постепенно опускались, пока не достигли худой Людиной задницы. Но и на этом Аркашка не остановился. Как-то весь опустившись – ноги, что ли согнув в коленях? – и сделавшись с нею одного роста, он скользнул вниз по ее прозрачным трусам и совершенно спокойно сунул ладонь ей между ног. Такого я не ожидал даже от Аркашки. Люда же ответила быстро и исчерпывающе. Остановившись и спокойно отстранившись от кавалера, она двинула его коленом в причинное место.

Удар, нанесенный резко, точно и с молниеносной быстротой, был вероятно, так силен, что Аркашка сложился пополам и уполз в свою палатку. И в этот вечер больше уже не танцевал. А в последующие даже не садился рядом с Людой.

Она же с прежней невозмутимостью каждый вечер присаживалась к костру полуголая.
Я абсолютно ничего не понимал в женской психологии.

— —

Запуск нашего агрегата был не минутным делом, остановка требовала еще больше времени: погасив факел, ждать, пока выйдут все остатки травы, иначе в неподвижном барабане сухие стебли могли потом вспыхнуть сами по себе. Поэтому агрегат и работал с утра до вечера без передышки. Уходя на обед, мы грузили бункер под завязку, оставляя одного дежурного у раздатчика. А потом передавали грохочущий аппарат приехавшей второй смене.

Только забравшись в кузов грузовика, я начинал ощущать, как устало тело, как болят руки, и колется мука, насыпавшаяся везде, куда только попала.

И каким наслаждением было, вернувшись в лагерь, бежать к реке и бултыхнуться в быструю струю. Ее течение не давало плыть даже вниз: за пару минут оно уносило на километры,

дальше деревни. Приходилось купаться кругами: спустившись в воду выше лагеря, дрейфовать вниз, потом выбираться у песчаного брода, идти по берегу обратно и повторять ту же процедуру. Вода была чертовски холодной – такой, что после третьего заплыва было уже тепло вылезать на воздух. Но мы купались мужественно; бегали, орали, визжали, брызгались... Народ выдерживал не больше трех-четырёх заходов. Сначала сдавались девчонки, потом Аркадий, и наконец, даже стойкий Володя. Мы со Славкой держались до конца. И лишь почувствовав, как изнутри поднимается холодная дрожь, мы выбирались из речки и стремглав неслись к лагерю, пытаясь согреться на бегу. Там ждала сухая одежда, махровое полотенце, чистые носки... Натертая кожа горела огнем, и тело охватывала приятная легкая истома, и верилось наконец, что еще один трудовой день закончен, а впереди – бесконечный, как сама жизнь, вечер.

Наполненный розовым светом заката, запахом свежего дыма, звонкими звуками гитары и нехитрыми танцами на траве...

6

В первый же вечер выяснилось, что кто-то из нас должен идти на ферму за молоком.

– Саша-командир велел часов в десять отправляться, – сказала за ужином Тамара. – Это недалеко отсюда. Говорит, километра два в один конец.

– Знаю, – сказал я. – Мы прошлым году тоже за молоком на ферму ходили. Правда, не отсюда, а из деревни. Ближе получалось.

– Пошли, тогда сегодня мы ходим, что ли? – предложил Славка.

– Давай, – согласился я. – Обновим парное молоко... Давай, Тамара, справку от председателя...

В десять часов, прихватив две пустые десятилитровые фляги, стоявшие на кухне еще с той смены, мы двинулись в путь.

Вечерело. Воздух пока держал теплый солнечный свет – но само солнце клонилось к закату. Большое, круглое и красное, висело оно за нашими спинами, над черными деревьями острова.

Мы не спеша шагали по серой колее, пробитой грузовиком через луг. Потом поднялись наверх около паромной переправы и зашагали по пыльной дороге.

Вечерняя дорога, которой не казалось конца, лежала перед нами. Красное солнце осталось позади, быстро падая в расселину между островом и высоким правым берегом. А перед нами над дорогой, над дрожащей в далекой сумеречной дымке деревней, и даже над густо лиловеющей цепью неблизких гор, перекинулась полоса облаков. И солнце, прощаясь, красило их в нежный розовато-сиреневый цвет.

– Смотри, какое чудо эти облака, – почему-то тихо сказал я. – Какой удивительный цвет...

– Как черносморозинное мороженое, – вздохнул Славка.

– Черносморозинное? А где тебе его доводилось пробовать? Неужто в нашей дыре его где-то подают?

– Нет, конечно. В Москве как-то раз. В командировке.

– В командировке... – повторил я. – В командировке – боже мой, какое гнусное слово. Командировка, командир, начальник, план, аттестация, работа... Как далеко вся эта гадость сейчас. Звонок будильника, турникет, охота за свободным вкладышем...

– Ругань начальника, – продолжил Славка. – И очередь у кассы за несколькими трешницами.

– И у кассы тоже... Ничего этого теперь нет. Словно ничего и не было – ни телефонных звонков, ни давки в автобусе. Ни-че-го. Никакой этой мышины возни. Нет и не будет целых четыре недели. Ничего, кроме этой вечерней дороги. И сиреневой дымки заката, и свода

облаков, нависших малиновой аркой над нами, и звука наших шагов в теплой пыли, и тихого позвякивания крышек на пустых флягах...

– Красиво говоришь, Женя, – улыбнулся Славка. – Ты, случаем, стихи не пишешь?

– Стихи? Да нет, даже не пробовал никогда. Жизнь – она, знаешь, как-то больше все прозой диктует...

– Да, прозы хватает... Вот, например, перед самым отъездом начальник мне ласково сказал... А! – он ожесточенно взмахнул рукой, прерывая сам себя. – Ну его к едреной матери. Всех и все – к едреной матери... Не хочу ни о чем даже вспоминать. Ты прав – ничего не надо, пусть ничего больше сейчас не будет. Только твоя вечерняя дорога.

– «Вечерняя дорога», а сам материшься, как кучер, – усмехнулся я.

– И это верно, – вздохнул Славка.

Ферма раскинулась недалеко от дороги, чуть ближе деревни – почти сразу за кладбищем.

Мы прошли по скользким деревянным мосткам, проложенным по жидкой грязи, ровным слоем заливавшей скотный двор, и остановились у грубо сколоченной будки, где помещался холодильник. Надсадно ревел дизель, питающий током доилку; под низким навесом мычали, толкались и вздыхали бурые коровы. Пожилая доярка, внимательно повертев в узловатых руках нашу бумажку с размашистой подписью председателя, налила молока.

– Выьем, что ли, парного? – предложил я, когда мы вышли за ворота.

– Давай на дорогу отойдем, там воздух почище.

Мы поднялись на насыпь и встали около какой-то изгороди. Я откинул крышку фляги и протянул Славке. Он сделал несколько глотков и поставил ее на землю.

– Пей, не стесняйся, – сказал я. – Все равно останется, двадцать литров на тринадцать человек – это залиться можно.

– Не хочу больше, – Славка покачал головой. – Я вообще-то молоко не очень люблю.

– А я – так очень...

Молоко было теплым, сладковатым и полным того особого, ни с чем не сравнимого запаха, какой бывает только у парного. Я пил долго, чувствуя как теплые струйки текут по подбородку и капли падают в мягкую дорожную пыль. Оторвался я от фляги лишь когда понял, что больше в меня просто не войдет.

– Ну и силен же ты пить, – покачал головой Славка.

– А ты думал? Все, теперь каждый день буду сюда ходить. Никому не уступлю право хлебнуть первым прямо на дороге. Будем ходить вместе?

– Будем, – улыбнулся Славка. – Может, и еще кого-нибудь с собой возьмем.

Я как-то не задумался над его последними словами. Мы подхватили ношу и зашагали к лагерю. Солнце уже скрылось за островом, и теперь небо на западе горело розовым светом, делая совершенно черным зубчатый силуэт леса. Мягко пружиня своей еще не остывшей пылью, дорога вела вдоль реки, мимо парома – к лагерю, который показался вдали, смутно белея палатками, между которых уже резвился неяркий в ранних сумерках огонек костра...

— —

Потом мы опять сидели у огня и пели. Костер, заваленный зелеными ветками, щедро дымил, разгоняя комаров. Я исполнял совершенно автоматически, витая мыслями где-то далеко и высоко. И спокойно рассматривал своих колхозных товарищей. Тамара сидела с Генкой, а Саня Лавров – с окольцованной Ольгой. Я заметил еще вчера, что они везде – и в столовой, и у костра – садятся вместе. Неужели наша компания уже начала делиться по парам? Костя-Мореход, судя по всему, ни с кем делиться не собирался: он занял место между Викой и Людой и уделял внимание обеим сразу. А Аркадий пристроился к Кате. Люда его отшила, причем весьма болезненным способом; к Вике он, вероятно, не решался приближаться на рас-

стояние удара, Ольга и Тамара были прочно заняты. Катя же подходила: она казалась свободной, безобидной и незащищенной. Не обращая никакого внимания на сидящего с другой стороны Славку, он придвинулся к ней тесно и шептал что-то на ухо с таким видом, будто их давно и крепко что-то связывает. Катя глядела на огонь, и красные отсветы плясали в стеклах ее очков.

Я смотрел, и мне было неприятно, что Аркашка за ней ухаживает. Странно, но я ощущал в себе нечто вроде ревности. Хотя на каком основании имел право испытывать подобное чувство? Между Катей и мной ничего не было и не могло быть; я вообще не собирался ни с кем сходить в колхозе. Но, тем не менее, факт имелся налицо: что Катя нравилась мне настолько, что соседство любого мужчины с нею приносило неудовольствие. Любого, кроме Славки – он в счет не шел, так как являлся моим лучшим другом. И, кроме того, я знал его слишком хорошо и не сомневался, что он-то к Кате приставать не собирается...

Так я пел и играл, думая о каких-то неожиданных и странных вещах и даже не заметив пролетевшее время. Принесли магнитофон и начались танцы. Мне не хотелось ни дергаться, ни обниматься под музыку, и я пошел на кухню пить молоко. Оно уже совсем остыло и даже загустело сверху чистыми сливками. Я налил себе в алюминиевую кружку и опустился за стол.

Кругом стояла темнота: ведь, наверное, было уже около двух часов ночи. Постепенно глаза привыкли к мраку, и я различил очертанья навеса, темные букеты цветов в больших банках – их девчонки нарвали на лугу и расставили еще днем по столу – оставленные кружки, миску с хлебом, забытый кем-то транзисторный приемник... Плотный черный воздух словно поглотил в себе музыку, еле доносившуюся от недалекого костра, и отчетливо слышались обступившие меня ночные звуки.

Протяжно крикнула сова на болоте. Раз, потом еще – отрывисто и резко, – словно кого-то поймала и радовалась этому. Подал голос сверчок около кухни, под забором в примятой траве. Прошуршала возле изгороди то ли мышь, то ли змея. И откуда-то из-за перелеска вдруг раздался тонкий перезвон колокольчика: видимо, на большом лугу, или даже еще дальше, паслись в ночном лошади...

Когда я вернулся к костру, народ сидел вокруг костра. Магнитофон играл из травы известнейшую и очень хорошую песню про горную лаванду, под которую танцевали всего две пары.

Гена с Тамарой просто топтались на месте, очень крепко обнявшись.

Лавров с Ольгой действительно танцевали. Они выделяли невероятно красивые, гладкие и скользкие движения. Со стороны казалось, что Саша ловит Ольгу, вырывающуюся из его рук – а она, хоть и ускальзывает, но позволяет себя поймать. Это было грациозно и даже как-то трепетно.

Кроме того, я вдруг заметил, какие у нее прекрасные, ровные, невероятно длинные ноги. Ольга мне совершенно не нравилась, но все-таки, как любой нормальный мужчина двадцати четырех лет, теоретически равнодушный к женскому телу, я иногда исподтишка рассматривал и ее. Подобно всем другим девицам, по лагерю она ходила практически голая, лишь едва прикрывая необходимые места весьма откровенным желтым купальником. Хотя прикрывать было нечего: Ольгино тело не выделялось ничем особенным; полураздетая, она обратила бы на себя мужской взор лишь в обществе полностью одетых женщин. Рядом с такой же полуголой, но великолепно сложенной Викой Ольга совершенно проигрывала. Однако сейчас, пусть и укрытые старым вылинявшим трико, ноги ее прямо-таки били по глазам. Казалась, вся Ольга состоит из одних только ног, – которые, хоть это и звучит банально, росли у нее прямо из подмышек. А возможно, и не росли – просто, танцуя с Лавровым, она показывала себя совершенно иной, чем днем в обычной жизни.

Я поразился, увидев, как здорово танцует Сашка. Сам я, даже если бы завязался тройным узлом, не смог бы показать и десятую долю того, что выделял у костра он.

Но все-таки, на кой черт ему сдалась замужняя Ольга? Взял бы лучше Вику, она все-таки свободна, – думал я.

Тот факт, что, вероятно, только Ольга из всех умела по-настоящему танцевать, мне даже не пришел в голову.

Я посидел у костра с полчаса. Постепенно все разошлись. Последней, пожелав нам спокойной ночи, исчезла в темноте Катя. Мы со Славкой остались вдвоем. Пары продолжали танцевать, не чувствовали усталости.

– Полезли и мы спать, что ли? – предложил я.

– Пошли. Только... Только я еще на речку схожу, – ответил Славка.

– Ладно, тогда до утра, – сказал я.

Засыпая, я слышал, как от костра доносится тихая музыка. Как ни странно, она не мешала, а наоборот, подхватила и понесла куда-то – в остаток ночи, который можно было отдать сну.

— —

Журавли, видимо, облюбовали соседний с нами луг.

Их протяжные крики разбудили меня и на второе утро, и на третье. И я опять вскакивал раньше всех и бежал к реке умываться. Правда, помощи на кухне больше не требовалось: там уже вертелись Геныч с Лавровым. Будто и вовсе не ложились спать. Наверное, так оно и было – и, позавтракав, они заваливались спать до своей вечерней смены. Впрочем, меня не касалось, кто когда спит. И с кем – тоже.

Шофер приезжал по-прежнему рано, но уже не гудел и не зубоскалил. Тихо вылезал из кабины и замирал около столовой напротив сидящей Вики. Стоял, пока мы завтракали, не спуская с нее глаз, как загипнотизированный. Когда она бросала на него мимолетный взгляд, он краснел и отворачивался.

Мы по-прежнему ездили в кузове, а Вика забиралась в кабину. Не знаю уж, чем они там по пути занимались, но грузовик ехал очень медленно. Так, что мы со Славкой стояли в полный рост, не держась за борта, чем вызывали буйный ужас девчонок. И были этим горды, как два молодых петуха. Впрочем, мы и были молодыми.

Все быстро сделалось привычным.

Дорога через деревню, небольшая встряска на железнодорожном переезде, заезд по узкому проселку на поле, где пололи девчонки, потом к нам на АВМ.

Горячий вихрь смены, прерванный передышкой обеда. Обратный путь, речка, холодная вода, мигом смывающая усталость. Вечерняя дорога на ферму, неспешный разговор со Славкой, горячие капли парного молока. Ночной костер, песни, танцы, короткий и крепкий сон... И снова будили меня журавлиные крики. И опять ждала холодная вода, завтрак под прохладным утренним навесом, грузовик и работа...

— —

Три дня утренней смены пролетели молниеносно. И пришел наш черед идти в вечернюю.

По этому случаю мы со Славкой не ложились часов до четырех. Напевшись и натавцевавшись, разошлись спать все. Попросив напоследок спеть еще раз про милую со словами о хрустальной сосне, ушла Катя. Позевав и молча поглядев на тускло играющие угли, ушли Вика с Людой. С исчезновением лиц женского пола заскучал и уползти спать сначала Аркадий, потом Костя-Мореход. Прихватив магнитофон, исчезли в направлении кухни Геныч и крепко ухватившая его Тамара. Ушел на привычную – как это выяснилось теперь – ночную прогулку

по дороге до кладбища и обратно Саша-К. Скрылись куда-то даже Лавров с Ольгой – то ли улеглись в свои мешки, чтоб выспаться перед утренней сменой, то ли отправились гулять на реку.

А мы все сидели и сидели у остывающего костра. Он уже не грел; только оранжевые головни, оставшиеся от поленьев, светились янтарем, да перебегали по ним красные протуберанцы. Мы смотрели на небо. Оно было высоким и ясным, до краев заполненным звездами.

– Вот, смотри, – Кассиопея, – пояснял Славка, большой специалист в области звездочтения. – Вот Персей. А вон там, присмотрись... Видишь – светлое пятнышко? Это и есть та самая туманность Андромеды...

Я следил за его указаниями, запрокинув голову, а глаза мои закрывались, не в силах бороться с усталостью и сном. Я вдруг почувствовал, что если сейчас же не пойду спать, то свалюсь прямо тут, на земле. Славка же, обрадованный ясными звездами был готов бодрствовать еще неизвестно сколько...

Я поднялся, опершись на его плечо и пошел к палатке.

У самого входа что-то зашуршало, кто-то выдвинулся мне навстречу, обдав душистой волной. Я вздрогнул от неожиданности.

– Жень, это я, Вика... – прошептала темнота.

Я и сам уже понял, что это Вика: в неясном свете звезд смутно блеснули ее волосы, которые невозможно было спутать ни с чьими другими.

– Вы завтра со Славой с утра куда-нибудь собирались? – неожиданно спросила она.

– Нет... А что? – удивился я.

– Да ничего особенного. Просто я хотела утром после завтрака – я ведь завтра на кухню заступаю – сходить на большой луг за лесом. Мне... мне полыни надо нарвать. А одной как-то неуютно далеко от лагеря. Может, ходим вместе, если тебе все равно куда идти?

– Хорошо, – сонно ответил я; мне и в самом деле было все равно, куда завтра идти. – Договорились. Схо-одим...

– Отлично, – тихо проговорила Вика и, коснувшись моей руки, быстро исчезла во мраке.

Я так и не понял, откуда она появилась, ведь вроде бы давно ушла спать. Получалось, что она ждала меня специально для того, чтоб договориться о завтрашнем походе за полынью... Или и не ждала вовсе, а просто случайно поднялась среди ночи, выбралась из палатки, услышала, как я иду, и решила поговорить. Как будто предстоял договор о какой-то серьезной вещи...

7

Несмотря на то, что утром мне не нужно было ехать на работу, я так и не смог проспать дольше обычного.

Опять ни свет ни заря начали свой концерт журавли. И, разбуженный их протяжными тревожными криками, я не выдержал. Поднялся, пробежал к реке, поплескал на себя воды. Заглянул на кухню, где уже хозяйничали Катя с Викторией.

Катя улыбнулась, увидев меня. Вика всплеснула руками:

– Зачем ты встал, Женя?! Спал бы да спал еще, мы вам завтрак оставим.

– Да по привычке, – ответил я, почесывая начинающую отрастать бороду. – Давайте помогу вам тут что-нибудь...

Завтракал я с утренней сменой. Шофер опять приехал, едва мы сели за стол. Сегодня он был при полном параде: в зеленой солдатской рубашке с золотыми, яростно начищенными офицерскими пуговицами. Опять стоял у машины, пожирая Вику влюбленными глазами. Народ уже разделался с завтраком, выпил по второму стакану душичного чая – настоящий кончился за два дня – и забрался в кузов. Шофер неподвижно смотрел на Вику, ожидая только ее. Когда же узнал про пересменку и понял, что сегодня она с ним не поедет, то разом как-

то сник, будто из него выпустили воздух, молча забрался в кабину и рванул так, что из-под колес взметнулось облако пыли. Стоящие в кузове отчаянно забарабанили по кабине: кого-то не хватало. Шофер затормозил и дико засигналил. Из девчоночьей палатки выскочили растрепанные Лавров и Ольга – я даже не заметил, когда они успели уединиться. Пока они бежали, спотыкаясь и перепрыгивая через палаточные растяжки, шофер гудел, не отпуская кнопки.

Наконец все оказались в сборе, и грузовик, громяхая кузовом, умчался вдаль. Вика проводила его долгим взглядом и, невнятно усмехнувшись, откинула назад свои дьявольские волосы.

Из нашей палатки на четвереньках выполз сонный Славка.

– Что... Что такое? – спросил он, яростно зевая и щурясь на солнце. —Что горит?!

– Не что, а кто, – усмехнулась Вика. – Мой ухажер сегодня без меня остался, только и всего.

Катя укоризненно, как мне показалось, посмотрела на нее, но промолчала. Славка, пошатываясь, прошел на кухню, заглотив горячую кашу, выпил чаю и вроде бы, наконец, проснулся. Мы помогли девчонкам отнести посуду к речке для мытья, потом вернулись в лагерь, выволокли из палаток спальники и развесили для просушки тяжелые отсыревшие вкладыши.

– За польнюй пойдём? – почему-то тихо спросила меня Вика, вернувшись в лагерь.

– Договорились же! – ответил я. – Все четверо сейчас и пойдём...

Но Славка вдруг заявил, что они с Катей уже решили переправиться сегодня на другую сторону реки.

– Когда это ты успел договориться? – искренне удивился я, заметив, как усмехнулась Вика.

– Так вчера... То есть сегодня ночью, перед тем как спать разошлись, – ответил он. – Не помнишь разве?

– Аа, да... – протянул я, хотя, убей, не помнил, когда это мы договаривались ехать на тот берег. – А что там делать?

– Там земляники на горе – завались...

– Что-то я сомневаюсь... – покачала головой Вика. – По-моему, она уже давно отошла.

– Мне Степан вчера говорил, ее там полно еще, – авторитетно заявил Славка.

– Что за Степан?

– Да возчик наш с агрегата. Косой такой мужик с баками, в столовую вместе с нами обедать ходит. Не помнишь, что ли?

– Там много мужиков, – равнодушно пожала плечами Вика. – И, как мне кажется, все они косые.

– Нет, в самом деле, там, наверное, здорово, – возразила Катя. – Надо же изучить новую местность!

Я чувствовал себя слегка растерянным. Мне ужасно хотелось быть с Катей – все равно, на том берегу, или на этом, идти за земляничкой или без цели бродить по лугам. Лишь бы она шла рядом, лишь бы видеть ее и слышать ее голос... Вика смотрела на меня молча и, как мне казалось, испытующе.

– А мы вот с Викой собрались за польнюй, – сказал я. – На луг за болотом. Пошли лучше все вместе туда! А на тот берег завтра поедем.

– На тот луг все равно не пройти! А мы уже собрались переправляться, – совершенно неожиданно для меня заупрямился Славка, точно поход за земляничкой на тот берег был событием, к которому он готовился неделю и теперь не мог отложить на один день.

Вика продолжала смотреть на меня.

Мне хотелось все переиграть и ехать на тот берег. Вика, конечно, мне нравилась – она просто не могла не нравиться нормальному мужику. Но я не испытывал к ней того невнятного влечения, которое тянуло меня к Кате. Проще – и приятнее всего – было бы взять и поменять

свои планы, сказать Вике, что с ней за полынью пойдем завтра, а сейчас собраться и ехать на тот берег. Но каким-то странным чувством я понял, что Вика ждет моих слов так, будто от них зависит нечто серьезное, страшно важное для нее. И я не мог отказаться от обещания, данного ей ночью

– Ладно, – махнул рукой я. – Разделим экспедиции. Вы поезжайте на тот берег, мы исследуем этот. Потом обменяемся впечатлениями.

К моему удивлению, Славка воспринял весть о моем отказе идти с ними совершенно равнодушно. Реакции Кати я вообще не видел, потому что она ушла на кухню развешивать по гвоздям вымытые кружки.

Славка ушел в палатку. Я остался сидеть за столом.

– Ценю мужчин, которые не отказываются от данного ими слова, – тихо сказала Вика, склонившись ко мне.

– Даже по такому пустяку? – почему-то не очень весело засмеялся я.

– Вся жизнь складывается из таких пустяков, – не приняв шутки, ответила она. – Так когда пойдем?

– Хоть сейчас...

Подожди минутку, я переоденусь, – хихикнула она.

И ушла в свою палатку. Конечно, не через минуту, но максимум через пять, Вика выбралась обратно. Вместо толстого, грубого красного трико на ней сияли еще более красные трусики от купальника – видимо, благодаря рыжим волосам, она любила цвета левой части спектра. Кроме трусиков на ней была еще белая футболка, под которой, дразня темными контурами сосков, свободно покачивались ничем не стесненные груди.

Я хмыкнув, приятно удивленный таким быстрым преображением женщины. Она тоже усмехнулась чему-то своему.

И мы пошли, больше никого не приглашая.

— —

Когда мы добрались до края нашего луга, я хотел ломиться прямо через болота, где мы однажды уже пытались переправиться со Славкой, но Вика повела меня куда-то в сторону: оказывается, она как-то успела лучше нас разведать здешние места. Мы продрались через спутанный кустарник мелкокося, потом взяли вправо и через пару минут нашли почти сухое место, где от болота осталась лишь небольшая канава, которую было легко перешагнуть. Разведя руками одуряюще ароматные заросли лабазника, мы вышли на залитый солнцем, прогретый простор большого луга.

– На обратном пути надо будет кашки набрать, – сказала Вика. – Пусть в столовой стоит и пахнет...

– Это не кашка, а лабазник, – машинально поправил я.

– А ты откуда знаешь? – искренне удивилась она.

– Знаю вот... У меня жена биолог. Специалист по дикорастущим растениям. Она меня давно всем названиям научила.

– Надо же... А чем она занимается?

– Диссертацию пишет вообще-то. А в данный момент, так же, как и я, на природе. На сопках Манчжурии. В экспедиции, на все лето.

Сказав про Иннину экспедицию, я ожидал привычных слов типа «и ты не побоялся отпустить жену на три месяца одну», или чего-то прочего в этом роде, одобренного нехорошими усмешками, к которым я давно привык. Однако Вика не откомментировала факт отсутствия Инны, и я впервые подумал, что она, кажется, гораздо умнее, чем можно было ожидать с первого взгляда, стереотипного относительно красивой и привлекательной женщины.

Размышляя об этом, я шел рядом с Викой. В воздухе висел многослойный звон кузнечиков; плыл плотный аромат разнотравья. На середине луга виднелось несколько кривых, растущих кучкой черемух, а кругом, сколько хватало глаз, раскинулось травяное море. Зеленое, кое-где слегка желтеющее, пестрое от разных цветов. С одного края трава была выкошена и под солнцем нежно золотилось успевшее подсохнуть сено.

– Ну и где твоя полынь? – спросил я, осмотревшись.

– А, там вон, – Вика неопределенно махнула рукой.

– Ладно. Собирай, а я пока вон на сене полежу... Что-то я устал сегодня и не выспался.

– Иди, полежи... – она усмехнулась непонятно чему. – Можешь поспать пока.

Я пошел к манящей кучке сена.

– Жень! – крикнула вслед Вика. – Ты не против, если я позагораю тут...

– Загорай, пожалуйста! – не оборачиваясь, ответил я, успев удивиться, почему она спрашивает разрешения.

Сено оказалось мягким и душистым. Я ухватил огромную охапку, бросил ее в тень и лег на спину. Над головой синело небо, на фоне которого листья черемухи и мелкие ее ягоды казались совершенно черными. Шумел луг, гоня душные, жаркие волны цветочного аромата. В ненастоящей, бесконечной высоте надо мной проплывали белые обрывки облаков. Я закрыл глаза.

Я, уснул и, кажется, даже спал какое-то время. Потому что проснулся от горячих лучей солнца, упавших на меня из-за передвинувшейся тени. Я вскочил, не сразу соображая, как тут оказался. Потом вспомнил: да, мы с Викторией пришли на луг за полынью... Вика... где она?

– Вика! – позвал я, не видя ее. – Ты куда пропала?

– Здесь я! – раздался голос из-за деревьев. – Проснулся уже?

Я обернулся и едва не упал. Вика приближалась, осторожно переступая босыми ногами по колючей стерне. При этом на ней не было абсолютно ничего: ни футболки, ни красных трусиков. Теперь я понял, что она имела в виду, спрашивая у меня разрешения «*позагорать*»...

Вика шла медленно, совершенно не стесняясь своего голого состояния. Я потерял дар речи. Она и одетой выглядела так, что страшновато было смотреть дольше необходимого. А сейчас... Рыжие волосы, подхваченные солнцем, горели, как пламя. Все ее тело покрывал достаточно плотный загар, и на его фоне ослепительно и бесстыдно сияла не тронутая солнцем грудь.

А ниже... ниже сверкал узкий – побритый с краев, что ли? – островок огненно рыжих волос, где чуть выпуклый живот, заканчивая свою разрешенную для обзора часть, сбегал к тому месту, откуда начинались ноги и таилось самое тайное, желанное и невыносимое в женщине. Смотреть туда я просто боялся.

В свои двадцать четыре года я имел очень скудный сексуальный опыт: Инна оказалась у меня едва ли не первой и уж точно последней. Несмотря на то, что я считался общительным и веселым человеком, вместе с гитарой обычно составлял душу любой компании, с женщинами я бывал достаточно робок. И – стыдно признаться! – еще ни разу в жизни не оказывался в подобной ситуации. Даже не представлял раньше, что обычная девушка может взять и раздеться догола на природе среди бела дня перед посторонним, в сущности, мужчиной. Без всяких причин и побудительных мотивов, а просто так, потому что ей самой этого вдруг захотелось. Я не знал, как себя вести, и стоял молча, глупо, как деревянный истукан.

Вика приближалась ко мне, странно улыбаясь и глядя в глаза. Вот до нее осталось несколько шагов, вот уже меньше метра, вот еще меньше... Напрягшись всем телом, я не двинулся, ожидая непонятно чего. Вика подошла вплотную. Я скорее догадался, чем почувствовал, как тугая грудь ее требовательно коснулась моей кожи. Вика не остановилась; она сделала еще полшага, и теперь я уже точно ощущал, как мягкая и почему-то прохладная, несмотря на жаркий день, масса расплющилась и прямо-таки растеклась по моему телу. Я стоял, опустив

руки по швам. Это было ужасно глупо, но я не собирался отвечать на внезапную провокацию со стороны Вики.

А она была, конечно, невероятно хороша. Заглушая ароматы луга, ко мне потек одуряющий запах ее свежего, разгоряченного, молодого женского тела. Вика положила руки мне на плечи. Ее ладони оказались сухими и горячими.

Я напрягся, что было сил – но мужская сущность моя, не слушаясь разума, мгновенно отозвалась на ее прикосновение; желание, нежеланное мною, захлестнуло меня, и даже на миг закружилась голова. Я попытался отодвинуться, но Вика не отпускала, прижавшись ко мне сверху донизу, так что скрыть устремления моего непослушного тела оказалось совершенно невозможным.

Я молчал. И Вика тоже молчала. И внимательно смотрела на меня. В ее глазах – светло-зеленых, почти прозрачных – не было ни насмешки, ни разочарования. Только напряженный, выжидающий интерес.

Наконец, выдержав некоторое время, Вика слегка отдвинулась. Я крепился, но все-таки не удержался и на мгновение опустил взгляд, чтоб еще раз увидеть ее грудь.

– Я тебе совсем не нравлюсь? – тихо спросила Вика.

– Нет... Почему же... – хрипло ответил я, с трудом владея голосом. —Очень нравишься... Разве ты не...

– Да уж, – она усмехнулась спокойно, на мгновение жарко прижавшись ко мне голым животом так, что у меня перехватило дыхание. – Этого нельзя не почувствовать...

Я не прореагировал.

– Так почему же? – проговорила она, проведя ладонью по моей груди. – А?..

– Я женатый человек. И...

– А разве это имеет какое-то значение? – серьезно возразила она. – Здесь и сейчас?.. Или... Или ты все-таки меня совсем не хочешь?

– Хочу, – честно признался я. – Но... Но не могу так.

И, сделав решительный шаг назад, сел на кучу сена; в таком положении, по крайней мере не так заметно было терзающее меня желание. Вика стояла надо мной. Я видел все ее тело – живое, теплое, источающее запах безумства. Совершенно непривычное, незнакомое ощущение переполняло меня, готовое смести преграды рассудка и плеснуть наружу. Тем более, что, если вспомнить мизерное количество женщин, которых я познал, то никто – и Инна в том числе – не могли сравниться с Викторией во внешнем совершенстве... Но я знал, что желание придет и уйдет, удовлетворенное, оставив после себя лишь стыд перед женой, которой я никогда не изменял и не собирался этого делать. Перед Инной и... и почему-то даже перед Катей, которая сейчас бродила где-то по земляничным полянам с абсолютно безгрешным Славкой. Я перевел дыхание и отвернулся от Вики.

Постояв немного, она опустилась на сено рядом со мной.

Почти по-турецки. Так, что между ног ее все раздвинулось и в манящей тени среди густых рыжих волос можно было угадать приоткрывшуюся влажную тайну... Но это не казалось бесстыдным – в отличие от маленькой Люды в ее прозрачных трусах. Попробовав один раз и потерпев неудачу, Вика не пыталась меня больше соблазнить. Несмотря на вызывающую позу, – так в реалистических русских романах описывались проститутки – она не выглядела развратной. Просто сидела, как ей было удобно – голая и свободная от предрассудков, абсолютно меня не стеснясь. Точно даже отвергнутое, предложение заняться сексом уже сблизило нас настолько, что все условности отпали. И ноги она не сдвигала лишь потому, что ей, вероятно, доставлял удовольствие гуляющий там слабый и теплый ветерок.

– Да... – проговорила она через некоторое время, с интересом глядя на меня.

– Что – «да»? – спросил я, бессильно пожирая глазами ее великолепные соски.

– Я... я поражаюсь тебе.

– А что во мне особенного?

– Сам знаешь... – она встряхнула головой. – Любой другой мужик на твоём месте...

И на одну секунду – на какую-то малую секунду, когда меня отпустил внутренний контроль! – кто-то другой во мне подумал: а как хорошо бы... Как хорошо было бы, если б меня не держали самими собой поставленные блоки. И если бы я мог, подобно девяносто девяти процентам нормальных мужчин, сейчас уверенно повалить Вику на сено и овладеть ею... Да какое там «*овладеть*» – это она сама предлагала себя; не овладеть, а просто войти в нее, настойчиво и нежно, и быть с нею вдвоем, оказаться единым целым посреди этого луга под огромным и голубым, загибающимся с краев небом – вдвоем и воедино, укрытыми от всех узорчатой тенью черемуховых листьев.

Быть с женщиной так, как только следует быть, и как я не был – и, вероятно, не буду – уже никогда в жизни...

Эти мысли, совершенно неожиданные и посторонние, промелькнули обвалом, пытаюсь обрушить все прочное, стройное, уверенное здание моего взгляда на жизнь и на себя в ней.

– Значит, я не настоящий мужик, – стараясь говорить спокойно, ответил я, переведя глаза на ее аккуратный, круглый, слегка втянутый пупок – единственную точку, куда можно было глядеть относительно безопасно. – Если так.

– Нет... Просто ты не такой, как большинство. Я...

Она замолчала, стряхивая травинки со своих коленей.

– Знаешь, Женя – ты действительно необычный человек. С тебя можно святого писать.

– Святого?

– Ну да. Ты же в самом деле ведешь себя, как святой.

– А это хорошо или плохо? – зачем-то спросил я.

– Не знаю, – Вика пожалала круглыми плечами. – Смотря как на это посмотреть...

– В смысле?

Меня вдруг заинтересовал наш разговор; еще, кажется, ни разу женщина не разговаривала со мной обо мне. Тем более в таком состоянии, как сейчас. Я даже забыл, что она сидит передо мной совершенно голая, и Вика, похоже, тоже. Впрочем, наверное, ей это было не в новинку.

– Ну... Мне просто кажется, что тебе самому трудно жить.

– Это почему же?

– Потому что ты ограничиваешь себя в нормальных желаниях... Да-да, – Вика покачала головой, слово заранее отменяя возражения. – Что я – не женщина, не вижу, чего тебе на самом деле хочется... Как любому нормальному человеку. Но ты поставил себе запрет и ограничил себя.

– Я не ограничиваю себя, – возразил я. – И вовсе не страдаю. Просто я так устроен. Я не хочу изменять жене. Ни с кем. Даже с тобой, хотя ты мне очень нравишься.

– Ну я же и говорю – святой, – Вика рассмеялась. – На женщин внимания не обращаешь. Работаешь, как зверь... Вместо того, чтобы на природе отдыхать и предаваться приятным развлечениям, как некоторые.

– Ты разве видела, как я работаю?

– Сама не видела. Но слышала, что ребята про тебя говорят. Мне это тоже удивительно. Зачем тебе все это – нормы, подсчет мешков... Неужели тебе не наплевать, сколько мешков травы ты засушишь, и так далее?

– Не знаю... – я в самом деле ни разу над этим не задумывался. – Просто... Просто я здоровый молодой мужик. У меня крепкие мускулы, мне легко работать. Ты не поверишь... Но мне иногда доставляет удовольствие тяжелый грубый труд. Я словно чувствую себя сильным и способным на многое... Хотя со стороны это кажется ерундой.

– Да уж... Женя – я в это не поверю ни в жизнь. Ты просто пытаешься доказать что-то себе самому. Хотя доказывать ничего не нужно. Потому что и так видно, что ты человек. Не какой-нибудь Аркашка...

– Ну, уж, – польщенно усмехнулся я. – Скажешь тоже – «святой», «человек»... Я самый обыкновенный.

– Не-а... Ты не обыкновенный, поверь уж мне. Жена с тобою, наверное, очень счастлива.

– Не знаю, – ответил я. – У нее надо спросить.

Я подумал, что в последнее время Инна, кажется, более счастлива со своей диссертацией, но, конечно, ничего этого не сказал.

– Одного не понимаю, – вдруг проговорила Вика. – Чего ты в этой Катке нашел?

– Я? Нашел?! – переспросил я, пораженный крутой сменой темы и тому, что Вика, оказывается, заметила мое платоническое влечение к Кате.

– Ну да. Я же не слепая – все вижу. Как ты стараешься около нее оказаться, и как смотришь на нее, когда поешь, и вообще...

Я промолчал. Мне не хотелось говорить о своих чувствах к Кате. Потому что мне казалось: эта тема слишком трепетна, чтоб ее обсуждать.

– Зря ты, Женя, силы тратишь... Она не видит ничего и ты ей не нужен.

– Я и не говорю, что кому-то должен быть нужен, – возразил наконец я. – С чего ты взяла? Жене я своей нужен, и мне этого достаточно. А тут...

– И с тобой она бывает только потому, что дружок твой постоянно около тебя, – продолжала Вика. – А так видел бы ты ее.

– Какой дружок? – искренне удивился я.

– «Какой-какой»... – передразнила Вика. – Славка твой ненаглядный.

– А причем тут Славка?

– Притом, – она вздохнула. – Господи, какой же ты глупый, однако... Как и все святые, впрочем.

Я молчал.

– Они же каждую ночь до утра гуляют. Ты что – не замечал?

– Да ну... Откуда ты взяла...

– Взяла уж... Сегодня, например. С кем она пошла – с тобой сюда, или с ним за реку?

Мне было нечего возразить.

– Так-то вот... А ты к ней...

– Но мне-то что, – с деланным равнодушием протянул я, хотя слова Вики насчет Кати и Славки что-то больно перевернули во мне. – Я – ничего... Полынь-то твоя где? – я резко оборвал этот разговор.

– Да на черта она мне сдалась! Я не за ней сюда пришла.

– Не за ней... А зачем же? – глупо удивился я.

– С тобой хотела побыть... И поговорить, дурачок! – засмеялась Вика, медленно поднимаясь с сена.

– Ну ты даешь! – искренне восхитился я, впервые в жизни столкнувшись с такой женской хитростью.

– Даю, – засмеялась она. – Только не всем. И некоторые не берут...

Зайдя сзади, она прижалась по мне, опять обжигая меня мягким и непозволительным прикосновением. Обняла, прижалась щекой, щекоча своими волосами. Я молча поймал ее запястья и осторожно сжал их, словно хотел передать ей нечто, не выразимое словами.

– Женя... – прошептала она, положив голову на мое плечо. – Ты такой хороший... Если бы я...

– Что «если бы»? – уточнил я, послушав ее молчание.

– Да нет, ничего... – пробормотала Вика. – Не слушай меня... И забудь все, чего я тебе тут наговорила.

Я молчал, зачем-то прижимая к себе обнимавшие меня руки.

– Возвращаться пора... – вздохнула Вика. – Пойдем мою футболку искать, я ее швырнула где-то, уже не помню... А то в таком виде в лагерь не вернешься.

– И трусы, кстати, тоже, – добавил я.

– Абсолютно верно, – согласилась Вика. – Без трусов меня туда просто не пустят.

— —

Славка и Катя вернулись из-за реки позже нас.

Никакой земляники они, естественно, там не нашли. Косоглазый Степан то ли наврал, то ли просто перепутал время, когда ее видел.

Однако никакого огорчения на их лицах я не обнаружил. Напротив, они казались довольными и умиротворенными. Славка шутил и смеялся даже больше обычного.

Глядя на них, я вспомнил слова, сказанные Викой. Мне это было не очень приятно. И дело заключалось не в ревности; я не мог ревновать Катю, тем более к своему лучшему другу... Однако в душе у меня остался какой-то неприятный осадок.

8

Вечерняя смена не шла ни в какое сравнение с дневной.

По идее она должна быть оказаться не такой изнурительной: все-таки зной спадал, солнце клонилось к закату. Но с самого начала смены я чувствовал усталость. Потому что хоть и не работал, но полдня мотался по жару. Сейчас больше всего мне хотелось отдохнуть в холодке. Голова гудела, налитая знойной тяжестью.

Завтра все утро буду отсыпаться, как Аркашка с Володей, – думал я, оттаскивая какой-то чрезмерно тяжелый мешок с горячей мукой. – Даже на завтрак не встану...

Неимоверно досаждали комары. Гораздо более злые, чем слепни, к тому же подлетавшие неслышно в грохоте привода. Маленькие и желтые, они отличались от тех, что вились каждый вечер вокруг костра. И кусали они больней, чем самый крупный овод. К тому же, едва начало смеркаться, Николай включил прожектор на столбе возле распределительного щита. На свет комары слетались тучей. После часа вахты на мешках все тело горело, превратившись в один сплошной укус. Я с невыразимым облегчением отошел от горловины, передав очередь Володе.

У бункера было легче. Тем более, что к вечеру привезли три тележки чрезмерно длинной, неизрубленной травы, которую приходилось дополнительно пропускать через измельчитель. Угрожающего вида красный агрегат, стоявший справа от бункера. Стоило бросить в него охапку травы, как он загребал, перемалывал в ревущей утробе и с воем выплевывал из кривого хобота длинную зеленую струю. Подносить траву к измельчителю было гораздо ближе, чем кидать в бункер; а Николай нацелил хобот так удачно, что готовая масса распределялась равномерно. Такая работа казалась почти приятным развлечением.

Но Аркадий непрерывно и мрачно чертыхался. Час Володиной вахты пролетел быстро. Мы едва успели загрузить бункер во второй раз, и Славка, взяв банку, пошел за водой на скважину – несмотря на вечерний час, нам, как всегда, хотелось пить. Я взглянул на часы: в нашей бригаде я наблюдал за ходом времени – и тронул Аркашку за плечо.

– А я ногу вилами ушиб, – спокойно заявил он, глядя на меня ясными даже в темноте глазами. – Не могу у мешков стоять, мне полежать немного надо. Подождем, пока Славик вернется, он Вовку и сменит.

– Славка не скоро вернется, знаешь же! А Володю менять надо. Ладно, черт с тобой – придется опять мне идти.

– Почему ты пришел? – возмутился Володя. – А где этот хрен бородатый?

– Говорит, ногу ушиб – стоять не может... Иди отдыхай, я поработаю.

Володя молча пожал плечами, уступая мне место.

Аркашка лег на кучу травы и не поднимался до конца смены. Мы пахали втроем. Меняли друг друга уже через полчаса, потому что стоять у раздатчика по часу не хватало сил. Казалось, сама техника в этот вечер была против нас. Отсыревшая трава застряла в поднятом бункере. Пренебрегая не для нас писанными правилами техники безопасности, Славка взял вилы и полез в стоящий торчком кузов, балансируя на тонкой перекладине над грохочущем подавателем.

Потом перегрелся барабан и его заклинило на роликах: трава оказалась тонкой, а Николай не уменьшил вовремя подачу солярки в камеру сгорания. Пришлось останавливать весь агрегат, чтоб он остыл и лишь потом запустить снова.

Затем опять застряла трава в бункере, и опять пришлось разгрести – теперь это делали уже мы с Володей.

И так продолжалось до полуночи. Первая смена веселилась за ужином: они дали сто девяносто мешков. Мы же, как ни старались, на шесть мешков не дотянули до нормы.

— —

Когда мы вернулись в лагерь, то, казалось, у меня не хватит сил даже перевалиться через борт грузовика. Но я все-таки взял полотенце и поплелся к реке. Быстренько разделся и замер у кромки воды, дрожа перед ее заведомо лихорадочным холодом. Но вода оказалась на удивление теплой. Ласковой, как парное молоко. Словно это была уже другая вода, другая река, другой пережат...

Я уцепился за большой круглый камень, лежавший на дне, и дал течению вытянуть себя вдоль берега. Теплые струи тихо обтекали тело, смывая вечернюю усталость.

Чуть ниже, за ивами, что росли под пережатом, слышались веселые голоса, визги и смех. Слова тонули в шуме воды – но я их все-таки узнал: это были наши девчонки.

– Эй, девчонки!! – крикнул я, подняв голову над водой. – Купаетесь?

Вопрос был самым дурацким, но голоса сразу затихли, будто кто-то выключил звук.

– Ой... Кто тут?! – через пару секунд отозвался испуганный голос Ольги.

Я угрожающе завыл.

– Женя, ты что ли? – неуверенно прокричала невидимая Катя.

– Я самый!

Девчонки закричали все разом что-то неразборчивое, а потом опять раздался голос Кати:

– Жень, слушай... Не плыви сюда, ладно?

– А что вы там делаете? Золото моете?

– Нет, серебро, – с хохотом ответила Тамара.

– Понимаешь! Мы тут! Это самое!... – крикнула Вика.

– Да что он – не мужик, не поймет, что ли?! – Тамара захохотала. – Голые мы тут купаемся, голые!!!

И опять зазвенел над рекой многоголосый смех.

– Так ты не плыви сюда, ладно? – озабоченно повторила Катя.

– Ладно! – крикнул я. – Я и не плыву вовсе. А на дне лежу! И не вижу вообще ничего!

– А мог бы и посмотреть, между прочим, – посетовала Тамара.

– Тем более, тебя вряд ли удивишь чем-то совсем новым, – с серебристым смехом добавила Вика. – Как мне ка-ажется...

От ее голоса и слов меня бросило в жар.

Девчонки снова завизжали, было слышно, как они колотят по воде руками.

Вот и разберись с женщинами, думал я, покачиваясь на быстрой струе. Казалось бы, разделись – так и плескались бы себе тихонько, не привлекая внимания. Но нет – надо обязательно кричать на всю округу, что они именно голые, привлечь внимание мужчины, а потом заявить, чтобы он не вздумал подсматривать. И если бы я, нарушив обещание, тихонько к ним подплыл, они подняли бы шум до луны, но неизвестно чего больше – испугались бы или обрадовались.

Честно говоря, в какой-то момент меня посетило желание сплавать-таки к ним и напугать своим внезапным появлением. Тем более, что как правильно отметила Вика, удивить меня было уже невозможно. Тамаре, судя по всему, тоже понравилась бы такая моя выходка. Вероятно, и Ольга пережила бы ее. Но... Но среди них плескалась Катя. Подсматривать Катину наготу казалось мне недопустимым – настолько глубокой и чистой выросла моя привязанность к ней. Я даже в купальнике ее стеснялся рассматривать – в отличие от всех прочих девиц... Это могло показаться смешным – и так оно и было – но все складывалось именно так.

Все-таки против воли я вслушивался в призрачно несущиеся над водой голоса. Мне показалось, я снова различил смех Вики. Я вспомнил нашу недавнюю прогулку, и мне стало жарко. Но в глубине души я не сомневался, что поступил правильно. Иначе бы потом весь остаток колхоза сожалел и на Вику не мог смотреть без раскаяния.

...Вода полностью меня оживила. Шагая от реки к лагерю я чувствовал себя так, будто успел где-то даже поспать

У костра, как обычно, уже собрался весь лагерь. И даже гитара моя лежала наготове. Играть больше никто не умел – только Саша-К чуть тренькал, но при этом так стеснялся своей неумелости, что хватало его на одну песню. Поэтому народ пока танцевал. Аркадий сразу ушел в палатку и не показывался на глаза.

Может, у него и правда нога болит, – подумалось мне, и зря мы на него бочку катили?

Володя посидел у костра минут пятнадцать, обхватив колени руками и тяжело положив на них голову, потом пошел спать, А еще минут через десять – видимо, переждав для верности – вылез Аркашка. Здоровый и бодрый, и тут же потащил Катю танцевать.

Вот сучок, – со злостью думал я. – Бригадира, значит, боится, а мы со Славкой не счет. Словно мы негры, обязанные за него вкалывать...

Я хотел поделиться этой мыслью со Славкой, но он куда-то исчез. Наверное, ушел пить молоко или тоже завалился спать.

Народ устал от быстрых танцев; Костя-Мореход поменял кассету. В темноте зазвучал голос Джо Дассена.

– Если бы тебя не было на свете...

– шептал умерший певец, и во мне что-то странно трепетало.

И откуда только нашлась тут такая старая запись? Я слушал, и душа моя наполнялась томительной, темной тоской. Грустью старой, уже тоже почти умершей памяти.

Когда я учился еще на первом курсе – а Инна, соответственно, на втором, – я приходил к ним в университет на вечера. Целыми вечерами напролет мы танцевали с нею под одного лишь, по много раз повторяемого Джо Дассена... В нашем институте уже тогда начали входить в моду дискотеки – исчадие нарождающегося компьютерного века – но в университете по старинке все еще чередовались обычные быстрые и медленные танцы. Танцевать я никогда по-настоящему не умел – о чем можно было сожалеть теперь, глядя на изящные па, которые запросто выделявали Лавров с Ольгой. Но переступать с ноги на ногу в такт вкрадчивой мелодии мог, а когда рядом, смутно белея во мраке золотистыми волосами, переступала моя буду-

щая жена Инна – то ничего лучшего мне и не желалось. Сейчас мне почему-то было больно и грустно вспоминать то время, хотя лет прошло вроде бы совсем немного.

А народ танцевал вокруг костра.

По-прежнему жадно не расставались Тамара с Геной и Ольга с Саней. Мореход приглашал то Вику, то Люду – видимо, так и не мог между ними выбрать: Вика, несомненно представлялась более аппетитной, но Люда, в силу своей молодости, оказывалась более доступной. Даже Саша-К, отбросив солидность, топтался среди других пар со свободной девицей. Я хотел было потанцевать с Катей, но ею неотступно овладел Аркадий. Он крепко и по-хозяйски притискивал ее к себе, Катя упиралась локтями в его грудь, отталкивая его. Или мне это показалось? Да нет, не показалось. Танец кончился, Катя выскользнула из его объятий и быстро пошла мимо костра в темноту. Но музыка, не делая передышки, заиграла опять. Аркашка догнал ее на ходу. Судя по всему, Кате не хотелось танцевать. Вообще или с Аркашкой – вероятно, все-таки именно с ним. Он опять облапал ее, как свою собственность, а она опять отталкивалась, но все-таки танцевала.

Этот хлыщ уже переходит все границы, – думал я, глядя на Аркашкину спину. – Врезать бы ему по морде, что ли? Просто так, для профилактики... Да нет, конечно – мое-то какое дело, в конце концов?

Я отвернулся, глядя в огонь, и вдруг встретился глазами с Викторией, которая сидела на бревне напротив меня. Во мне вдруг колыхнулось желание пригласить ее на танец, обнять и прижать к себе, и вдруг зачем-то ощутить ее рядом... Я встряхнул головой, отгоняя навязчивое.

Музыка смолкла. Катя решительно оттолкнула Аркашку и убежала в сторону кухни.

Через пару секунд началась следующая медленная песня. Постояв в нерешительности, Аркашка склонился к Вике. И вдруг мне стало нестерпима сама мысль, что сейчас этот гадемыш точно так же схватит ее, Вику, которая недавно предлагала себя мне, и от которой я – возможно, будучи все-таки наивным дураком – отказался, храня святую верность своей жене.

– Ну что, Каша, в рот тебе дышло, – непринужденно сказал я, поднявшись и заступив ему путь. – Ножка-то твоя, видать, прошла уже, а?

Аркадий не ожидал от меня такого выпада. Он даже остановился, переводя взгляд с меня на Вику и обратно.

– Так ножка-то твоя не бобо? – повторил я уже громче.

– Если ты беременна, то это дело временно, – невпопад ответил за него Саша-К, не знавший подоплеку разговора, но желающий вернуть веское слово. – А если не беременна – то это тоже временно.

Я грубо засмеялся, глядя в Аркашкины глаза.

Вика встала и выключила магнитофон.

– Э-эй, ты что?! – закричал Мореход, продолжая крепко сжимать бедра маленькой Люды. – Что там случилось?!

– Магнитофон перегрелся, – резко ответила Вика, протягивая мне гитару. – Пусть лучше Женя вам поет.

– Да я устал, – попытался отказаться я; меня не устраивало, что мною обрываются танцы. – Пусть лучше народ танцует!

– Хочет народ танцевать? – строго спросила Вика, глядя в темноту.

Все молчали, чувствуя, как назревает внезапный конфликт.

Только Люда попыталась что-то пискнуть, но я даже не разобрал слов.

– Я хочу! – крикнул Аркадий, отталкивая Вику от магнитофона.

– Завтра ты у меня на агрегате потанцуешь!!! – орал я, хватая его за руку. – Мать твою за обе ноги!!!

– Цирк уехал, клоуны остались, – вмешался Саша-К, уловив, что непонятное дело принимает серьезный оборот. – Аркадий, садись. Евгений, играй. Я заказываю первую песню.

Конфликт был потушен волей командира. Но игра сегодня мне как-то не давалась: то ли мучила злость на Аркашку, то ли я действительно устал. Хотя в сущности все оказывалось прозрачным: мне просто было некому петь. Катя так и не вернулась, как не появился и Славка. Вика, немного послушав, куда-то убежала: ее, насколько я успел понять, песни вообще абсолютно не трогали, и она попросила меня петь лишь для того, чтобы избавиться от Аркашкиного внимания. Три сидевшие у костра пары занимались только друг другом. Один Саша-К тихо смотрел на огонь – то ли слушал, то ли думал о чем-то своем, витая далеко отсюда.

И еще, даже во время пения в некоем тайном уголке моего сознания неприятно шевелилась подказанная Викой мысль, что, возможно, не случайно Славка и Катя оба отсутствуют у костра....

В общем, сегодня я оказался не в форме. Поэтому, спев всего одну песню, отставил гитару в сторону.

Геныч с Тamarой молча растаяли в темноте.

– Ладно, спокойной ночи, – сказал, поднимаясь, Саша-К. – Пошел и я до кладбища прогуляюсь....

– И мы, пожалуй, тоже, – пробормотал Лавров.

– Пойдем и мы погуляем, что ли, – предложил Мореход Люде, сжимая ее со всей мощью нарастивших сил.

Люда ничего не ответила – как мне показалось, он просто поднял ее с бревна и унес с собой.

И я остался один. Костер тихо потрескивал своими последними огоньками: никто давно не подбавлял в него топлива. Я сидел и не понимал, о чем сейчас думаю. Мне было хорошо в одиночество у ночного огня, и в то же время почему-то очень грустно.

Следовало идти спать, но я почему-то медлил. Прогорели дрова, тихо исчезло пламя. Поляна погрузилась во мрак. В обступившей темноте резко проявились звуки.

От кухни мимо костра тихо прошелестели две тени. Я не стал окликать, не стал даже вслушиваться, кто это идет, боясь узнать, Викину правоту насчет Кати и Славки. В принципе меня это не могло волновать; я не осуждал Катю и тем более Славку, но почему-то знал, как неприятно будет мне удостовериться в том, что моя платонически возлюбленная на деле всего лишь самая обычная женщина и, подобно всем, гуляет по ночам.

Там Геныч с Тamarой, – твердо сказал я себе.

Я поднял с бревна гитару. Она уже успела остыть, на лакированной поверхности деки собрались мелкие капельки ночной росы.

Этот вечер не мог назваться удачным.

— —

Следующее утро оказалось пасмурным; по небу ползли низкие рваные тучи, то и дело принимался накрапывать дождь. С утра, позавтракав, мы глухо спали по своим палаткам, набирая упущенную норму. Потом опять вяло сидели на кухне, нехотя слушали хрипнувший магнитофон, лениво переговаривались. Володя и Аркашка резались в подкидного дурака. Катя со Славкой, раздобыв где-то листок клетчатой бумаги, играли в морской бой. Вика молча читала толстую растрепанную книжку.

Мне не хотелось играть ни в дурака, ни в морской бой, ни даже на гитаре. Не хотелось вообще ничего, и ехать на работу – особенно. Меня вдруг одолела темная, ненастная апатия. Я думал об Инне – почему-то представил, что у нее сейчас светит солнце, и ей хорошо и приятно в летней биологической компании. И вдруг понял, что уже не помню, когда в последний раз

слышал ее голос. Или получал от нее: письмо раньше она писала мне время от времени, отправляя почту с оказией в ближайший районный центр. Наверняка и сейчас она тоже могла бы отправить мне письмо даже с Дальнего Востока, ведь экспедиция, без сомнения, снаряжала посыльных в какой-нибудь город. Но, видно, было не до меня: диссертация захватила ее всю.

От мыслей о жене мне стало грустно и пусто на душе. Я смотрел на весело смеющихся Катю и Славку, которые, судя по всему, действительно наслаждались обществом друг друга даже над листком морского боя, и мне делалось все грустнее. Я отвернулся, смотрел на мокрый луг, и мне не верилось, что еще вчера мы шли по нему, залитому солнцем до краев.

В лагере было уныло и тоскливо, как может быть лишь на природе в ненастье. Даже в палатку невозможно было зайти лишний раз: стоило лишь ненароком задеть головой набрякший потолок, не имевший крыши, как в этом месте сразу начинала протекать вода...

А ближе к вечеру ударил настоящий ливень. Не придется нам нынче работать, думал я: АВМ не имел навеса, и под дождем его не включали, поскольку мокрая мука быстро загнивала в мешках.

Но к приезду грузовика дождь прекратился. Когда мы оказались у агрегата, снова светило солнце и дядя Федя, матерясь, разжигал давно остывшую форсунку. У первой смены был такой довольный вид, будто они весь день спали на куче мешков под бункером: скорее всего, это соответствовало действительности. На площадке высилась гора непереработанной травы. Сильно мокрая, она уже начала «гореть»: зеленая масса дымилась и обжигала ноги даже через сапоги.

Мы принялись за работу напряженно и споро. Аркашка не отлынивал, но так ругался каждую минуту, что без него дело пошло бы, наверное, быстрее.

– Слышите, мужики, – сдвинув набок кепку, виновато сказал дядя Федя, когда мы трое – Славка, Володя и я – отдыхали на подножке автобуса. – Придется вам сегодня чуть подольше поработать, а то трава за ночь перегорит к такой-то матери. Вы как насчет этого, а?

Мы со Славкой промолчали, а Володя ответил за всех:

– Надо, так надо.

Прекрасное и беспощадное слово «*надо*». Надо, так надо, и все ясно. И мы пахали, вкалывали, ломали... Какие еще слова годились, чтоб охарактеризовать нашу работу? Как надо, раз было надо...

Сырая трава сделалась чертовски тяжелой, и Степан, уже собравшийся уезжать, посоветовал нам включить измельчитель. Как-никак, он стоял на полпути к бункеру. Масса и так была достаточно мелкой – жуткий аппарат ревел практически на холостом ходу, прогоняя через себя травяную кашу. Страшно, как загнанный зверь, иногда захлебываясь сырым вязким месивом – но все-таки без усталости кидал в бункер зеленую кашу.

После двухсотого мешка мы сбились со счета. И дали еще, наверное, штук пятьдесят. Шофер приехал, как обычно, в одиннадцать часов, но на площадке оставалась трава, и мы продолжили работать. Аркашка подошел к Володе и хотел сказать, что пора ехать в лагерь – Володя тихо послал его по однозначному адресу, и он умолк. Мы устали, как сволочи, но не ощущали ничего, словно открыли второе дыхание. Нами овладел злой азарт горячей работы, настоящей битвы. Битвы за траву. За травяную муку. За корм – а значит, за мясо и молоко. За жизнь...

И мы вламывали так, будто делали главное, единственное и последнее дело своей жизни.

Шофер терпеливо ждал. Около часу ночи остатки травы ушли из бункера и дядя Федя торжественно завернул кран, прекращая подачу солянки. Агрегат грохотал еще минут пятнадцать. Потом остановились визгливые цепи, замер огромный барабан; падая на басовую ноту, умолк вой дробилки. И на нас обрушилась тишина. Необъятная, хрустальная тишина, пробиваемая лишь тонким стрекотом сверчков. Погас прожектор. И только тут мы почувствовали, как адски, нечеловечески устали. Мы дотащились до грузовика, растолкали мертво спавшего шофера и с трудом перевалились через борт.

Машина ехала сквозь черноту ночи по неровному проселку, гоня перед собой желтое световое пятно. Мы уже не стояли и даже не сидели на корточках – а лежали, прислонясь к ребрам. На ухабах кузов подкидывало и мы бились обо все, что торчало. Но боли не чувствовалось. Не чувствовалось вообще ничего, только свинцовая тяжесть усталости.

Дорога, переезд, деревня, кладбище, паром... В лагере у костра шли танцы. Кто-то радостно закричал, увидев грузовик, кто-то даже выбежал навстречу. Мы ничего не видели кругом себя. С закрытыми глазами вывалились из кузова, приняли на кухне по паре кружек остывшего молока – больше ничего уже не хотелось – и повалились по палаткам. Костер, песни, танцы, ночные разговоры – все это было сегодня не для нас.

Я, правда, боролся с усталостью лишних пять минут: дополз до реки, чтоб немного освежиться. Но едва ступил в воду, как понял, что сейчас же немедленно усну и течение меня унесет... Я окунулся пару раз, смывая с себя пыль, добрал до палатки, упал поверх спальника: сил забираться в него уже не осталось – и мгновенно уснул тяжелым, пустым сном рабочего человека.

— —

Меня, как обычно, разбудили, крики журавлей. Я выбрался из палатки. Было так рано, что не еще поднялись даже поварихи. Но мне не хотелось возвращаться в душную сырость. Журавли кричали совсем близко, маня своей иллюзорной доступностью.

Я вспомнил, как в первый день мы собирались смотреть их со Славкой. Теперь, судя по всему, ему было уже не до журавлей и не до наших с ним тихих прогулок. Вика, как ни досадно, оказалась права, они с Катей существовали лишь вдвоем друг для друга. И мы с ними так и не успели сходить за журавлями.

И я решил пойти один. Тем более, теперь я уже знал путь на большой луг, а они кричали, судя по всему, именно там, где несколько дней назад передо мной сияла белоснежная Викина грудь. Так давно, словно в прежней жизни.

Я нашел тропку, по которой вела меня Вика. И скоро, разведя пышные султаны лабазника, оказался на твердой земле большого луга. Там, чуть дальше черемухи, под которой я спал, на стерне стояли журавли. Их было четыре. Большие серые птицы топтались, переходя с места на место, кланялись длинными шеями, взмахивали и хлопали крыльями. И непрерывно, попеременно кричали. Громко, протяжно и тревожно. Точно спорили между собой, выясняя важный вопрос.

Ни разу в жизни я еще не видел журавлей так близко. В небе, конечно, наблюдал. И на земле слышал, но подойти к ним не удавалось. Пригибаясь в нескошенной траве, я осторожно двинулся вперед.

Журавли танцевали по-прежнему, вроде бы не замечая меня и не проявляя признаков беспокойства. Но когда нас разделяло метров двести, птицы легко и неожиданно снялись с земли, описали широкий круг над лугом, медленно набирая высоту, и скрылись за лесом. Они не умолкли на лету; постепенно затихая, их крики неслись ко мне после того, как они исчезли из виду...

Я поднялся, отряхнул с себя траву. Над головой сияло небо. Голубое, пронзительно ясное и обещающее жаркий день. Лишь несколько случайных облачков, заблудившихся в утреннем просторе, медленно ползли над лугом, лесом, над рекой и горами, над всей землей.

И надо мной, только что видевшим журавлей.

9

Через три дня пришла пора заступать в утро. Все вернулось к тому, с чего начиналось. Опять гремели на кухне Тамара и Ольга со своими полевыми кавалерами. И, как всегда, ни свет, ни заря прикатил шофер. Кроме зеленой рубашки и золотых пуговиц он надел еще и армейскую стеганую шляпу с эмблемами.

Но при посадке случилось непредвиденное: Вика отказалась ехать в кабине. Для шофера, судя по всему, это было очередным ударом судьбы, нанесенным в спину. Мы уже стояли в кузове, а он все суетился вокруг Вики, тщетно ее уламывая. Она стояла неподвижно, глядя куда-то поверх его роскошной шляпы, безразлично взявшись за перекладину борта, и утреннее солнце огненными рыжинками плескалось в ее волосах. Шофер распахнул дверцу, что-то лопоча про цветы, приготовленные для нее – Вика тряхнула волосами и молча подняла вверх белые руки. Мы с Володей мигом втащили ее в кузов: несмотря на свои формы, она оказалась совсем легкой.

Обезумевший от досады шофер гнал, как безумный – машина неслась, не сбавляя скорости на ухабах, забытая дверца яростно хлопала на ветру. Мимо мелькали деревья, изгородь, кладбище, ферма, кривые дома деревни. Разлетелись из-под колес ошалелые гуси, едва успел отпрыгнуть на обочину голенастый теленок.

Из-за поворота прямо в лоб, вылетел громадный, как дом, зеленый «КрАЗ», груженный песком. Наш разбитый «ЗИЛок» резко вильнул вправо, накренившись и угрожающе чиркнув задними колесами по обочине. Мы повалились на дно кузова. Я очутился сверху и видел, как пышущий жаром самосвал проскользнул в нескольких сантиметрах от нашего борта. Лишь чудом мы избежали столкновения и чудом не перевернулись. Все произошло так быстро, что народ не успел по-настоящему испугаться. «КрАЗ» тяжело затормозил позади нас, из кабины вывалился маленький пожилой мужичок и, остановившись на середине дороги, яростно замазал кулаками. Наш водитель даже не притормозил.

– Ну, Виктория, завтра пойдешь на работу пешком, – заявил Володя, потирая ушибленное колено. – А то ты нас всех подвергаешь смертельной опасности.

– Я не Виктория, я просто Вика... – ответила она и неожиданно по-девчоночьи всхлипнула.

— —

На АВМ мы оказались даже раньше дяди Феди. Набрали пустых мешков, навалили их пухлой кучей под транспортер бункера – почему-то именно это место считалось здесь наиболее комфортным – и вповалку легли спать. Но едва я уснул и даже увидел какой-то сон, как меня выдернули в явь стук копыт и негромкие, ласковые матюги.

– Эй, мужики, тудыт-растудыт, вставайте... – дядя Федя тянул меня за ногу. – Запускать сейчас будем.

Поеживаясь от утреннего недосыпа, мы вылезли на свет. Дядя Федя пошел грохотать железками. Степан критическим взглядом окинул площадку. Около горловины стояло штук пятнадцать вчерашних мешков. Мы быстро покидали их в телегу и отправили под навес.

– Вот что, – быстро проговорил Степан, сощутив свой и без того косой глаз. – Вы тут пока работайте, а я поеду в кузницу, в... – он невнятно пробормотал название какой-то деревни. – Лошадь перековать надо.

Прыгнув в телегу, он огрел вожжами свою рыжую кобылу и был таков.

А мы приступили к работе. Лежавшую со вчерашнего вечера кучу подсыхающей травы разделали быстро. Площадка опустела; такое случилось впервые. Славка аккуратно сгреб

последние остатки травы, я включил гидропривод, поднял бункер и застопорил его в верхнем положении. Теперь следовало спокойно и со вкусом передохнуть, пока не придет время менять Володю у раздатчика.

Сидя на подножке автобуса, за грохотом агрегата мы не услышали, как подъехал огромный трактор «Кировец» с двумя тележками. Из-за бункера мы заметили его слишком поздно. Тележки стояли далеко – я вскочил и побежал, чтоб заставить тракториста развернуться и подъехать ближе. Но он меня опередил: свалил траву, где было ему удобно, пыхнул синим дымом и уехал, на прощанье высунувшись из кабины и белозубо ухмыльнувшись.

– Вот сукин кот, – сплюнул я и погрозил ему кулаком.

– Урод, – выругался Славка. – Точно не свою гребаную траву для своего же троегребаного колхоза привез, а нам тут надо развлекаться...

Но сделанное не подлежало исправлению; пришлось браться за вилы и спешно перекидывать необъятную кучу в сторону. Иначе следующий водитель мог сгрузить траву вообще метров за десять, и нам пришлось бы ее таскать до вечера.

– Травка-то опять тонкая, – вздохнул я, перекидывая почти невесомые охапки.

– Ну и что? – пожал плечами Аркадий. – Тонкая, толстая – не все ли одно?

– Перегреется в барабане, заклинит ролики, а то загорится – опять придется останавливать, целый час уйдет.

– А тебе не один хрен? – Аркашка сплюнул. – Пусть хоть весь этот поганый колхоз сгорит, меня как-то мало колышет.

Наконец мы все перекидали, опустили бункер и снова набросали его доверху. Славка давно стоял у горловины. Аркашка завернулся в мешки и лег спать под транспортер. Дядя Федя тоже дремал на раскинутом брезенте за автобусом. Мы с Володей сели на скамейку и обмахивались от слепней ветками полыни. Славка хорошо управлялся с мешками. После него была очередь Аркадия, и лишь потом предстояло идти мне – идилия, да и только...

– Смотри-ка, – вдруг поднял голову Володя. – Что за чертовня?!

Я взглянул и ахнул: из тонких выхлопных труб, служащих для отвода жара, в небо упругими клубами валил густой дым. А из горловин, окутав с ног до головы невидимого уже Славку, летела сплошная чернота.

– Ах ты, черт-то возьми, – я вскочил и побежал будить дядю Федю.

Он поднялся, спросонок не сразу сообразив, в чем дело. Увидев черный дым в небе, разразился яростной, не слышанной мною матерщиной и, спотыкаясь, кинулся перекрывать подачу топлива. Огонь за толстым стеклом погас, но дым валил, как мне показалось, еще сильнее.

– Видать, в циклоне загорелось, едри ее под колено, – покачал головой дядя Федя и, обжевав агрегат, полез по качающейся железной лестнице на верхушку агрегата.

Сдавленно бранясь, он долго возился с неподдающейся защелкой, а когда наконец откинул крышку люка, то изнутри с такой силой полыхнуло веселое оранжевое пламя, что он кубарем скатился наземь.

– Степа-аан!!! – страшно заорал он. – Степан, мать твою так, растак и распроезак – давай шланг!!!!

– Нет Степана! – крикнул я. – Уехал он!

– Там... за автобусом... под бочкой... Слева шланг, – прохрипел дядя Федя.

Володя сидел ближе всех. Услышав дяди Федины вопли, он соскочил со скамейки и вытянул из травы серый резиновый шланг, сложенный на конце и зажатый расщепленным сучком. Дядя Федя схватил его и направил на огонь, но вода потекла тоненькой струйкой, не доставая до циклона.

– Ах, ё-мое, воды в бочке нет, – выругался он. – Беги врубай насос!!!!

Я бросился к бочке, едва не столкнувшись лбом с Володей, нашел насос и ткнул черную кнопку выключателя. Ничего не произошло, только огонь ревел, набирая силу – как на большом, настоящем пожаре.

– Там щиток, – кричал дядя Федя, размахивая тоненько писающим шлангом. – На заборе, мать его в качель... Только ручку крути сильнее!!!

Мне понадобилось некоторое время, чтоб повернуть именно посильнее разбитую карболитовую ручку, торчавшую из распределительной коробки, примотанной проволокой к забору. Наконец мотор ожил и затрясся на разбитой станине, высасывая воду из скважины. Что-то протяжно всхлипнуло, забулькало и я услышал, как в пустую бочку упруго хлестнули первые струи. Дядя Федя орал по-прежнему. Насос гнал воду, но шланг валялся, как раздавленная макаронина. Раздвинув траву, я увидел, что от насоса идет сеть хитро переплетенных трубопроводов, с углами и пересечениями, и двумя мертвого вида вентилями. Моих инженерных знаний все-таки хватило, чтоб понять, как подать воду из насоса прямо в шланг. Тотчас из-за циклона, опадая на солнце радужными брызгами, взметнулся фонтан.

Дядя Федя, как заправский пожарный, хлестал водой. Огонь быстро захлебнулся, а из люка повалил густой белый пар. Остро запахло баней.

– Да... – сказал Володя. – Погорели бы они тут без нас к нехорошей матери.

– Ух... – дядя Федя снова заломил конец шланга, поправил сбившуюся на лоб мокрую кепку и опустил на ступеньку лестницы. – Потушили, етйтская сила...

Дым в небе растаял. Но из горловин все еще валила черная, как ночь, сажа. К нам подошел Славка, с головы до ног покрытый гарью и похожий на негра.

Мы заставили его раздеться догола и тщательно отмыли из шланга. Потом накачали полную бочку воды, свернули пожарное хозяйство и наконец выключили насос.

– А Степан-то где? – вдруг хватился дядя Федя. – Мать его за обе ноги...

– Он лошадь ковать уехал, – ответил Славка. – В кузницу.

– В задницу, а не в кузницу! – дядя Федя стукнул кулаком по колену. – Знаю я эту кузницу... У евойной сватьи именины сегодня. К Филимонихе он поехал в соседнюю деревню за кислушкой, вот куда. Эх, едрит... и как же я его упустил? Теперь сегодня не дождешься его, а может, и завтра тоже. Похмеляться будет, как порядочный человек.

– А что, увлекается? – спросил Володя.

– Знамо дело... – вздохнул дядя Федя.

– Ну вот, – едко усмехнулся Аркадий. – Он будет пьянствовать, а мы – работать. Как и положено в этой стране.

За обедом мы рассказывали девчонкам о пожаре, не жалея драматических подробностей и усердно сгущая краски. Вика с Людой смеялись, а Катя всерьез испугалась, представив душераздирающее зрелище сажи, хлынувшей на Славку из горловины.

А потом вдруг грянул дождь. Он подкрался незаметно и застал нас врасплох. Начался как мимолетный летний ливень, затем ослаб и пошел вяло, грозя затянуться до вечера. Дядя Федя остановил агрегат, и мы забились в автобус. Дождь стегал по мутному окну. Мешки, выработанные за утро – девяносто с лишним штук – мокли под дождем, быстро темнея бумажными боками.

– Эх, мать-перемать... – сокрушенно покачал головой дядя Федя. – Размочит ведь вдрызг, все на хрен пропадет. И Степка, брандахлыст, уехал – на горбу такую массу разве в навес переволокешь...

– Давайте брезентом укроем, – предложил Славка.

– Не хватит брезента ни хера. Да и он быстро промокнет. Сколько раз председателю говорено – надо крышу строить над раздатчиком. Тогда бы и в дождь работать могли, и ржавел бы меньше. А ему все по хрену...

– Пидарседатель ваш, судя по всему, еще тот кадр, – кивнул Володя.

Потом выругался сквозь зубы и, надвинув на голову воротник серой застиранной куртки, куда-то ушел. Я проводил его взглядом. Он обогнул агрегат и зашагал по разбитой дороге к машинному парку. А дождь лил, не переставая. Один из мешков осел и завалился набок. Мы со Славкой и дядей Федей все-таки выскочили наружу, растянули брезент – его хватило меньше, чем на половину мешков. Славка сокрушенно качал головой. Нам было жалко. Продукт собственного труда на глазах обращался в прах.

И вдруг прямо из дождя, как мне показалось, вырос грузовик. Из кабины выскочил насквозь мокрый Володя.

– Откуда?! – удивленно спросил дядя Федя, указывая на машину.

– От верблюда... Давай, быстро загружать надо, он до навеса подкинет.

Шофер подал грузовик задним бортом прямо к раздатчику. Володя стоял в кузове, а мы со Славкой быстро подносили мешки. Сначала они казались совсем легкими, я хватал их по два и легко швырял вверх, не дожидаясь Володиных рук. Потом, когда количество приблизилось к третьему десятку, они стали тяжелеть. Я уже не мог брать два мешка и поочередно кидать их одной рукой. Скоро не смог и двумя – подтаскивал мешок к машине, приваливал к кузову и толкал снизу, помогая Володе поднимать. Но без остановки таскал мокрые, теплые еще мешки. Аркашка работал тоже, но очень медленно и неторопливо. Поэтому основная масса пришлась на нас со Славкой. Мешков по сорок, а то и больше. Через пару минут эти их же пришлось сгружать под навес и расставлять рядами. Но эта работа казалась совсем легкой.

– Ну, молодцы, мужики, – сказал дядя Федя, оглядывая спасенный продукт. – Спасибо вам, выручили... Даром, что городские.

Дождь не прекращался, агрегат стоял беззвучный и бездвижный. И мы вернулись в автобус.

И как ни странно, хотя руки мои болели до плеч, а ноги подкашивались от яростной работы, на душе было легко. Не знаю даже, почему. Наверное, я просто испытывал то, о чем смутно пытался сказать Вике на лугу. Я чувствовал себя мужчиной. Здоровым, сильным, способным на многие дела. Ведь это именно я, инженер Евгений Воронцов, только что перекидал сорок мешков по полтора пуда – целую тонну груза! – своими привычными к рейсфедеру руками...

Мы в изнеможении лежали на сиденьях. Дядя Федя куда-то исчез.

– Смотрю я на тебя, Женя, – вдруг сказал Аркашка. – И диву даюсь. Носился ты, как одесский амбал на Привозе. Причем со скипидарным фитилем в заднице.

– Не всем же прохлаждаться, – спокойно ответил я. – Кому-то вкалывать надо. Для равновесия в мире.

– Вкалывать, скажешь тоже! Нам тут вовсе не обязательно пупок рвать!

Я промолчал. Перед Викторией я еще мог как-то оправдываться в своем поведении. Но уж никак не перед этой вошью.

– Так дождь же, – заговорил Славка. – Все промокло бы и сгнило. И наша выработка псу под хвост.

– Ну так и пес с ней. В конце концов, я научный работник, а не колхозный механизатор. И мое дело не на АВМ пахать!

– Не на АВМ пахать? – переспросил молчавший до сих пор Володя. – А скажи на милость, чем ты на работе занимаешься?

– Чем? Я в научно-исследовательском секторе работаю.

– Все мы в секторах, – отрубил бригадир. – А лично ты, твоя работа? Ты какую пользу людям приносишь?

– Наука. Я наукой занимаюсь. Кандидатскую, между прочим, делаю.

– А ты уверен, что твоя кандидатская, докторская и любительская нужны кому-то кроме тебя? – молчаливого бригадира прорвало, и он словно решил высказаться за всю неделю. – Ты никогда не думал, что за весь год своей научной...

Слово «научной» Володя выделил с нескрываемой насмешкой

– ...Научной работы пользу людям ты приносишь лишь в течение месяца. Именно здесь и на этом вот АВМ?

Лично я не считал, что научные работники бесполезны. Тем более, при словах о диссертации сразу подумал об Инне: ее научная работа уж точно была на благо людям. Я и о себе не сомневался, что мои инженерные знания все-таки помогают общему прогрессу. Но спорить с Володей не стал, поскольку его оппонент вызывал у меня личную неприязнь.

– Научные работники нужны, – возразил Славка. – Но, тем не менее, пока экономическая система не позволяет обходиться без нашего труда, мы обязаны ездить в колхоз. Это не нами заведено. Так требует жизнь.

– Жизнь будет требовать, пока требование выполняется, – неожиданно твердым, жестким и совершенно не похожим на себя тоном ответил Аркашка. – По сути дела своей так называемой помощью мы поддерживаем существующую порочную систему. Мы вкалываем руками, а колхозники берут трактор и едут в город за водкой. Тот же ваш Степан – слинял с утра, и дел ему мало. Потому что знает: всегда найдется сознательный гражданин вроде нашего Жени, который его работу выполнит и перевыполнит. Если бы мы хоть раз забастовали и отказались сюда ехать – живо бы они у себя в деревне порядок навели. И каждый бы работал на своем месте.

Мы молчали, не зная, что ответить на в значительной мере справедливую Аркашкину речь. Мне вдруг подумалось с внезапным удивлением, что, оказывается, даже такое ничтожество может иногда говорить дельные вещи. Он хотел что-то добавить, но махнул рукой и отвернулся к окну. Точно понял, что отношение к нему уже сложилось и говорить с нами о важных проблемах бесполезно.

Там уже кончился дождь. И между туч весело проглянуло солнце.

– Эй! – весело закричал откуда-то появившийся и, кажется, уже слегка поддатый дядя Федя. – Агрегат пускаю. Пошли дальше работать!

Мы встали с сидений.

– У меня нога болит, – заявил Аркашка. – Та, которую я вилами ударил. Не могу больше сегодня стоять. Ступать больно.

Володя взглянул на него с матерным выражением лица, но промолчал.

Остаток смены мы работали втроем.

10

После ужина Славка и Володя потащили девчонок на луг играть в волейбол. Мне не хотелось бегать по мокрой от дневного дождя траве – да и вообще, честно говоря, вовсе не хотелось двигаться, – и я присел с гитарой у пустого кострища.

Приятно, конечно, играть и петь, когда тебя слушают. А особенно если слушают внимательно, заказывают, подпевают и просят повторять. Но когда не слышит вообще никто – тоже неплохо.

И вообще, честно говоря, игра для самого себя всегда служила мне одним из самых больших удовольствий. Ведь это было здорово – остаться наедине с инструментом, когда пальцы начинали работать сами по себе. Когда, думая о чем-то постороннем, я принимался выводить какую-нибудь известную мелодию, а она, разрастаясь, постепенно превращалась в нечто новое, не слыханное мною и неповторимое в других условиях. Мне казалось, что гитара жила своей жизнью в моих руках, а сами руки становились ее частью... Я наслаждался летевшими из-под

пальцев звуками и ощущением подвластности инструмента. И одновременно удивлялся, как это удавалось; ведь я никогда не учился игре специально, просто слух улавливал ноты, а руки создавали мелодию.

Я сидел на бревне, трогая струны. Наслаждаясь этим вечером, темнеющими окрестностями и самой своей молодостью, вечной и обещающей...

На память приходили обрывки полужнакомых песен. Отрывочные строки, плывущие на кусочках мелодий – нечто очень личное и совершенно тайное, чего я не открывал никому. Даже Инне – впрочем, в последние годы она стала почти равнодушной к моей игре и песням, которые так любила раньше.

Для такой невнятной игры требовалось полное одиночество, и его так сладко было испытывать здесь. На кухне, по моему разумению, никого не было, да и в палатках тоже. И я очень удивился, услышав из столовой какие-то бормотания, потом грохот деревяшек и звон падающей посуды. Наверное, две крысы не поделили горбушку хлеба – но откуда тогда взялись голоса?

Так или иначе, момент интимного уединения был утерян.

Я с сожалением отложил гитару и отправился на кухню.

Из-под навеса вышел Аркашка. Одна половина морды у него была красной, словно он долго спал в одном положении.

Так, – подумал я. – Кажется, кое-что проясняется.

Столовая хранила следы потасовки. Несколько кружек валялось на полу, из опрокинутой банки с цветами разлилась лужа, и капли воды глухо стучали в пыли, стекая сквозь щели между досками стола. А в углу на скамье сидела Катя.

Волосы ее были растрепаны, футболка перетянута на один бок, очки лежали на столе. Она сидела, прижавшись щекой к столбу и сцепив перед собой руки, и неотрывно смотрела вдаль. Я все понял.

Молча подобрал кружки, поставил банку, долил в цветы свежей воды из фляги. Потом прошел за стол и сел напротив Кати. Она молчала, глядя в сторону.

– Скучаешь? – мягко спросил я.

Катя не ответила. Только одернула футболку и посмотрела на меня. Только сейчас, когда она сняла очки, я заметил, что глаза у нее голубые-голубые, словно незабудки. И в незабудках этих, как роса, стояли слезы.

– Послушай, Катюш, знаешь что? – предложил я, коснувшись ее руки.

– Что?.. – встрепенулась она, выдергивая ладонь, словно перед ней по-прежнему сидел Аркашка.

– Пойдем с нами вечером на ферму за молоком, а? Со Славкой и со мной?

– На ферму?..

– Да, на ферму. За молоком. Полчаса туда и полчаса обратно. Дорога успокаивает. Пойдем?

– Со Славой?

– Ну да. Мы с ним вдвоем каждый день туда ходим.

– Пойдем... Только зачем я вам нужна? Вы же без моей помощи молоко дотащите.

– Ни зачем. Просто так. Для единения с природой. Будешь идти рядом и веселить нас.

– Ладно, – улыбнулась наконец Катя. – Согласна, буду веселить. Когда вы идете?

– Часов в десять.

– Хорошо. Я сейчас, наверное, вздремну. Разбудите, когда соберетесь, ладно?

— —

Вечерняя дорога купалась в пыли.

Небо было высоким и чистым-пречистым, без единого облачка. Солнце опускалось за нашими спинами, и длинные тени, извиваясь по ухабам, быстро бежали впереди нас. Еще около кладбища мы услышали гудение доильного дизеля.

– Катюша, подожди нас у изгороди, – сказал я, когда мы подошли к ферме. – Там ужасно грязно.

– Нет, я с вами, мальчики! Не хочу одна оставаться. Вдруг бык какой-нибудь выскочит!

Мы привычно получили две полные фляги, не спеша вышли на дорогу и остановились у обочины.

– А теперь что будем делать? – спросила Катя.

– Теперь будем торжественно распивать вечернее молоко, – ответил Славка. – Право первого глотка отдаем тебе.

Мы держали тяжелую флягу, а Катя пила через край, наклонив ее к себе.

– Ух... – Катя перевела дыхание. – Давненько не пила я столько парного молока...

Красный диск солнца медленно исчезал в расселине между горами и островом. От него исходило розовое свечение, призрачный цветной туман, обволакивавший все вокруг: остров, горы, речку и дорогу, и нас троих, стоящих на ее обочине.

– Как здорово, мальчики... – вздохнула Катя. – Каждый день буду с вами ходить, если не прогоните...

Славка посмотрел на нее с такой нескрываемой радостью, что мне опять на миг стало очень грустно, хотя и без всяких на то причин.

— —

У вечернего костра все было по-прежнему. Я играл, пел, народ слушал и подпевал. Я специально сидел в самом дыму, чтобы не мешали комары. Славка устроился рядом, Катя заботливо обмахивала его... – увы, его а не меня, хотя я нуждался в этом гораздо больше, имея обе руки занятыми... – зеленой веткой.

Когда я отложил гитару, начались танцы. Катю Аркашка уже не приглашал. Он вообще не танцевал – видать, помнил-таки про свою большую ногу.

Катя танцевала со Славкой. Я старался не смотреть на них, чтоб не увидеть тайные признаки особой близости, о которой намекала Вика: ее брошенные вскользь и не принятые сначала всерьез слова заползли-таки в мою душу. И время от времени жалили меня изнутри. Тем более, что теперь я и сам уже видел какие-то отдельные, мимолетные подтверждения, словно с глаз моих упала пелена...

Я смотрел на Геныча, облапившего свою Тамару, на изящно скользящих Лаврова с Ольгой. И вспоминал сегодняшнюю сцену в столовой. Почему Аркашка – это пресыщенный бабник, который месяц не может продержаться без женщины – почему он полез именно к Кате? Предпочел ее и гораздо более соблазнительной Вике, и даже Тамаре. Которой, судя по всему, все равно с кем и как, и от которой ему бы обломилось наверняка? Когда-то я слышал разговор двух парней в курилке, что будто бы любая замужняя женщина старается отказаться от поездки в колхоз. А уж если поехала, то для одной цели. Потому что она уже не девица непорченная и не невеста на выданье; ей не грех в колхозе развлечься, тем более, что следа не останется, а от нескольких раз на куски не развалится, лишь получит удовольствие... Наверное, и Аркашка думал так. Гадкая и подлая психология.

Хотя, с другой стороны, как я мог судить о психологии вообще? О женской тем более – при моем скромном опыте по женской части? Наверняка такие рассуждения в моих мыслях, прочитай их кто-нибудь, выглядели бы смешно. Но я был так устроен – и это поняла, кажется, даже Вика, когда безуспешно пыталась меня соблазнить.

Я подумал об Инне. Меня вдруг посетила мысль, что я не знаю ее коллег. Как я раньше об этом не задумывался – ведь она же там совсем одна, в этой своей экспедиции. И, может, вокруг нее тоже увивается какой-нибудь хлюст вроде Аркашки...

Нет, конечно. Моя жена – не Катя. Она достаточно жесткая и самостоятельная женщина, чтоб отшить любого. Даже не пощечиной, а просто словом. И все-таки, все-таки... Хорошо бы был в экспедиции кто-нибудь нормальный, кто бы смог защитить Инну в самом крайнем случае.

Я посмотрел на Аркадия, уныло разгребавшего угли с края костра, и кулаки мои сжались. Вообще-то я никогда в жизни не дрался. Но этого двинул бы по морде с удовольствием. Прямо сейчас.

Давай, – подумал я. – Попробуй, еще раз Катю тронь. Так я тебе бороду-то твою на сторону сверну. Я тебя, как бог черепаху...

— —

Следующим утром Аркадий вообще отказался выходить на смену. Перед завтраком подошел к Саше-К, демонстративно хромая, и заявил:

– У меня нога болит. Сильно. Большой палец. Я его ушиб и теперь, судя по всему, началось нагноение. Не могу работать, – и добавил требовательно: – Ты отпустишь меня в город в больницу?

– Отпустишь, не отпустишь... – Саша-К пожал плечами. – Я не сторож твоей ноге.

– Нет, так я могу уехать?

– Езжай хоть на Северный полюс, если бензина хватит.

– Это так. Но ты мне справку подпишешь, что я тут отработал?

Саша-К ничего не ответил. Молча пожал плечами и пошел бриться; он так и не стал отпускать колхозную бороду.

– Так значит, ты отказываешься подписывать мне справку? – нажимал Аркашка. – Тогда я из города больничный привезу. Но сюда могут прислать комиссию по проверке техники безопасности.

– Да не отказываюсь я, чтоб тебе было хорошо! – рявкнул Саша-К. – Ни подписывать, ни подкакивать. Катись куда хочешь. Только здесь воздух не обедней кислородом!

Аркашка довольно ухмыльнулся, скрылся в палатку и тут же вынырнул с уже готовым рюкзаком. Видать, сложил его еще с вечера. Поспешно, будто кто-то собирался его удерживать, надел на плечи, перекрутив и даже не расправив лямки, и быстро зашагал к дороге.

– Эй, Аркадий!! – крикнула вдогонку Тамара. – Ты хоть позавтракай вместе со всеми!

– В городе позавтракаю! – ответил он, обернувшись. – А то не успею на утреннюю электричку.

– Куда ты ломишь, успеешь еще сто раз, – возразила Ольга. – Посиди, уедешь со всеми на грузовике, с твоей-то ногой идти!

Я даже зубами скрипнул от такой заботы об Аркашкиной ноге.

Он махнул рукой, ответив что-то невнятное, и быстро пошел прочь, не забывая при этом хромать.

– Да и хрен с ним, – скривился Володя. – Пусть пешком прется, если хочет.

– Бешеной собаке семь верст не крюк, – попытожил Саша-К.

– Ну и характер... – Катя вздохнула. – Нога болит, а он все равно идет.

– Ничего у него не болит, кроме языка... и морды, – покачал головой я. – Неужели ты поверила?

– Сачок он паршивый, – добавил Славка. – Ему просто работать надоело.

– Нет, мальчишки, зря вы так на него, – запротестовала Катя, совершенно неожиданно для меня, – он не такой плохой, просто самолюбивый и немножко пижон. И нога у него, наверное, в самом деле болит. Вон, смотрите, как хромает.

– В пределах прямой видимости лагеря, – съязвил я. – Как из глаз скроется, все рукой снимет.

– Если знаете, что прикидывается, зачем тогда в город этого козла отпускаете? – с усмешкой спросила Вика.

– А на хрена этот полудурок нам тут нужен? – сказал Володя.

– Мы без него втроем сработаем лучше, чем с ним вчетвером, – пояснил Славка. – От него польза со знаком минус.

– Ну, как знать... – вздохнула Катя. – И все-таки мне кажется, вы напрасно все на одного ополчились.

Я молча пожал плечами и принялся за подгорелую рисовую кашу. Аркашка растаял в зеленой дали. И черта с два поймешь эту женскую логику... Позавчера он лапал ее в столовой, получил пощечину – а сегодня она его перед нами защищает...

Вскоре приехал грузовик. Обшитый золотыми пуговицами шофер опять безнадежно зывал Вику в кабину, и опять мы на руках втащили ее в кузов. Однако сегодня он уже не гнал. Видать, смирился – ехал медленно и как-то безнадежно.

Выезжая из деревни, мы заметили впереди путника, одиноко бредущего по пыльной обочине.

– Смотрите, ребята, – сказала Люда, когда до него оставалось метров двести. – Это же Аркаша!

– Да не может быть! – Катя недоверчиво поправила очки, держась за трясущийся край борта. – Не мог он так далеко уйти со своей ногой!

– Он самый, – громко сказал Володя. – А нога у него, как видишь, уже прошла.

Услышав шум мотора, он обернулся. Точно, это был Аркашка. Узнав машину, он тут же тщательно захромал. Володя пробормотал что-то нецензурное.

– Вот скотина, – вздохнул Славка.

Машина обогнала Аркашку. Я бросил взгляд на Катю – она молча посмотрела на меня. Усмехнувшись, я грохнул пару раз по уже изрядно помятой крыше кабины. Грузовик остановился.

– Чё надо?! – хрипло крикнул шофер, высунувшись из окна.

– Наш человек наш на дороге, – ответила за всех Люда. – На станцию идет. Надо забрать.

– Не могу в кузов, – сказал Аркашка, выставив ногу и глядя на нас ясными глазами.

– Давай сюда залазь! – шофер распахнул дверцу.

Аркашка не спеша скинул рюкзак – сначала с одного плеча, затем с другого, забросил его на сиденье, медленно полез в кабину.

Наконец хлопнула дверца и грузовик тронулся. Мы хранили молчание, точно этот хлыщ мог услышать нас сквозь грохот кузова.

На переезде медленно тянулся рыжий товарный поезд. Скрипнули тормоза, Аркашка выбрался наружу, взял рюкзак на плечо и зашагал вдоль пути к платформе. Поезд гремел по расхлябанным шпалам, не желая кончаться, и мы стояли. Прошкандыбав десяток метров, он обернулся и помахал нам рукой.

Никто не ответил.

– Слушайте, парни, – негромко сказала Вика. – Я бы на вашем месте устроила ему темную. Как в детском саду.

– Поздно, Маша пить боржом, когда почка отвалилась, – неожиданно ответил Славка, нахватавшийся, видимо, остроумия у Саши-К.

Володя мрачно сплюнул за борт.

— —

Работать втроем оказалось совсем иным делом, чем вчетвером. Даже если четвертый – такой никудышный тип, как Аркашка.

Хотя чисто теоретически на АВМ можно управиться даже вдвоем, если один будет все время стоять у горловин, а второй – непрерывно загружать бункер. Но именно чисто теоретически; мы поняли это в первый же час работы.

Принимать мешки одному из трех было, конечно, не тяжелее, чем одному из четырех. Но зато двое справлялись на бункере медленнее, а уставали быстрее. И в итоге получилось, что передышек практически не осталось. Мы крутились и прыгали, как грешники на сковородке, но не могли войти в нужный ритм, и работа казалась авралом. К обеду в мыслях осталось единственное желание: лечь.

Лечь куда-нибудь в уголок, завернуться с головой от шума – и спать, спать, спать... Славка умаялся не меньше моего. Только молчаливый бригадир держался, не подавая виду. Дежурить в обед выпало именно ему, и мы со Славкой побежали побыстрее заглотив миску хлеба и вернуться на смену.

Как всегда, поплескались у бочки с водой, слегка смыв усталость. На скамейке перед закрытой еще столовой сидели понурые Катя, Люда и Вика. Они были такие усталые, маленькие и несчастные, обожженные солнцем и жестоко искусанные слепнями, что мы через силу приободрились перед ними.

А после обеда работа пошла легче. То ли трава оказалась тяжелее и агрегат заработал медленнее, то ли солнце умерило свою ярость, или просто мы, наконец, привыкли. И даже забыли, что нас всего трое. Но подсчитав мешки, поняли, что до обеда вместо обычных девяти насушили меньше шестидесяти.

– Да, мужики, сегодня нормы нам не дать, – покачал головой Славка. Опозоримся перед вечерниками, – добавил я.

– Не будет этого, – отрубил Володя. – Чтобы мы из-за этой гниды бородатой норму не выполнили? Как будто он и в самом деле нам работать помогал? Не будет. И норму мы дадим.

Мы вгрызлись в работу, и наверняка справились бы, не помешай нам внешние обстоятельства.

Я стоял у раздатчика, когда услышал, что шум агрегата изменился. Чего-то стало не хватать в разнородной, но по-своему стройной музыке его грохота, визга и скрежета. Я обернулся – огромная туша барабана неподвижно стояла на своих роликах.

Черт побери, – подумал я. – Опять авария; каждый день на этом агрегате что-нибудь случается... Бросив мешок, я побежал искать дядю Федю.

Он уже возился у щита управления.

– Что там? – крикнул я.

– Это я привод выключил! – прокричал в ответ дядя Федя.

– А зачем?!

– Солярка кончилась, на хрен. Давно уже, и барабан остыл. Сейчас самые остатки пройдут – и все вообще вырубам.

Он повернул еще одну рукоятку, и стало еще тише: умокла дробилка.

Подожли ребята.

– Слушай, а где эта хренова солярка? – спросил Володя.

– Да в хранилище, где ей быть?

– А хранилище?

– На дороге.

– На какой именно?

– Да как с большака свернуть к полевому стану, там справа сначала амбар недостроенный без крыши, потом болото – пожарный водоем, значит. А за ним аккурат хранилище.

– Так, может, взять бочку и съездить за соляжкой? – предложил Славка.

– Бочку, ё-тво... Смеешься, – дядя Федя покачал головой. – Знаешь, сколько много ее надо? Вон, смотри откуда трубопровод идет, – он кивнул в сторону огромного резервуара, установленного на железной раме поодаль от агрегата. – Тут бочкой за неделю не навозишь. Цистерну на тракторе надо звать.

– Да... – вздохнул Славка. – Жаль.

– Ну, ребята... – покачал головой дядя Федя. – Сколько лет работаю, никогда городских таких сознательных не видал... Ладно, ложитесь спать, а я насчет соляжки поеду.

Он взял Степанову телегу и уехал, грохоча и подпрыгивая на ухабах. А мы остались без дел. И странная вещь: утром все мысли бились об одно – лечь да поспать. А сейчас упала тишина и мы остались без работы, но вдруг чего-то стало не хватать. И спать расхотелось.

А делать было абсолютно нечего. Володя вынул из кармана колоду карт и мы сели рубиться в подкидного дурака, позвав четвертым Степана, который остался без кобылы и без дел. Сначала он отнекивался, утверждая, что городские его мигом обдуют и разденут – но тем не менее первым в дураках остался я. Потом Володя, потом опять я, потом Славка и снова Володя. И так мы сменялись по кругу, а Степан неизменно выходил из игры первым. И при этом хитро шурился косым своим глазом. Наверяд ли он играл так уж хорошо. Скорее всего, просто очень ловко жульничал, но поймать его мы не смогли. Так продолжалась до тех пор, пока ему не пришла особо плохая карта и, играя без козырей, он сел в дураки. Это расстроило его неожиданно сильно – он заявил, что играть больше не хочет, так как болит голова, и куда-то ушел.

Нам тоже надоело играть и мы снова легли кто куда. И проспали до конца смены: соляжку привезли уже в шестом часу.

— —

У костра Катя опять сидела рядом со Славкой, обмахивая его веткой. С другой стороны примостился Костя. Не знаю, что заставило его изменить Вике и Люде – но почему-то он переключил внимание именно на Катю.

Едва я запел что-то трогательное, он тут же положил ей руку на плечо. Катя ее стряхнула. Мореход подождал несколько минут – и повторил попытку. Катя что-то сказала ему и опять высвободилась. Костя улыбнулся и облапил ее уже обеими руками. Костя-Мореход – это, конечно, был не хлюпик вроде Аркашки. Обхвати он меня своими ручищами – не знаю, сумел ли бы я вырваться. А уж Катя и подавно. Славка ничего не замечал, подпевая мне: Кате удавалось все-таки обмахивать его веткой. А Костя сидел с такой блаженной физиономией, будто впервые в жизни обнимал женщину. Я смотрел на него и чувствовал, как внутри закипает злость. Точно у меня на глазах тискали не маленькую очкастую Катю – а мою единственную и любимую жену Инну...

Я закончил песню и пнул бревно, лежавшее с краю. В черное небо метнулись змейки искр.

– Дрова прогорают, – сказал я, отложив гитару. – Надо новых принести.

– Я сейчас! – с готовностью поднялся Славка.

– Сиди, – я остановил его. – Я еще молоком горло промочу...

Натыкаясь на кусты, что росли вдоль дорожки и днем были совершенно незаметны, а ночью так и норовили выдрать клочок из одежды, я прошел к кухне, где валялась загодя нарубленная куча дров.

– Эй, Мореход! – крикнул я. – Иди-ка сюда, мне лесину не поднять.

– Чего? – нехотя откликнулся он от костра.

– Лесину, говорю, перевернуть помоги, мать твою! Ты же здоровый, как бугай, а у меня сил не хватает.

Я слышал, что Костя поднялся, зашуршал по траве, чертыхнулся, напоровшись, как и я, на колючие кусты. Я напрягся, ожидая его из темноты.

– Ну и где твоя лесина? – зевнул он, подходя ко мне. – Откуда ты ее нашел? Я вроде с утра все дрова распилил и переколол...

– Нет лесины, крысы ее съели, – тихо ответил я. – Разговор у меня к тебе. Мужской.

– Мужской?.. Это уже интересно, – добродушно ответил Костя.

– Вот что. Слушай, Константин, я хочу тебе сказать... – я нащупал и крепко сжал его локоть. – Не лапай Катерину, а?

– Катерину?! – искренне поразился он. – А что, это тебя так волнует?

– Волнует.

– А ты случайно не влюбился, а? В твои-то годы?! – он добродушно засмеялся и по своей обычной манере положил мне руку на плечо.

– Не влюбился. Но прошу тебя, – я посмотрел в его слабо отблескивающие глаза. – Не трогай ее. Прошу. Как мужчину.

– А она что, твоя? Я понимаю, Славик бы начал меня учить... Но ты?!

– Не моя. Но и не твоя, – я пропустил мимо ушей упоминание о Славке. – И нечего тебе ее лапать. Не на ком тренироваться, что ли? Полно же девиц. Хоть Люда, хоть Вика. Или вон возьми да Тамару отбей у Геныча для спортивного интереса, тебе это раз плюнуть... Но Катю не трогай... Ясно?

Костя промолчал; он, кажется, так и не осознал серьезность ночного разговора.

– Ладно, – сказал я, сбрасывая с плеча его руку. – Бери дрова и пошли обратно.

Костя так ничего и не ответил. Мы молча вернулись к костру и уселись каждый на свое место. Никто ничего не понял. Я снова поднял гитару и запел. Мореход глазом не повел, словно не было никакого разговора – однако Катю он больше не трогал.

Он все-таки хоть и отличался природной простотой, но был нормальным мужиком.

11

На следующий день работать втроем было уже не так тяжело. Вероятно, мы приноровились и стали более экономно тратить силы. Хотя и сама работа оказалась более легкой: с утра привезли длинную тонкую траву, и мы гнали ее через измельчитель.

И опять, кидая охапки в скрежещущую пасть, я благоговейно ужасался его неистовой мощи. Стебли травы, камыш, толстые – чуть не в руку! – стволы репейника мгновенно превращались с сырой прах, вылетающий из страшной машины. Мы со Славкой работали, как заведенные; посередине бункера быстро выросла зеленая гора. Подошел дядя Федя – он почему-то работал два дня подряд, видно Николай взял выходной – одобрительно выматерился и потянул длинную проволоку, разворачивая хобот, чтоб травяная каша летела прямо на движущуюся ленту транспортера. Он не сразу поймал нужное место, и тугая зеленая струя ударила поверх борта, долетев до автобуса и рассыпавшись на скамейке.

– Шайтан-машина, – одобрительно протянул Славка.

Норму мы перекрыли на семь мешков.

— —

– Как наша вечерняя прогулка? – спросил я Катю за ужином. – Идем?

– Обязательно. Сегодня же последний день вашей утренней смены.

– Ну и что? – я махнул рукой. – Через три дня опять пойдем в утро. Мы прожили здесь всего девять дней, осталось целых три недели. И впереди еще много утренних смен. И много вечерних прогулок. А, Славка?

– Точно, – кивнул он, прихлебывая чай с душицей.

И вечером мы опять пошли на ферму.

Говорят, ни в природе, ни в жизни ничего не повторяется. Но сегодня в точности повторилось все, как было вчера. Вечерняя дорога, розовое сияние за спиной, тающие вдали горы. Уютный гул доильного дизеля, теплая тяжесть фляг, падающие в серую пыль капли.

И Катя была рядом со мной. Точнее, я был рядом с нею. С кем была она – на этот вопрос я уже затруднялся ответить; рожденные Викиными словами и укрепленные собственными наблюдениями, во мне уже полностью оформились подозрения. Точнее, я вдруг начал прозревать. И хотя пытался убедить себя, что Катя уделяет внимание в равной мере и Славке и мне, но было ясно, что вектор ее притяжения – выражаясь инженерным языком – направлен только на Славку. Я отмечал это время от времени и тут же говорил себе, что мне все равно, ведь я не собираюсь ничего начинать с Катей, у нас не роман и у меня даже не влечение, а простая человеческая привязанность...

И... И вообще все это казалось ерундой в сравнении с тихим величием вечерней дороги, которая несла нас откуда-то куда-то. Как вчера, как в прошлый раз, в позапозапрошлый. И как будет завтра, и послезавтра, и послепослезавтра... То есть не послепослезавтра, а через четыре дня, когда мы со Славкой снова будем свободны вечером

Но от мысли об этой не зависящей от меня бесконечной повторимости мне вдруг стало грустно на душе.

С небывалой и незнакомой, острой, пронзительной и пугающей меня ясностью я вдруг понял, что в последний раз иду так легко и счастливо по этой вечерней дороге. В последний раз без всяких забот погружаюсь ногами в ее мягкую теплую пыль и слышу домашнее бульканье молока в нетяжелой фляге. Но почему в последний?! Наша колхозная поездка не подошла даже к середине. Колхоз еще не сгорел дотла, хотя к тому имелись все предпосылки. И никто не собирался урезать норму отпуска молока, и ферма не закрывалась на ремонт... И ничего этого никуда не уйдет. Ферма, молоко, дорога и ежевечерне гаснущее над ней розовое небо и медленно остывающая пыль, и роса, оседающая каплями на траве обочин... Это все останется неизменным, поскольку не может измениться в принципе. А вот меня тут уже не будет. Сейчас я пройду дорогу в последний раз – и больше уже никогда не смогу вот так ощутить ее в себе и себя в ней...

Мне стало холодно. К чему, отчего пришло внезапное предчувствие потери... Потери – чего? Дороги, вечерней компании или чего-то большего? Самого себя?

Было жутко в молчании додумывать эту неожиданную и холодную мысль.

Я оглянулся на друзей, ища в них поддержки, надеясь с их помощью вырваться из своего черного предчувствия. Но они были далеко, и не со мной, а друг с другом. Болтали о чем-то своем, весело и совсем не замечая меня, шагающего рядом. Тем более, не чувствуя той чудовищной вселенской грусти и тоски предчувствий, что вдруг придавила меня к земле.

Рядом с друзьями, я был один.

Один, совсем один... Один и навсегда.

Мне сделалось страшно. Одиночество приблизилось ко мне и стало куда более реальным, чем тихий летний вечер и ждущий меня костер... Я пристально взглянул на Катю, словно ища у нее помощи – внутренне надеясь, что она почувствует, уловит мое состояние, и поможет выйти из него...

Но, видимо, в своем идеализме я поднялся уже на полностью безвоздушную высоту, ожидая участия от женщины, замечательной лишь тем, что я сам питал к ней идиотскую, как видно,

привязанность. Между нами ничего не было; это я в своем одностороннем стремлении наделил женщину такими чертами, каких у нее не имелось и не могло иметься. Катя, разумеется, ничуть не ощутила моего внезапного отчаянного состояния и болтала со Славкой как ни в чем ни бывало.

А вечерняя дорога казалась по-прежнему мягкой и безмолвной. Небо висело над ней чистым прозрачным сводом. Солнце медленно уходило за остров, глухо шумела река. Все было как обычно.

Лишь мое внезапное состояние не укладывалось в этот идиллический покой, и я изо всех сил пытался его стряхнуть, но этого никак не получалось...

– Какая благодать, – вздохнула Катя, наконец, обратившись ко мне.

О боже, как благодарен был я в этот момент даже самому звуку ее голоса, мгновенно рассыпавшего черный купол отчаяния и вернувшего в обычную, мягкую, теплую действительность...

– Благодать... – безмятежно продолжала она. – Никогда еще в колхозе я так не наслаждалась жизнью.

– А что – предложил Славка. – Это можно будет легко повторить. Поехали на будущий год опять. В этот же колхоз, в эту же деревню. Подгадаем время, чтоб оказаться той же компанией... ну в смысле, мы... трое? А?

– На будущий год? – задумчиво перепросила Катя.

– Ну да, на будущий. Надо только заранее в парткоме узнать, какая разрядка и когда начнут посылать. И записаться именно сюда в это же самое время.

– Не знаю... – Катя пожала плечами и как-то полусмущенно, полугрустно улыбнулась. – На будущий год, наверное, я уже окажусь молодой мамой, и забот у меня будет полон рот. И уж точно не до колхоза.

– Так вот, Станислав, – назидательно усмехнулся я, ощутив совершенно недопустимый и необъяснимый, но очень болезненный укол ревности от мысли, что Катя не только замужем, но и еще даже и будет беременна от какого-то мерзавца...

Именно мерзавца – по одной лишь, иррациональной, но веской причине, что он не был мной.

– Вот так, друг мой – никогда не связывайся с семейными женщинами. У них нынче одно, а через год другое, а в самом деле вовсе третье.

При этих моих словах Славка и Катя странно переглянулись. Или мне лишь показалось?

– Да, – как-то фальшиво улыбнулся Славка. – Это верно. То ли дело я. Свободный человек, вольная птица. Хочу – в колхоз поеду, хочу – в горы, а захочу – вообще возьму отпуск за свой счет и махну на Дальний Восток. В экспедицию, кем угодно, хоть разнорабочим... А была б жена – сказала бы: надо культурно отдыхать, и все такое прочее. И даже в колхоз, кстати, тоже одного бы не отпустила.

– Ну почему же? – возразила Катя. – Женю-то вон отпустила!

– Я не в счет, – подначил ее я, ощущая внезапную, переполняющую все мое существо радость света, вернувшегося после схлынувшей тьмы. – Я ее сам в экспедицию отпустил. На целых три месяца. Так что мы квиты. И мое дело правое.

– В экспедицию?! – удивленно переспросила Катя. – На три месяца?

– Ну да. Она же у меня биолог. Я, кажется, говорил. А у них такая специфика: как полевой сезон, так экспедиция.

– На три месяца... – она задумчиво покачала головой. – И ты... Извини, Женя, что задаю такой вопрос, но... Ты не... не опасешься... Как бы это сказать... Ну, в общем, ты уверен, что...

– Она мне там ни с кем не изменит? – помог ей я.

– Ну да, – кивнула Катя и покраснела.

– А что, – я искоса взглянул на нее. – По-твоему, все супругам изменяют, когда одни остаются?

– Ну нет... Не все, конечно, но все-таки...

– Ты-то своему мужу здесь со всеми подряд изменяешь?

Мне показалось, что я сказал что-то не то: Славка вздрогнул.

– Нет вообще-то, – Катя совсем смутилась и голые плечи ее покраснели.

– Ну, так вот. Жены разные бывают. И я верю, что Инна именно такая, в какую я верю, поскольку я верю... – я запутался в своих словах и пояснил: – Верю ей, поэтому спокойно отпускаю. Верю потому, что люблю. А она верит мне тоже. Раз любит.

– Интересная философия, – покачал головой Славка.

– Никакая это не философия. Просто если не веришь любимому человеку – значит не любишь его ни грамма. Значит, вообще вместе жить незачем.

– А ты, оказывается, максималист, – снизу вверх и неожиданно серьезно посмотрела на меня Катя. – Я и не подозревала.

– Все нет. Просто считаю, что Любовь и Вера – родные сестры.

Я вдруг вспомнил одну из любимых своих песен – про двух верных подруг, Любовь и Разлуку – и понял, что противоречу сам себе. Тому неожиданному себе, который вдруг начал самопроизвольно шевелиться в моем прежнем, идиллическом сознании. Но, не давая себе задуматься всерьез, я продолжил:

– Вместе с третьей – Надеждой...

– Об одном попрошу тебя, друг мой Аркадий: не говори красиво! – перебил меня Славка.

– Какой, к черту, Аркадий? – не поняв, возмутился я. – При чем тут этот полудурок?

– Да ни при чем он, – захохотал Славка. – Это Тургенев. Иван Сергеевич. Классиков надо знать, Женя...

– А ну тебя на фиг со своими классиками, – отмахнулся я, так и не поняв его каламбура, поскольку книжек не читал не просто давно, но и вообще, и само напоминание о Тургеневе не вызвало во мне никаких ассоциаций.

Мы помолчали некоторое время. Но я даже не обиделся на Славкину дурацкую шутку; мне хотелось довести до конца свою мысль, и я продолжил:

– И вообще, если уж на то пошло, бояться отпускать от себя – глупость. Бессмысленная трата нервов. Если человек задумает пуститься во все тяжкие, то сумеет это сделать, живя с тобой в одной постели и даже работая в одном секторе. А если не захочет – то останется верным даже в Антарктиде, командуя дивизией голых женщин.

– Дивизия голых женщин в Антарктиде? – усмехнулся Славка. – Оригинально-с! Но как там изменять?! У них же все замерзнет насмерть!

– Ну и фантазия у вас... – укоризненно посмотрела Катя. – Жуть!

– Виноваты, больше не будем, – поклонился я. – Просто хотел сказать, что измена – это не просто искушение в одиночестве.

– Послушай... – сказала Катя и опять потупилась, точно хотела прояснить какой-то очень важный для нее вопрос. – Можешь, конечно, не отвечать, это очень лично... Но как-то всплывает. Женя, а ты... Ты сам как ко всему этому... ну в общем, понял к чему – относишься?

– Отрицательно! – для крепости я рубанул воздух, загремев пустой флягой, ведь мы шли еще только на ферму. – Хоть и рискую показаться несовременным.

– И что? Тебе никогда... – Славка замылся. – Никогда, абсолютно никогда, даже при виде очень красивой женщины...

– Конечно, хочется, – честно перебил я, взглянув на Катю и одновременно пронзительно вспомнив Вику на лугу. – Я живой человек, а не засушенный индийский монах. И всегда найдется женщина, чьи физические достоинства чем-то лучше, чем то, что есть у моей жены. Хоть чем-то, но существенно. Но ведь потом найдется женщина, которая совершеннее этой. И так

далее, – до бесконечности. И можно утонуть в погоне за все новым совершенством и не находя его, а лишь растрачивая себя... Но... Но надо ставить себе ограничения, только и всего. Потому что так надо.

– Но кто и где сказал, что именно так надо? – спросил Славка.

– Никто нигде не говорил. Просто я сказал это для себя. И все.

– Значит, от измены удерживают только ограничения? – насмешливо, как мне показалось, уточнила Катя. – Долг, совесть и всякая другая пионерская чепуха?

– Почему же? – возразил я, чувствуя как резанули слух последние два уничижительных слова в устах женщины, до сих пор боготворимой мною, но кажется, мало отличавшейся от образа, бегло обрисованного Викой. – Это, конечно, все есть. Но главное – не долг и не совесть. Главное – любовь. Такая, что сама ставит тебя выше мелких удовольствий. После которых будет только гадко на душе.

– И что? – сменив тон, очень-очень тихо спросила Катя. – У тебя в самом деле есть такая любовь, Женя?

– Да, есть, – твердо ответил я и остро, настойчиво подумал об Инне; где-то она сейчас была... – Есть. И именно такая.

– Я рада за тебя, – еще тише сказала Катя.

– Я тоже, – кивнул я.

Славка промолчал, на этот раз, удержавшись от дурацких цитат.

А я, вдруг улетев отсюда прочь, думал об Инне. И в самом деле, верил в свои слова. По крайней мере, в тот момент. Верил в мысли о своей далекой, давно уже не виденной жене. Верил в любовь. Которая сильнее мелочей и которая будет греть меня... Как заходящее, но еще очень, очень теплое солнце над вечерней дорогой.

12

Работать втроем в вечернюю смену, изнурительную саму по себе, мы теперь ехали уже с внутренним содроганием. Однако эта оказалась не такой уж и страшной. Даже желтые комары досаждали меньше: наверное, уже не могли пробиться ко мне сквозь бороду, щедро отросшую за десять дней.

Вообще борода в колхозе – хорошая штука. Бриться было не надо, и комары не мешали. Правда, нынче во всей компании бородачами оказались только мы с Володей. Саша-К гладко брился – он вообще отличался подчеркнутой подтянутостью, в любой момент на него было приятно взглянуть. Лавров и Геныч сначала начали отпускать бороды, но на второй или третий день уже скоблились у прикрепленного к умывальнику зеркала: должность полевых любовников ко многому обязывала. Мореход, как и любой записной бабник, брился и даже пользовался одеколоном регулярно. Славка держался неделю. Потом явился на завтрак с гладкой физиономией.

– Предатель! – сказал ему я.

Он только засмеялся. И я тут же поймал на себе насмешливый, что-то подсказывающий взгляд Вики...

У меня отросла черная борода, несмотря на мои не слишком темные волосы; у Володи лезла неровной сединой. Судя по всему, и он сегодня чувствовал себя неплохо с комарами. Славку же они допекали всюю: он едва успевал отвешивать себе пощечины свободной рукой.

– Вот тебе твоя неземная красота, – усмехнулся я. – Говорил тебе, не брейся.

Славка только отмахнулся.

Правда, проработали мы недолго. Максимум два часа – потом вдруг что-то грохнуло, и равномерно лязгавший транспортер бункера заработал гораздо тише – почти бесшумно. При-

глядевшись, я заметил, что он и вовсе остановился: большое приводное колесо не крутилось. Я оглянулся – Николай уже бежал к пульту.

– Что такое? – я подошел к нему.

– А... – он утер лицо кепкой. – Кранты, мужики. Праздник вам пришел. На сегодня отработались. А, может и на завтра тоже.

– Почему?

– Приводная цепь звиздой накрылась. Сейчас остатки травы прогоним и глушим моторы.

– А что теперь делать? – спросил Славка. – Новую ставить будете?

– Ну, ты скажешь тоже! – захохотал Николай. – Откуда она, новая-то? Все запчасти давно кончились. Ремонтировать надо.

Он выключил форсунку. Барабан погрохотал на холостом ходу, потом через несколько минут остановился. Смолк свист вентилятора в циклоне, почти сразу упал вой дробилки. Лишь устало постукивал привод раздатчика. Но наконец, стих и он. Стало непривычно, режуще тихо. И даже показалось, что в ушах застряли ватные пробки.

– В чем дело? – к нам подошел заляпанный мукой Володя, ничего не услышавший и не понявший в грохоте.

– Цепь накрылась, – ответил Николай. – Звено полетело.

– Ясно... И что теперь: клепать или варить?

– Варить...

– А сварщик есть?

– Есть, а то как? В кузнице на полевом стане.

– Туда ее надо нести?

– Зачем нести? У них аппарат есть маленький, привезут сюда, провода от щитка протянут и дело с концом.

– Так надо, наверное, за сварщиком в кузницу сходить? – предложил Славка.

– Поздно уже, – отмахнулся Николай. – Он, наверно, уже дома пьяный лежит. Завтра с утра дядя Федя пойдет.

– А зачем до завтра ждать? – пожал плечами Володя. – До конца смены четыре часа, даже больше. Может, домой к нему сгоняем?

– Можно, конечно. Но он так просто из дому не выйдет. Даже если еще и не вдрызг пьяный. Ему надо пообещать стакан водки. Тогда, может, поднимется. У тебя водка есть?

– Нет вообще-то.

– Вот и у меня нет. Так что, мужики, шабаш. Ступайте домой.

Подошел заспанный Степан. Он с обеда валялся на мешках под грохочущим транспортером, а теперь проснулся от внезапной тишины. Это было совершенно реальным фактом: я тоже один раз сладко уснул под бункером, но проснулся в тот же миг, когда дядя Федя зачем-то остановил привод. Узнав, в чем дело, он страшно обрадовался и даже предложил подвезти нас до деревни.

– Сам уж едь на своей живопырке, – за всех ответил Володя. – Всю задницу на ней отобьешь по вашей дороге. Мы лучше пешком пойдем.

Путь до лагеря отсюда был неблизкий, километров семь. Чтоб хоть немного его сократить, мы срезали угол, свернув с полевого стана прямо на ромашковый луг, раскинувшийся вдоль железной дороги. Прогретый воздух слоился волнами терпкого, горьковатого аромата; желто-белые цветы хлестали нас по сапогам, осыпая душистой пылью. На шоссе мы вышли уже за переездом, но все равно нам оставалось идти и идти. Мы не спеша шагали по пыльной обочине, надеясь поймать попутку. Но как назло, все машины сейчас почему-то ехали навстречу. Нас обогнал только желтый молоковоз, в который некуда было проситься.

– Откуда тут цистерна? – удивился Славка. – Я ее уже видел на том берегу. А с нашей фермы вроде молоко на грузовике возят.

– Как раз на том берегу совхоз, – ответил я. – Где настоящий молокозавод. Там село не в пример этому – дороги заасфальтированы, клуб почти городской и так далее...

За разговором дорога незаметно ложилась под ноги. Тем более, мы не успели по-настоящему устать. По этой дороге мы ездили каждый день – но только сейчас оценили в полной мере, насколько она разбита. То и дело попадались ямы, кое-как засыпанные щебнем, глубокие колеи, пробитые во время дождей. Удивительно, что шофер ухитрялся ездить тут, не перерачиваясь. На пути лежала деревня. Там дорога стала просто невообразимой. На выезде была раскатана целая площадь, потому что у поворота гнила огромная лужа. Наверное, под ней в глубине сочился родник – обычное явление для этих мест – и лужа не высыхала никогда; по краям ее слоями громоздились горы черной грязи и щебня, которым ее регулярно пытались засыпать. Посреди, в зеленовато-черной жиже, лениво бултыхались две неимоверно грязные свиньи.

– Деревенская идиллия, – покачал головой Славка.

– Россия, мать ее за обе ноги... – ответил Володя.

– Неужели нельзя взять и один раз нормальную дорогу сделать?

– Можно, – кивнул я. – Если захотеть. Когда мы были тут в прошлом году, на пару дней ездили работать в совхоз как раз на тот берег. Там все иначе. Над АВМ навес, дома в деревне чистые. И дороги, как в городе. Везде асфальт.

– Асфальт? – недоверчиво покачал головой Володя. – Не может быть.

– Может. Совхоз сам заасфальтировал. Деньги как-то получили, потом пригласили на одно лето трест «Армянстрой» – и все.

– Какой-такой трест? – не понял Славка.

– Ну, армян-шабашников, – пояснил Володя. – Не знаешь, что ли?

– Нет, что-то не встречал.

– Есть особые бригады, и почему-то из одних армян, – пояснил я. – Ездят по всему Союзу со своим дорожным оборудованием на «КамАЗах». Гудронная печка у них есть. Раскидывают где хочешь асфальтовый завод. Сами песок находят, щебень и гравий, полотно подсыпают и даже каток у них небольшой есть, для сельской местности хватает. Асфальт варят и кладут. Где скажешь, там и проложат. Хоть через лес. Хоть через реку вон.

– Дерут, наверное?

– Думаю, не без этого. И я бы на их месте тоже драл. И ты тоже. Я видел, как они вламывают – не чета нашим деятелям в оранжевых жилетах, что одну колдобину на трамвайном переезде целую неделю замазывают. Солнце жарит, они полуголые, битумом перемазаны, печка раскалилась докрасна, ревет, как газовая турбина, рядом с ней не то, что работать – стоять невозможно, смотреть страшно. А они ведь не только варят – надо сначала дорогу выгладить, щебневую подушку насыпать, снивелировать и вывести правильный профиль, обочины обработать, иначе после первой же зимы к чертям все развалится., как у нас на Кольцевой. Адская работа, говорить нечего.

– А кто все-таки за это платит?

– Совхоз, я же сказал.

– Совхоз? – недоверчиво усмехнулся Славка. – Дороги разве совхозу принадлежат?

– А черт его знает. У нас все принадлежит не тому, кому следует. Но какая разница, ездят по ним совхозовские. Значит, за свои нужды деньги платили. Сделали армяне на славу – я сам видел, как девчонки в клуб на каблуках бежали. Ты можешь такое представить в этой клоаке?

– Так что же эти себе так же не сделают?

– А, эти... Совхоз и колхоз разные вещи. В принципе у колхоза самостоятельности больше. Они могут себе небоскроб построить на свои деньги. Но все от руководителя зависит.

А здешнему председателю, как ты наверняка понял, все до фонаря. Так же, впрочем, как и всем им тут. Кислушку поваривают – вот и решение всех проблем.

– Да если бы и не до фонаря? – вставил Володя. – Откуда деньги, у них тут и денег нет. Ты посмотри по сторонам – это же нищета! В кинохронике довоенная деревня богаче выглядит! Избу себе не могут обшить да покрасить, заборы все везде свиньями подрыты!

Он в сердцах махнул рукой.

– А почему так? – спросил Славка. – Земля-то богатая, чернозем.

– Земли мало, – я пожал плечами. – Еще руки нужны. И голова. У негров в Африке не только земля, но даже бананы на пальмах. Вот и бегают до сих пор без порток. А сколько земля даст, если сварщик без стакана водки звена не заварит? К тому же тут, наверное, еще и народу не хватает.

– А вот это уж ерунда, – возразил Володя. – Народу тут в избытке.

– Не может быть, – сказал я. – Откуда может быть в деревне избыток, если в каждой газете пишут, что не хватает на селе рабочих рук и ног и прочее?!

– Пишут одно, а слышат другое. Мне дядя Федя рассказывал. Тут укрупнение прошло. Стукнуло кому-то моча в голову, и пустили лозунг: укрупнять, в такую мать... Несколько мелких колхозов взяли и в один большой слили. Эта деревня – в здешнем колхозе. И та, что ниже нас по течению – тоже. И еще две есть, за полевым станом в ту сторону. Раньше каждый ковырял себе помаленьку, теперь всех объединили. Народу стало много, а делать нечего. Дядя Федя говорил – молодых вообще насильно в город гонят, потому что они тут от безделья пухнут.

– Как от безделья? – не поверил Славка.

– Да вот так. Взять, к примеру, наш АВМ. Один на весь колхоз, и то через пень-колоду работает. Сколько людей на него можно поставить, чтоб по выработке хоть какая-то зарплата получалась? Четверых, пятерых. Дальше некуда, потому что копейки выйдут.

– Так нас-то зачем сюда возят? – развел руками Славка. – Что получается: им делать нечего, а мы здесь работаем? Парадокс.

– Выходит так, – хмуро сказал Володя.

– И в небе, и в земле сокрыто больше, чем снится нашей мудрости, Горацио... – вздохнул я, вспомнив неизвестно откуда взявшуюся цитату.

– Тем более в стране, где все делается не естественным путем, а с прямо противоположного конца, – добавил бригадир.

— —

В лагере никого не было, кроме Саша-К, который сидел за столом, отодвинув кружки и тарелки, и сосредоточенно заполнял какие-то растрепанные справки. Да еще Ольга – почему-то без Лаврова – лениво погромыхивала на кухне.

– Недолго мучилась старушка в высоковольтных проводах, – отметил Саша-К факт нашего чрезмерно раннего прихода.

– АВМ накрылся, – коротко объяснил Володя.

– Надолго? Или вообще насовсем?

– Хрен его знает, товарищ майор... – пожал плечами Володя. – Звено у цепи полетело. Варить надо, а когда заварят – неизвестно. И на вашу смену завтра, думаю, тоже хватит.

– Н-да, интересно девки пляшут, по четыре титьки в ряд... – буркнул Саша-К и снова уткнулся в свои бумажки.

– Что за агрегат там у вас, – вдруг заговорила Ольга, высунувшись в окошко раздачи. – Чего только уже не было?! И горел он, и перегревался, и застревал, и заедал, и теперь эта самая.. как ее цепь... Того и гляди он вообще взорвется! И...

– Типун тебе на язык, – строго оборвал Володя, метнув на нее такой уничтожающий взгляд, что Ольга мгновенно исчезла в кухне.

– Да уж, верно, – согласился Саша-К. – То понос, то скарлатина. Потому что все уже давно на ладан дышит. В самом деле, хоть бы в наш заезд ничего серьезного не произошло...

– А где все, кстати? – спросил Славка.

– Упоролись купаться за нижнюю деревню. Говорят, там песчаный пляж. Задницу удобно шлифовать.

Мы выпили по паре кружек вчерашнего молока с хлебом, потом Володя ушел к себе в палатку.

– Теперь и окунуться можно, – предложил я.

– Иди, – кивнул Славка. – А я сначала на болото схожу.

– А зачем на болото?

– Да так... В общем, надо. Хочешь, вместе пойдем.

– Да нет, я что-то утомился. Лучше пойду искупаюсь.

– Ну ладно, – вздохнув, Славка полез в палатку за сапогами.

Ходил он долго. Я уже успел выкупаться, вернулся в лагерь и по вечерней – хотя до вечера еще оставалось время – привычке присел с гитарой у костра. Услышав тихую игру, из палатки выбрался Володя, подошел и молча опустил рядом на доски. Наконец появился Славка. Он был до колен перемазан болотной жижей, а в руках нес нечто, обернутое штормовкой.

– Что там у тебя? – окликнул я. – Сову поймал?

– Да нет, не сову... – Славка покосился на Володю. – Пошли в палатку, покажу.

– Чего в палатку идти, – усмехнулся Володя. – Я и так вижу, что там у тебя цветы.

Славка слегка покраснел и вытащил невероятной величины букет красных, словно осколки рубина, диких полевых гвоздик.

– Откуда такая красота? – изумился я. – Я таких тут и не видел!

– На болоте есть сухой островок. Я давно заметил. Там их видимо-невидимо.

– Кому нарвал-то? – равнодушно поинтересовался Володя. – Катьке, что ли, вашей?

– Да не все ли равно кому, – уклончиво ответил Славка, пропустив мимо ушей слово «вашей». – Хоть бы и ей. Что тут особенного?

– Да мне-то что... Просто так... Раз у нее день рождения, так и отметить можно, все отрядом.

– Какой день рождения? Почему? – не понял Славка. – Откуда ты знаешь?

– Не я, а ты. Зачем цветы собрал, разве не ко дню рождения?

– Нет, конечно. Просто так нарвал.

– Просто так?! – теперь Володя смотрел с искренним непониманием. – А зачем просто так цветы дарить?

– Вот, – усмехнулся я. – Времена меняются, и не пойми в какую сторону. Дожили до жизни. Положить женщину в постель можно просто так. А чтобы подарить ей цветы, нужна причина... Прогресс, одним словом.

Володя молча пожал плечами, поднялся и ушел в столовую.

Мы со Славкой быстро пробрались в девчоночью палатку. Он положил цветы на Катину раскладушку – я почувствовал ставший уже привычным укол ревности, увидев, что он ошибочно знает, которая раскладушка именно Катина. И тут же очередной раз вспомнил слова Вики и опять подумал, что она была права.

Но я подавил все в себе и даже помог Славке аккуратнее прикрыть букет штормовкой.

– —

А потом настал вечер. Из-за нашего раннего возвращения мы со Славкой смогли опять сходить на ферму за молоком. Но девчонки сегодня почему-то сильно устали даже в свою утреннюю смену. Идти вдвоем без Кати нам почему-то не хотелось. И мы остались в лагере. Я провожал глазами Геньча и Морехода, без всякого удовольствия потащившихся с пустыми флягами на ферму, и вдруг подумал, что сегодня судьба хотела дать мне шанс еще раз ощутить под ногами вечернюю дорогу, сломать черное ощущение, пришедшее позавчера. И тем самым уничтожить нечто, зловещим предчувствием тронувшее меня тогда... Да нет, какое черное, какое предчувствие?!

Я и сам не знал, что на меня напало.

Но уже не мог отогнать эти внезапные темные мысли. Такое со мной было впервые в жизни. Шел обычный вечер, я сидел у костра в кругу друзей. В уже почти родной компании – и в то же время испытывал абсолютное одиночество. Все были разбиты по парам. И Катя, сидевшая неподалеку от меня, снова была занята Славкой, по привычке обмахивая его от комаров. А те, кто сидел в одиночестве: Саша-К, Володя и даже Вика – были тоже отъединены от меня чем-то непонятным, но ощутимым. Чем-то, не дававшим сегодня слиться с друзьями в песнях и ощутить волну принадлежности себе самому и всем одновременно.

Это сосущее чувство одиночества захлестнуло меня с такой силой, что, сыграв несколько песен, я понял, что не хочу и даже вовсе могу больше исполнять... Ребята требовали еще песен, но сославшись на боль в пальцах, я отложил гитару. Принесли магнитофон – хоть уже и порядком тянущий мелодии из-за неуклонно садящихся батареек – и начались танцы. Обычные прыжки и топтания вокруг костра.

И только Саша-К сидел, приложив к уху приемник и что-то выискивая на волнах. А потом вдруг резко выключил магнитофон. Народ возмутился, но командир вывернул на полную громкость свой маленький транзистор, и мы поняли, что он нашел передачу «*После полуночи*» – или, как тут же не преминула уточнить Тамара, «*Для тех, кому не с кем спать*». Все обрадовались и вернулись к костру. Потому что приемник играл одну за другой очень хорошие, в основном забытые мелодии. И не искажал их: он не требовал много энергии, и батарейки его оставались практически свежими.

Услышав известную песню про паромщика, Лавров с Ольгой неожиданно пошли танцевать. Это был какой-то еще не виданный мною, плавный, но одновременно дикий и необузданный танец. Они извивались в странных, сладострастных позах, касались телами, временами даже, кажется, целовались быстрыми скользящими поцелуями, и Ольга падала на руки Сане, трепетно и горячо выгибаясь. Они словно занимались сексом на глазах у всех под музыку и получали от этого острое, понятное даже зрителям наслаждение.

Глядя на них, я чувствовал в себе прежнюю нарастающую грусть осознанного одиночества. Я пытался подумать об Инне, которая сейчас, возможно, тоже страдала от одиночества и думала обо мне – но получалось плохо. Не видев свою жену почти месяц, я знал, что до конца лета нам осталась разлука, и вдруг со страхом понял, что не могу сейчас представить ее лица.

Я поднялся и тихо ушел на кухню, сел на холодную дощатую скамью.

Песня невнятно долетала сюда. Я слушал отрывочные слова про звезды над рекой, прохладные поля и журчание воды за паромом – и тоска давила меня нарастающей тяжестью. Все кругом было именно так. Падали сквозь черное небо звезды в замершую степь, упала прохлада на луга и тихо притаившийся перелесок, шумела река на недалеком перекате – словно хотела предупредить меня о чем-то – и пронзительно дрожал за ней на том берегу желтый огонек над будкой паромщика... Только я вдруг понял, что мои берега ему не соединить, что все хорошо кончится для кого-то другого, а над мной нависло нечто черное, как ночное небо над беззащитной степью. А счастье давно уже осталось на противоположной стороне.

Что – хорошо кончится, если для меня еще ничего и не начиналось? Что черное, кроме ночного неба, могло нависнуть надо мной?! Почему счастье осталось на том берегу?!

Я не знал, но все это было именно так.

Я тихо выбрался из столовой, обошел лагерь, чтобы кто-нибудь не заметил и не потащил обратно к костру, и проскользнул в свою палатку. Спальник был влажным от вечерней прохлады. Снаружи завывал магнитофон: передача для полуночников кончилась, и ребята продолжили обычные танцы – а совсем рядом за брезентовой стенкой что-то шелестело в мрачном лесу. Я свернул брюки и армейский китель, подsunул их, как обычно, под голову, и опустился на скрипучую, продавленную до земли раскладушку.

13

Со сварщиком все вышло даже гораздо дольше, чем предчувствовал Николай. Привести его на АВМ дяде Феде удалось лишь после обеда. Первая смена весь день спала, играла в карты и тихо одуревала от безделья.

Но косилки не зависели ни от сварщика, ни от самого агрегата. Они пушили траву без остановки, тракторные тележки методично привозили ее и сваливали нам. Когда мы приехали на работу, у бункера громоздилась гора размером с дом, и наверху, словно телеантенна, торчали воткнутые вилы.

Володя посмотрел на кучу, покачал головой и виртуозно выругался.

И началась битва. Чтобы облегчить загрузку, мы опять включили измельчитель. Кидали траву втроем – даже Степан; вероятно, дядя Федя прочистил ему мозги за недавний отъезд «в кузницу». Однако заставить агрегат работать сверх производительности было невозможно никакими силами. К одиннадцати часам на площадке стояло двести с лишним мешков, а куча вроде и не уменьшилась.

То есть, нет, конечно; она существенно убыла – но все-таки оставалась очень большой.

– Тут еще часа на три, а то и на четыре, – тоскливо сказал Славка, ровняя вилами край.

– Ну что – будем пахать до победного, или оставим подарок утренникам? – спросил я.

– Как начальник скажет, – пожал плечами Володя. – В принципе пахать в три смены мы тут не занимались.

– И сварщик шляется черт знает, где тоже не из-за нас, – добавил я.

Мы продолжали молча кидать траву в бункер. Подъехал грузовик и тихо встал в стороне.

К нам подошел дядя Федя:

– Умаялись, небось, мужики?

– А то, – буркнул Володя.

Я промолчал.

– Ладно, шабаш. Сегодня сухо, до утра не сгорит.

— —

Вернувшись в лагерь, я сразу пошел на речку. Силуэты ив на острове и горы противоположного берега сделались совершенно черными. Небо чуть светлело внизу тревожной синью, а выше налилось первозданной чернотой, и вода в реке была тоже абсолютно черной. Лишь слегка взблескивала на перекате, словно рыбий бок, да дрожала длинным отражением огня под будкой паромщика.

– Пошли купаться голыми! – предложил Славка.

– Голыми? Ты что – у девиц научился?

– Да нет, просто так. Усталость, кстати, лучше смывается. Надо момент использовать: кругом темень и рядом никого.

Быстро раздевшись, мы полезли в речку. Вода, как всегда, оказалась теплее, чем от нее ожидалось. Мы плескались очень долго. Но когда вернулись в лагерь, грузовик еще темнел

возле кухни. Проходя мимо, я заметил темные силуэты и неясную речь. Один был шофер – я узнал его по деревенской скороговорке. Он куда-то звал невидимую собеседницу. Кого именно, я понял сразу. Как ни странно, не испытывая никаких чувств, я все-таки ощущал присутствие Вики даже на расстоянии и в полной темноте...

Я залез к себе в палатку, потом привычно натянул два свитера и китель, взял гитару и пошел к костру. Танцы уже прошли или еще не начинались – во всяком случае, все сидели у костра и терпеливо ждали песню.

Я услышал, как громко хлопнула невидимая дверца, нетерпеливо заскворчал стартер, взревел мотор, и машина умчалась, растаяв в черной пустоте луга.

Вика вернулась к костру и села рядом с Костей. Он, как обычно, тут же облапал ее, но Вика не сопротивлялась. Она была тихой и какой-то не похожей на себя. Он обмял ее плечи, исследовал бока и бедра и уже, как я невольно отметил, скользнул пару раз повыше, проверяя не убежал ли куда-нибудь ее бюст и сохранилась ли прежняя упругость – она сидела смиренно. Похоже, напряженно думала о чем-то своем.

Катя, как всегда, устроилась рядом со Славкой, хотя обмахивать его не было необходимости: комары исчезли до следующего вечера. Исчез и дым, искры крутились над костром, чистыми огненными спиралями уходя в небо.

Шум двигателя первым услышал Володя. Выпрямился, прислушиваясь, и взгляделся куда-то за мое плечо. Я обернулся, не переставая играть. По степи приближались желтые круги фар. Их заметили все, и песня оборвалась на полуслове.

– Что... это... – испуганно прошептала Вика.

– А вот и первые индейцы, – мрачно сказал Саша-К.

Машина подъехала к столовой, громко развернулась и покатила прямо на нас, ломая кусты. Загремели разваленные дрова, со звоном покотился умывальник – грузовик приближался. Что-то затрещало, хлопнул оборванный шнур палатки девчонок, стоявшей у самой кухни. И наконец грузовик остановился в полутора метрах от нас, горячо дыша радиатором слепя нестерпимо ярким в ночи светом. Рев мотора внезапно умолк, и сделалось совсем тихо, только трещали дрова в костре. Потом кто-то тяжело спрыгнул с борта – ничего не было видно из-за сплошной стены света, направленного прямо на нас. Наконец из темноты появились люди, чернея неровными силуэтами на фоне фар. Одна, две, три...

Славка тихо присвистнул.

Перед грузовиком стояли пять здоровенных фигур. Одна посередине была чуть поменьше и выделялась нелепым сооружением на голове – я узнал шофера в неподражаемой шляпе.

Все хранили молчание.

Шеренга двинулась к нам. Вика пискнула и спряталась за чью-то спину. Костя-Мореход не спеша встал, оправив тельняшку, и медленно поднял доску, на которой сидел. Рядом поднялся Володя. Стоявший возле шофера верзила вынул руки из карманов и медленно потер друг о друга кулаки. Тишина звенела растущим напряжением. Встал Славка и, взяв за плечи Катю, отодвинул ее куда-то в темноту.

Пришельцы сделали еще шаг.

От наших отделился Геныч.

Я понял, что сейчас нечто произойдет. Точнее, не «*нечто*», а именно вполне ясно, что – и ничего хорошего для нас из этого не будет.

Надо было решаться. Иначе...

Геныч напрягся, словно желая что-то сказать и не находя слов.

Я нарочито медленно отложил гитару, еще медленнее встал и шагнул навстречу деревенским. Судя по всему, они этого не ожидали. Самый здоровый верзила напрягся, как бык.

Сейчас ударит, – спокойно, как о постороннем, подумал я и, кашлянув, произнес насколько было возможно спокойным голосом:

– Чайку не хотите с нами выпить?

Парень молчал, медленно поднимая кулачищи.

– Я вас приглашаю, мужики – присаживайтесь с нами чай пить!

– Чего?.. – хрипло переспросил стоящий с правого краю лохматый блондин, чьи спутанные кудри светились вокруг головы, словно нимб.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.